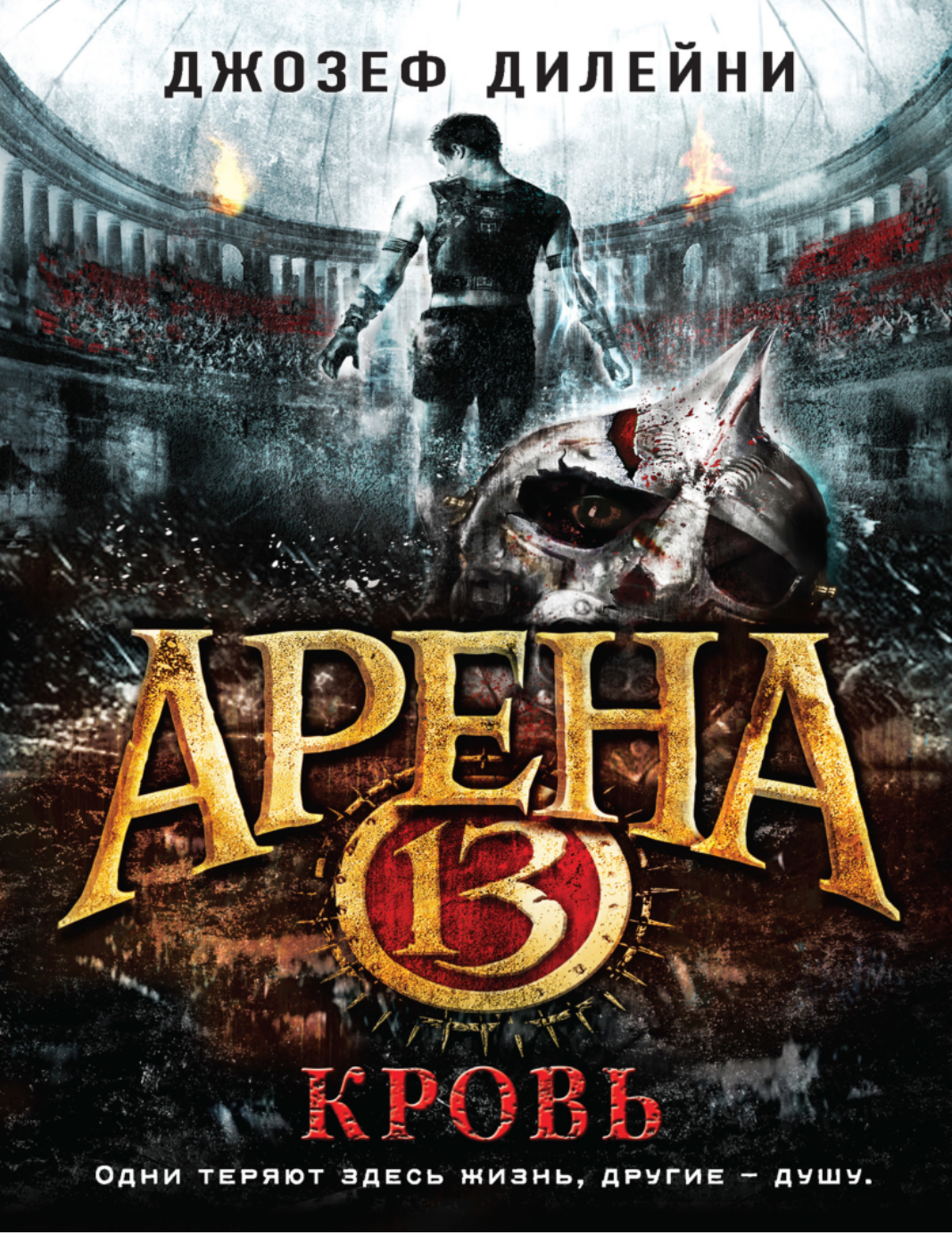
ДЖОЗЕФ ДИЛЕЙНИ



АРЕНА 13

КРОВЬ

Одни теряют здесь жизнь, другие — душу.

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Когда-то людям принадлежал весь мир, а теперь они не могут распоряжаться и собственными жизнями. Теперь они обитают в Мидгарде, земле побежденных, огороженной Великим Барьером. И вместе с людьми здесь пребывает Хоб – древнее и жестокое существо, пьющее кровь и похищающее души. Лейф – один из тех, чья семья была уничтожена Хобом. И теперь он живет для того, чтобы отомстить. Чтобы стать тем, кто сможет выйти с Хобом на поединок – и победить. Лейф начнет с того, что будет сражаться на Арене 13…

- Джозеф Дилейни
  -
  - Правила боя
  -
  -
  - Пролог
  - 1
  - 2
  - 3
  - 4
  - 5
  - 6
  - 7
  - 8
  - 9
  - 10
  - 11
  - 12
  - 13
  - 14
  - 15
  - 16
  - 17
  - 18
  - 19
  - 20
  - 21
  - 22
  - 23
  - 24
  - 25

- ○ 26
- ○ 27

Джозеф Дилейни
Арена 13
Кровь

Joseph Delaney
ARENA 13

Серия «Арена 13»

Copyright © Joseph Delaney, 2015
Cover illustration by James Frasher
© Penguin Random House Children`s UK, 2015
First published as “Arena 13” by Random House Children’s Publishers UK, a division of the Random House Group LTD
Joseph Delaney has asserted his right to be identified as the author of the Work.

© Овчинникова А., перевод на русский язык, 2018
© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2018

* * *

Правила боя

Главные правила

1. Цель боя на Арене 13 – рассечь плоть и пролить кровь. Мишени – сражающиеся люди.

2. Ни один противник не может сражаться в доспехах и иметь иную защиту. Допускаются лишь кожаные куртки и короткие кожаные штаны: плоть должна быть открыта клинку.

3. Состязание на Арене 13 заканчивается и считается выигранным, если один из противников ранен и пролилась кровь. Это может произойти во время боя или после его завершения, когда делается ритуальный порез. Если это случается во время боя, он должен быть немедленно остановлен, чтобы предотвратить смерть или серьезные увечья.

4. В случае смертельного исхода нельзя обвинять и упрекать победителя и требовать с него какого-либо возмещения ущерба. Любая попытка наказать или ранить победившего бойца за пределами арены карается смертью.

5. Победивший получает право на ритуальный порез руки противника, если выведет из строя его лака (или лаков).

6. Побежденный боец должен смириться с ритуальным порезом. Чтобы усилить боль, в таких случаях используется вещество крансин.

7. Позорная трусость во время ритуального пореза карается тремя месяцами запрета на посещение арены. Храбрость – обязательное качество.

8. Симулакр, обычно называемый «лак», используется как для атаки, так и для защиты сражающихся людей.

9. Боец «мин» сражается позади одного лака, боец «макс» сражается позади трех лаков.

10. Первые пять минут бойцы могут сражаться позади своих лаков. Потом звучит сигнальный гонг и они должны сменить позицию и биться перед лаками, где будут открыты клинкам своего противника.

11. Лак выходит из строя, когда клинок попадает в его горловую втулку. Это называется «обрыв» – лак падает и теряет способность двигаться.

12. Бойцы Арены 13 могут также сражаться по Специальным правилам.

Специальные правила

1. Правила боя насмерть

Цель боя насмерть – убить противника. К этому бою применимы все «Главные правила», но со следующими изменениями:

– Если во время боя проливается кровь, сражение продолжается.

– После того как лак или лаки противника выведены из строя, противник должен быть убит! Можно перерезать ему горло или отделить голову от туловища – решение за победителем. Смертельный удар наносится либо победителем, либо его лаком.

– В качестве альтернативы победитель может проявить милосердие в обмен на извинения или согласиться принять денежную компенсацию.

2. Правила Турнира учеников

Цель таких турниров – улучшение навыков учеников-первогодков. Для этого их ставят против их товарищей на Арене 13. Чтобы защитить учеников и смягчить суровость реального состязания на Арене 13, вносятся два изменения в «Главные правила»:

– Ученики всегда сражаются за спинами лаков.

– Клинки, которыми делается ритуальный порез, не смазываются крансином.

3. Вызов Хоба

– Когда Хоб посещает Арену 13, чтобы бросить вызов, боец «мин» должен сразиться с ним от имени Колеса.

– Все бойцы «мин» должны собраться в зеленой комнате, где при помощи лотереи будет избран тот, кому предстоит сражаться.

– К этой схватке применимы «Правила боя насмерть», за исключением одного: здесь нет места милосердию.

– Бой идет насмерть. Если боец-человек побежден, тогда его – живого или мертвого – может забрать Хоб. Бойцы, зрители и официальные лица не должны вмешиваться.

Второстепенные правила

1. Мечи нельзя приносить в зеленую комнату или в раздевалку.

2. Мечи Арены 13 нельзя использовать за пределами арены. Это правило необходимо поклясться соблюдать при регистрации.

Любое нарушение карается пожизненным запретом на участие в боях на Арене 13.

3. Плевать на арене запрещается.

4. Ругаться и богохульствовать на арене запрещается.

5. Оскорблять своего противника во время боя запрещается.

6. В случае любого разногласия решение главного распорядителя обжалованию не подлежит.

Посвящается Мэри

Мертвые видят сны.

Им снится мир Ним, и они беспомощно блуждают в его темных лабиринтах в поисках того, чего никогда не могут достичь.

Но очень, очень немногим говорят слов.

Это слов, который снова призывает их к жизни.

Прокляты дважды рожденные.

Пролог

В цитадели с тринадцатью шпилями обитает Хоб. Он жаждет крови. Мы будем давать ему кровь, пока он в ней не утонет.

«Амабрамдата»,

книга пророчеств гентхаев

Хоб ждет женщину в темноте, ждет сразу за рекой, под деревьями – там, где его не может коснуться бледный свет луны. Он нюхает воздух, осторожно пробуя его до тех пор, пока ветер не доносит до него резкий запах крови. Теперь он чувствует этот запах на корне языка.

Шола одна. Ее муж и ребенок остались в фермерском доме на вершине холма. Ее сын спит; ее муж Лазарь ничем не может ей помочь.

Зов силен, – еще никогда он не был таким могучим. Шола должна ответить на призыв Хоба. Воля покидает ее, и она бежит вниз по склону, пока не оказывается у реки. Она точно знает, куда идти, и, сбросив обувь, задирает платье до колен и идет вброд по мелководью к ждущей темноте деревьев. Один раз она чуть не теряет равновесие на скользких камнях. Вода холодная и ласкает ее ноги словно прикосновения шелкового шарфа, но лоб горит как в лихорадке, и во рту пересохло.

Женщина борется с собой: она хотела бы остаться дома, с семьей, но быстро отбрасывает эту мысль. Если не явиться на зов, Хоб поднимется по склону холма к дому и убьет ее сына.

Хоб угрожал, что сделает это.

Муж не сможет защитить их ребенка.

Лучше подчиниться воле Хоба.

Сегодня ночью, когда село солнце, Лазарь принес с чердака потрепанный кожаный футляр, хромая, прошел по каменным плитам, положил футляр на кухонный стол и вынул из него два меча с изукрашенными рукоятями, сработанными в виде волчьих голов.

Это были тригладиусы – те, которыми он сражался на Арене 13 в городе Джиндин целую вечность назад.

– Не ходи к нему! – Его голос был полон гнева. – Я пойду вместо тебя. Этой ночью я изрублю тварь на куски!

– Нет! – запротестовала Шола. – Подумай о нашем сыне. Если

я не пойду, Хоб его убьет, он много раз меня об этом предупреждал. Ты ведь знаешь – даже если сегодня ночью тебе удастся его убить, завтра его сменит другой. Ты не можешь сражаться со всеми ними, ты знаешь это лучше любого другого! Пожалуйста, пожалуйста, позволь мне пойти к нему!

Наконец, к облегчению Шолы, Лазарь сдался и вернул мечи в кожаный футляр. Убирая их, он плакал.

Теперь, шагнув на свет луны, она видит на фоне неба очертания Хоба. В темноте глаза его сверкают ярче звезд. Он огромен; никогда еще она не видела его таким громадным.

Шола, дрожа, стоит перед ним, сердце ее сильно колотится, а дыхание трепещет в горле словно готовая к полету душа. Она покачивается, но не падает. Теперь Хоб придвигается ближе и крепко стискивает ее плечи.

«Он просто попробует немного твоей крови, – говорит она себе. – Некоторое время сердце будет биться с трудом, а ноги – дрожать, это будет больно, но ты сможешь перетерпеть боль. Как и раньше, все быстро кончится, и ты вернешься домой, к семье».

Но теперь все по-другому. Это тот момент, которого она всегда боялась – когда он призовет ее в последний раз. Она слышала истории и знала, что рано или поздно все кончается и однажды ночью Хоб не позволит ей уйти.

Его зубы вонзаются в ее горло очень глубоко – слишком глубоко. Такой боли она не испытывала никогда прежде. Он пьет ее кровь большими жадными глотками.

Это начало ее смерти.

Когда перед глазами Шолы темнеет, в ее мозгу вспыхивают воспоминания о муже и сыне, и она погружается в волны печали и тоски по ним. Она старается не думать о них: воспоминания приносят лишь боль.

А когда Шола падает в темноту, она переживает нечто еще более ужасное. Как будто рука тянется глубоко внутрь нее, чтобы ухватить, скрутить и отпустить; тянется дальше сердца, дальше плоти, чтобы выдернуть ее сущность словно зуб.

Как будто нечто высасывает саму ее душу.

Некоторые зовут его «Старый Хоб». Другие шепчут «Страшила», чтобы напугать детей. Еще кто-то называет его «Гоб» или «Гоббли». Женщины зовут его Клыком.

Но под любым именем он – мерзость.

Такая тварь заслуживает того, чтобы ее разрубили на куски и разбросали их по ветру.

Но люди слабы и испуганны, здесь правит Хоб.

Потому что это Мидгард, земля побежденных и павших.

Это Место, Где Пребывают Люди.

1
Палочный бой

Палки и камни могут сломать мне кости,
Но словы куда опасней.

Сборник старинных сказок и баллад

Я наблюдал, как два палочных бойца осторожно обходят друг друга. Светловолосый парнишка был высокий и быстрый – местный чемпион, побеждавший всех пришлых. Я уже видел, как он с легкостью одолел четырех противников, однако с пятым – приземистым, мускулистым, но с удивительно хорошей реакцией – ему пришлось попотеть.

Эти бойцы казались на пару лет старше меня (им было лет по семнадцать-восемнадцать) и намного крупнее. «Смогу ли я победить чемпиона? Достаточно ли я силен?» – гадал я.

Они уже обменялись ударами, но ни один не попал в нужное место; удар в лицо или по голове принес бы немедленную победу.

Они бились на пустоши на окраине города, в кругу возбужденных зрителей, которые молотили руками по воздуху и кричали, сжимая квитанции, купленные у букмекера, издалека наблюдавшего за состязанием. Здесь по большей части собралась молодежь, подростки вроде меня, но были в толпе и люди среднего возраста – они так же азартно размахивали руками и кричали, поддерживая выбранного бойца.

Ставить против чемпиона было рискованно: вы вполне могли потерять свои деньги, хотя, если бы случайно выиграли, получили бы вчетверо больше поставленного. Я бы не рискнул делать ставку против чемпиона: несмотря на сноровку противника, он казался уверенным в победе.

Впрочем, даже пожелай я поставить, я бы не смог, потому что денег у меня не было. Я шел пешком почти две недели и только что добрался до города Джиндин. Больше дня у меня не было во рту ни крошки, и мне ужасно хотелось есть. Поэтому я и пришел посмотреть на палочный бой – я надеялся принять в нем участие. Букмекер устраивал схватки, чтобы благодаря ставкам зарабатывать деньги, но платил только победителю.

Внезапно невысокий мускулистый мальчик отбросил всю осторожность и яростно атаковал, заставив противника

попятиться. Несколько секунд казалось, что его напор и быстрота восторжествуют, но высокий светловолосый парнишка шагнул вперед и врезал палкой ему по губам.

Когда отполированное дерево встретилось с плотью и зубами, послышался отчетливый стук, а вслед за тем негромкое хлюпанье.

Побежденный шатнулся назад, выплевывая осколки зубов; кровь полилась из его рта и испачкала рубашку.

Что ж, вот и все. Теперь пришло мое время… По крайней мере, я надеялся, что пришло.

Я пристроился в хвост небольшой очереди зрителей, выстроившихся в ожидании своего выигрыша, а когда наконец оказался первым, уставился на букмекера. Он был наискось опоясан голубым кушаком в знак того, что его профессия – агент азартных игр. Благодаря сильным челюстям и близко посаженным глазам он выглядел крутым; кроме того, у него был жестоко сломан и расплющен нос.

– Где твоя квитанция? – спросил он. – Пошевеливайся, я не могу ждать весь день!

Когда он заговорил, я увидел, что у него недостает нескольких зубов, а некоторые сломаны, и догадался, что он и сам раньше был палочным бойцом.

– Я здесь не для того, чтобы заключать пари, – сказал я. – Я хочу драться.

– Ты с юга, так? – насмешливо улыбнулся он.

Я кивнул.

– Новенький в Джиндине?

Я снова кивнул.

– Раньше уже дрался на палках?

– Много раз. – Я уставился ему в глаза, стараясь не моргать. – Обычно я побеждал.

– Да неужто? – Он засмеялся. – Как тебя звать, парень?

– Меня зовут Лейф.

– Что ж, Лейф, ты не робкого десятка, в этом тебе не откажешь. Поэтому я дам тебе шанс. Можешь драться следующим. Толпе нравится свежая кровь!

Я получил свой шанс легче, чем ожидал.

Он провел меня в центр маленькой лужайки с грязной травой и положил большую мясистую ручищу мне на макушку. Потом показал на высокого светловолосого мальчика (его предыдущего противника нигде не было видно) и сделал знак, чтобы тот встал по правую руку.

– Роб снова победил! – крикнул букмекер. – Побьют ли когда-нибудь этого парня? Что ж, возможно, это случится прямо сейчас… Лейф новичок в городе. Он дрался и раньше, там, на

юге. Дрался и побеждал. Может, провинциальный мальчишка сумеет кой-чему научить городских парней? Итак, идите и делайте ваши ставки!

Мгновение-другое никто не реагировал. Меня оценивали больше двухсот пар глаз: некоторые зрители ухмылялись, другие таращились на меня с неприкрытым презрением.

А я тем временем рассматривал своего противника. Его рубашка ярко белела в свете послеполуденного солнца, темные брюки и кожаные сапоги были хорошего качества, не то что моя клетчатая зеленая рубашка, грязная после путешествия, и штаны с дыркой на левом колене. Теперь люди пялились и на мои ботинки с отваливающимися подошвами. К тому же я был смуглее всех здесь собравшихся. Некоторые зрители просто качали головой и уходили. Если никто не захочет делать ставки, я не смогу драться, а мне нужно было драться и победить.

Однако, к моему облегчению, вскоре перед нами выстроилась небольшая очередь, и букмекер принял ставки.

Сразу после этого я столкнулся со следующей проблемой.

– У меня нет палки. Не мог бы кто-нибудь одолжить мне ее? – спросил я у букмекера, возвысив голос так, чтобы толпа тоже это услышала.

Я оставил свои палки дома, у моего друга Питера. Я путешествовал в Джиндин не для того, чтобы стать палочным бойцом – был уверен, эти дни для меня миновали.

Букмекер возвел глаза к небу и выругался себе под нос, а кое-кто из очереди ушел, внезапно потеряв интерес к происходящему. Но потом кто-то вложил палку в мою правую руку, и несколько мгновений спустя я оказался лицом к лицу с чемпионом, а толпа окружила нас кольцом. Я тут же увидел еще одну сложность: приближался вечер, солнце стояло уже довольно низко, и я смотрел прямо на него.

Мой противник двинулся ко мне на слегка согнутых ногах – темный силуэт на фоне солнца. Я прищурился, глядя на него, ожидая, когда он атакует, – и вот он ринулся вперед. Он был быстрым, и я едва избежал удара. Я увернулся, уйдя влево, и двинулся по кругу, а он провожал меня глазами.

Толпа начала выкрикивать его имя:

– Роб! Роб! Роб!

Они желали ему победы, я был для них чужаком.

Я продолжал идти по кругу до тех пор, пока солнце не перестало меня слепить, и тогда уставился в голубизну его глаз. Он выпрямился во весь рост, и я снова заметил, насколько он высок – он сможет дотянуться куда дальше, чем я. Мне нужно заставить его ошибиться, а потом навязать ближний бой.

Светловолосый парень снова напал, и я, нырнув, ушел от удара, когда его палка мелькнула над моим правым плечом. На этот раз он почти меня достал. К тому же полуоторванные подошвы моих башмаков с каждым шагом шлепали по влажной скользкой траве.

«Сосредоточься, Лейф, сосредоточься», – сказал я себе.

Когда он атаковал в следующий раз, я оказался недостаточно быстрым и, получив болезненный удар по правой руке, выронил палку.

Толпа тут же разразилась ликующими одобрительными криками.

Одно из правил палочного боя гласит: что бы ни случилось, ты не должен бросать оружие. Брось его – и бой все равно что закончен, ведь твой противник сможет приблизиться и ударить тебя, не боясь контратаки. Удар попал по нерву, моя правая рука онемела и теперь беспомощно висела вдоль тела.

Я начал бой довольно уверенно, помня все свои победы дома, но, возможно, недооценил ситуацию. В конце концов, в городе жило куда больше людей, чем в деревне, откуда я пришел, и резонно было предположить, что чем больше палочных бойцов, тем выше стандарты.

Роб улыбался, приближаясь с поднятой палкой. Интересно, ударит ли он мне по губам – если так, я наверняка лишусь зубов.

Толпа снова начала выкрикивать, все громе и громче:

– Беги, кролик, беги! Беги, кролик, беги! Беги! Беги! Беги!

Они смеялись, выкрикивая это. Они хотели, чтобы я сдался и убежал.

Бегство было бы вполне разумным поступком – зачем стоять и ждать, когда тебе выбьют зубы?

Я так никогда и не узнал, целил мне Роб в лоб или в губы. Я нырнул под удар, перекатился рядом с его сапогами и подхватил свою палку левой рукой. Не успел он повернуться ко мне лицом, как я уже стоял на ногах.

Потом я сбросил свои бесполезные башмаки – сперва правый, затем левый. Время как будто замедлило бег, и я услышал, как каждый ботинок шлепнулся на траву. Я растопырил пальцы ног и зарылся ими в поросшую травой землю. Так-то лучше. Я крепко сжал палку. Онемение в правой руке еще не прошло, но это было не важно: я берег эту руку, но почти так же свободно мог драться и левой. Я умел драться обеими руками.

Я атаковал.

Роб был быстрым, но и я был быстрым – очень быстрым. Может, босиком и не таким проворным, как тогда, когда носил пару добротых сапог, но вполне достаточно. Я ударил его по

правому запястью, потом высоко в левое плечо – не настолько сильно, чтобы рука онемела, и он выронил палку… Зато мне удалось его взбесить, а именно этого я и добивался.

У меня самого были веские причины сердиться. Рука болела, и среди наблюдающих за схваткой людей очень немногие желали мне победы: на меня поставили человека четыре, не больше. Но палочный боец, зрение которого затуманено гневом, делает шаг к своему поражению. Сражаясь, я всегда старался сохранять спокойствие, но сейчас видел, что мой противник взбешен. Он явно редко получал удары, а может, ему было стыдно перед теми, кто его поддерживал, и он жаждал мести, – как бы то ни было, теперь я крепко его достал и он пришел в ярость. Он ринулся на меня, размахивая палкой так, будто хотел снести мне голову с плеч.

Три раза он промахнулся, потому что я играючи уходил от удара, отступая по траве. Но после третьей атаки я внезапно шагнул к нему. На секунду он полностью открылся, и я воспользовался подвернувшимся шансом.

Я мог бы ударить его по губам, – так же, как он сам ударил предыдущего бойца. Некоторые бойцы были жестокими, им нравилось как можно сильнее ранить своего противника, но я искренне любил палочный бой и предпочитал оттачивать свои навыки и быстроту, дарившие мне победу, а не наносить кровавый и эффектный удар, завершающий схватку.

Поэтому я ударил Роба с минимальной силой, просто быстро стукнул его по лбу, так что даже не потекла кровь.

Этого было достаточно.

Бывший чемпион выглядел ошеломленным. Толпа смолкла.

Я победил. Только это и имело значение.

Букмекер улыбался, выплачивая мне выигрыш.

– Ты хорош. Очень быстрый! – сказал он. – Приходи завтра в то же время, и я найду тебе противника получше.

– Может, и приду, – улыбаясь, из чистой вежливости ответил я.

Я не собирался этого делать, – бои на палках не входили в мои планы.

Теперь я мог купить еды, и у меня останется еще немного денег – достаточно, чтобы починить башмаки.

Этой ночью я спал в амбаре на краю города. Я встал на рассвете, умылся у уличной колонки, пытаясь принять как можно более приличный вид перед задуманной мною встречей с Тайроном, одним из самых важных людей в городе Джиндин. У меня был голубой выигрышный билет, дававший право на то, чтобы меня тренировал самый лучший – а самым лучшим был

Тайрон.

Я хотел, чтобы он тренировал меня для боя на Арене 13.

2
Тайрон Механик

Тех, кого боги желают уничтожить, они проклинают безумием.

Тех, кому боги желают процветания, они благословляют удачей.

«Амабрамсум»,

книга мудрости гентхаев

– Сядь, сядь! – велел Тайрон, нетерпеливо кивнув на кресло напротив своего стола.

Но, как только я уселся, он яростно покачал головой и показал на открытую дверь за моей спиной:

– Мы же не хотим, чтобы кто-нибудь узнал о наших делах, мальчик?

Он был прав. Мы находились в общественном здании, здесь располагались конторы администрации Колеса и в коридоре за дверью сновали люди.

Я закрыл дверь, снова сел и, всеми силами стараясь быть терпеливым, принялся ждать, когда Тайрон заговорит. Я отдал свой голубой билет рано утром, объяснив, чего хочу, а сейчас до заката оставалось меньше получаса – у него была масса времени, чтобы принять решение. Что же он решил и почему думал так долго?

В комнате не было окон, с потолка свисал деревянный трехрожковый канделябр, и оплывшие желтые свечи ровно горели в неподвижном воздухе. Здесь воняло свечным салом и потом.

Тайрон перебирал бумаги, что-то разыскивая на своем обитом кожей столе. Мое кресло было куда ниже его кресла, поэтому, будь я даже с него ростом, он все равно смог бы смотреть на меня сверху вниз – я не сомневался, что это сделано нарочно.

Я мог отнести свой выигрышный билет любому тренеру в Джиндине, но предпочел предъявить его Тайрону. Похоже, во всей стране он считался самым лучшим, даже в моих родных краях люди знали его имя. Он выглядел не так, как я себе представлял: коренастый, с красноватым лицом и седеющими

волосами, постриженными очень коротко, чтобы скрыть, что спереди они редеют. Его характер был написан на лице – передо мной сидел много переживший и повидавший человек.

– Послушай, мальчик, ты выиграл свое право, – наконец произнес он, взяв мой билет. – В этом я не могу тебе отказать. Но сколько он стоит?

Я не понял, о чем он. Выигрышный билет нельзя продать, его нельзя обменять на деньги. И он становился действительным только тогда, когда его проверял и подписывал смотритель игорных домов, о чем я позаботился, так что теперь билетом мог воспользоваться только я сам.

– А что, если вместо этого я найду тебе место ученика ремесленника? – предложил Тайрон, и у меня упало сердце. – Какое-нибудь симпатичное, надежное место. Город все больше богатеет, и ты мог бы стать каменщиком или столяром. А когда через пять лет срок твоего ученичества закончится, ты сможешь хорошо зарабатывать. Будешь твердо стоять на ногах. Все, что от тебя требуется, – сунуть билет в карман и забыть о нем. Я даже заплачу за твое ученичество, жилье и еду, и ты не будешь должен мне ни пенни.

С чего бы ему так поступать? Почему он так хочет от меня избавиться, что заплатил бы, лишь бы я оказался в каком-нибудь другом месте? В конце концов, если он даст мне то, чего я хочу, это ничего не будет ему стоить. Игорные дома каждый сезон содержали пять учеников, практика которых частично оплачивалась благодаря тысячам билетов, проданных подающим надежды молодым людям. Или (что случалось чаще) проданных их отцам. Голубые билеты стоили дорого.

Арена 13 в Джиндине притягивала тех, кто искал острых ощущений, шанса прославиться и заработать настоящие деньги вместо того, чтобы устраиваться на учебу к какому-нибудь ремесленнику или, того хуже, заниматься тяжелой черной работой. Это стало одной из причин, по которым я хотел там сражаться, хотя имелась и другая, более личная, но ее я не был готов раскрыть никому, даже Тайрону.

– Ну, что скажешь? – спросил он. – Каким ремеслом тебе хотелось бы заняться?

– Я хочу работать у вас, господин, – повторил я. – Хочу научиться сражаться на арене.

– Повтори-ка, как тебя зовут? – строго спросил Тайрон.

Я сделал глубокий вдох и сообщил ему это в третий раз:

– Меня зовут Лейф.

Он встал.

– Послушай, Лейф, ты мне не нужен. – Теперь он говорил

громче, и в его голосе звучал неподдельный гнев. – Почему я должен давать тебе место, когда у меня под дверью шумят дюжины тех, кто уже доказал свои способности? Система такова, что твой выигрышный билет дает тебе право на тренировки, но не гарантирует, что тренировать тебя буду именно я. Ты, как и многие другие парнишки из провинции, просто пытаешься сделать свои мечты явью. А реальность отличается от той жизни, какую вы себе представляете. Еще как отличается! Держу пари, ты даже никогда не был в Колесе и не видел ни одной арены.

Я понурил голову. Он был прав. Я впервые явился в Джиндин.

– Я здесь только со вчерашнего дня, у меня еще не было случая что-нибудь увидеть.

– Кто тебя сюда привез? – требовательно спросил Тайрон. – Чья это была повозка?

– Никто меня не привозил.

– Никто? Сейчас ты скажешь еще, что пришел сюда пешком!

– Так оно и было. Я шел пешком.

– Что?! От самого Майпосина?!

Я кивнул.

Тайрон удивленно приподнял брови. Я думал, он собирается отпустить какое-нибудь недоверчивое замечание, но вместо этого он попросил:

– Расскажи-ка мне о том билете, мальчик! Кто за него заплатил – твой отец?

– Мой отец умер и мать тоже.

– Что ж, грустно это слышать. Но я задал тебе вопрос, а когда я задаю вопрос, я жду на него ответ.

– Две недели назад в Майпосин явился торговец, – начал объяснять я. – У него был большой караван из пяти фургонов, и люди со всей округи сошлись, чтобы выменивать и покупать. Под вечер мужчины начали пить. Он к ним присоединился и спустя некоторое время предложил, чтобы местные парни устроили для него какое-нибудь представление, а он вручит победителю приз. Поэтому мы начали драться на палках: трое против одного. Как обычно, я победил, но был очень разочарован, когда моей наградой стал всего лишь голубой лотерейный билет…

– Погоди-ка минутку, – перебил Тайрон. – Что ты сказал?

Мне казалось, что я выражаюсь ясно, но все-таки я повторил:

– Я сказал, что был разочарован, потому что выиграл всего лишь голубой…

– Нет, мое внимание привлекли первые твои два слова. Ты сказал, что победил «как обычно». Я не ослышался?

Я кивнул. Я не рисовался, просто рассказывал правду.

– Я был лучшим палочным бойцом в Майпосине, чемпионом.

С тех пор как мне исполнилось четырнадцать, я проиграл всего один раз, потому что было мокро и я поскользнулся в грязи… Хотя это не оправдание. Если хочешь победить, ты не должен поскальзываться.

– И сколько лет тебе сейчас?

– На прошлой неделе исполнилось пятнадцать.

– Итак, ты обычно сражался один против команды из трех мальчишек?

Я кивнул.

– Да, обычно один против троих, в точности как лаки на Арене 13. Но время от времени и один на один.

– Продолжай. Ты сказал, приз тебя разочаровал, – с чего бы это?

– Да просто потому, что я невезучий, – ответил я. – Никогда не был везучим. Каждый год продаются тысячи билетов, и только пять из них выигрышные. Но главный распорядитель вытянул из лотерейного барабана именно мой номер. Я выиграл! Поэтому сразу отправился в город и, как уже сказал, шел всю дорогу пешком, так что потратил немало времени, чтобы сюда добраться.

– Тот торговец – опиши-ка его! – потребовал Тайрон.

– Он был крупным мужчиной, наверное, вашего возраста, с рыжими волосами и рыжей бородой.

Тайрон медленно и глубоко вздохнул; судя по выражению его лица, описанный мной человек был ему знаком.

Наступило неловкое молчание, которому я положил конец, затараторив:

– Я шел пешком от самого Майпосина. Разве это не говорит о том, как сильно мне хочется быть здесь и сражаться на арене? Я хочу, чтобы меня тренировал самый лучший, вот почему я выбрал вас! Я хочу быть одним из самых великих и удачливых в истории бойцов, я мечтал об этом с раннего детства. Пожалуйста, дайте мне шанс! Я буду работать вашим слугой задаром, пока вы не увидите, на что я способен.

– Что ты имеешь в виду?

– Пока вы не увидите, как я сражаюсь.

– Ты не можешь сражаться, пока тебя не обучат, а я уже сказал, что не буду тебя тренировать, поэтому не собираюсь тратить время на пустую болтовню. Убирайся отсюда, мальчик, живо! Иди надоедать кому-нибудь еще! – рявкнул Тайрон, показывая на дверь.

Раздираемый противоречивыми чувствами, я встал и оттолкнул кресло, чтобы уйти. Мгновение я пристально смотрел на Тайрона, потом повернулся и пошел к двери.

– Эй! – крикнул он. – Лови!

И, когда я повернулся к нему, он выхватил что-то из-за своего кожаного пояса и швырнул в меня.

Это был кинжал.

Кувыркаясь, он стремительно летел ко мне, и клинок поблескивал в свете свечей. Прищурившись, я заметил, что кинжал нацелен на добрую пядь правее моей головы: Тайрон не хотел меня ранить, только ошеломить. Это была проверка.

Я протянул руку, схватил кинжал на лету, прошел обратно к столу и положил оружие на черную кожу, рукояткой к Тайрону. Потом медленно, неторопливо поклонился.

Когда я снова поднял голову, Тайрон смотрел прямо мне в глаза. Прошло немало времени, прежде чем он заговорил.

– Что ж, Лейф, этим ты заслужил визит в Колесо, – наконец сказал он. – Но и только. Мой двухлетний внук ловит не хуже!

3
Вонь крови

Победа отмечается ритуальным порезом плеча побежденного бойца.
Хотя в поединке нет намерения убить, бывают и несчастные случаи.

Руководство по бою на Тригладиусах

Я шел за Тайроном по узким пустынным улицам Джиндина. Уже начинало темнеть, хотя дождь, ливший как из ведра во время моего появления в городе, наконец прекратился. На сердце у меня лежал тяжелый камень. Да, хорошо будет посетить Колесо, но мне нужно больше, гораздо больше…

Все еще стояла ранняя весна, и упряжки тяжелых ломовых лошадей день-деньской тащили фургоны, заново перепахивая колеи в городе. Вдоль домов тянулись деревянные тротуары, но многие были в плохом состоянии – в одном месте не хватало досок, в другом они прогнили; кое-где вход в переулки преграждали кучи мусора. Все это сильно отличалось от города, существовавшего в моем воображении: я думал увидеть впечатляющие здания, порядок и аккуратность.

Ожидая решения Тайрона, я провел часть дня, наблюдая за движением на улицах. Я видел повозки, доверху нагруженные углем или деревом, а еще – огромные фургоны с холщовым верхом, каждый из которых служил домом какому-нибудь многообещающему бойцу из провинции.

Сезон Триг начался сегодня и должен был продлиться до ранней осени. Мой отец, который сражался в Джиндине, рассказывал, что на это время население города почти удваивается.

Солнце все еще не зашло, но со склона холма улицы выглядели темными; лишь кое-где висели на крюках лампы. У меня было такое чувство, будто за нами наблюдают из тени. Может, Тайрон тоже это ощущал, потому что шел через город очень быстрым шагом.

Внезапно краешком глаза я заметил какое-то движение слева – там дернулась чудовищная тень, заслонив собой весь переулок. Я резко остановился. А вдруг это Хоб?

Я застыл на месте, и Тайрон обернулся, раздраженно

нахмурившись:

– В чем дело, мальчик?

Я показал на тень, и он, перестав хмуриться, сделал осторожный шаг к переулку. Мгновение он стоял, вглядываясь туда, а потом поманил меня и показал на окно – теперь я заметил, что тень падает оттуда.

На темной улице светилось лишь это окно, и между занавесками я увидел человека, который таращился в переулок: широкое лицо, жестокое и грубое, сплющенный нос, в открытом рту ни единого зуба. Этот здоровяк, хоть и беззубый, лишь недавно миновал пору своего расцвета, и пламя свечи отбрасывало его тень, превращая ее в тень какого-то гротескного великана-людоеда. За спиной мужчины стояла свеча, и он, повернувшись, протянул руку и вынул ее из подсвечника. Он поднес пламя ко рту, как будто собирался его съесть, но внезапно все его тело тряхнула судорога, он втянул воздух и, надув щеки, загасил пламя, погрузив комнату в кромешную темноту.

– Я увидел большую тень и подумал, что это Хоб, – сказал я. – Извините.

– Не извиняйся. Насколько мы знаем, это и вправду мог быть Хоб, – прошептал Тайрон, быстрым шагом двинувшись дальше. – В такую ночь Хоб может быть где угодно. О нем рассказывают много историй, и большинство из них лишь сказки, но часто основанные на правде.

Хоб был джинном, терроризировавшим всю страну Мидгард, но здешний город являлся сосредоточием этого ужаса. Хоб жил в цитадели на высоком холме над Джиндином, и страх перед ним прогонял людей с улиц после наступления темноты. Я не отозвался на слова Тайрона. Я знал о Хобе все – да и кто не знал?

Дальше мы шагали молча.

Город стоял на склонах огромного холма, и здешние дома, как почти все дома в Мидгарде, были деревянными. Вообще-то, кроме Джиндина, в стране не было городов; мой родной Майпосин, находившийся далеко на юге, второе по величине поселение, в сравнении с ним казался крошечным. Я никогда еще не видел такого множества домов и такого лабиринта улиц. И все равно я сумел бы добраться до Колеса и сам: это впечатляющее строение, высоко вздымавшееся над городом, было видно из любой точки Джиндина – соперничать с ним могла лишь огромная темная глыба скотобойни на востоке.

В Колесе находилось тринадцать арен. А еще «Колесо» являлось средоточием игорных домов, центром деловой активности города, процветавшего в значительной степени благодаря боям на арене и азартным играм. Все остальное

изобилие проистекало от окружающих ферм и скота, который продавали на рынках и гнали на бойню, чтобы кормить жителей Джиндина.

Колесом называлось громадное круглое деревянное сооружение. Его выгнутые стены уходили в небо как утес; их венчал гигантский медный купол, сейчас омытый красным заревом последних лучей заходящего солнца. Здание оказалось куда больше, чем я себе представлял, при виде него у меня перехватило дыхание. Город меня разочаровал, но Колесо превзошло все самые смелые мечты.

Над ним зловеще кружило не меньше десятка черных грифов, медленно паривших по спирали против часовой стрелки. Говорят, грифы проводят весь день, навещая бойню и повозки с мясом, но, когда солнце скрывается за Западным Океаном, они гарпиями опускаются на купол, слетаясь туда в ту пору, когда кто-то собирается умереть на Арене 13.

Подойдя к Колесу, я заметил слева и справа от входа пару здоровяков в голубой форме. Они сердито посмотрели на меня, но Тайрон прошел внутрь так уверенно, как будто вообще их не заметил.

Я был потрясен, после прохладных, тихих, безлюдных улиц оказавшись в жарком, шумном, забитом людьми Колесе, где пот почти ощущался на вкус. Прорва зрителей толкалась и пихала друг друга, и громкий гул разговоров эхом отдавался от высокого потолка. Голова шла кругом от возбуждения. Никогда еще я не видел столько людей в одном месте, и все они отчаянно старались пробраться куда-то без очереди, но толпа снова и снова отпихивала их. Человек останавливался лишь затем, чтобы обменять монеты на квитанции, и я знал, что это означает: люди делали ставки на возможных победителей на разных аренах.

Я на мгновение остановился и уставился вверх, на изнанку массивного купола, совершив тем самым большую ошибку.

Когда я снова опустил глаза, Тайрон почти исчез из виду, оставив меня позади, а ко мне направлялся крупный мужчина с мрачным лицом, опоясанный наискось красным кушаком. У него на поясе висела дубинка, и я не сомневался, что он не собирается дружески меня поприветствовать. «Это из-за моей одежды?» – озадаченно подумал я. Здоровяк таращился на меня так же сердито, как и охранники снаружи. Перед тем как войти, я заметил очередь у Колеса – может, в отличие от Тайрона, обычные люди должны платить за вход?

Тайрон вернулся как раз вовремя и схватил меня за руку. Человек поклонился ему:

– Извините, господин, я не понял, что он с вами.

Механик коротко кивнул, и мужчина удовлетворенно зашагал прочь.

– Красный кушак говорит о том, что он – распорядитель, представитель дирекции Колеса, – объяснил Тайрон. – Здесь слово таких людей – закон. Снаружи, как ты только что видел, заправляет охрана, гвардия Протектора, здоровяки в голубой форме, которых тебе лучше не задевать.

Протектор правил нашей страной. Его редко видели за стенами его дворца, и мельком видевшие говорили, что он похож на мужчину средних лет, но насчет его происхождения ходили разные домыслы; некоторые верили, что он джинн. И уж наверняка он жил слишком долго для человека.

– Раньше я не часто встречал охранников, – сказал я Тайрону.

– Само собой, в провинции-то. Ну а здесь другое дело, совершенно другое: несколько тысяч гвардейцев живут в бараках к северу от города. Веди себя тихо и никогда не смотри им в глаза, это главное. Им скучно, и иногда только такой повод и нужен, чтобы к тебе придраться.

Тайрон провел меня в узкую дверь, за которой оказался пролет ведущих вниз крутых каменных ступеней.

– Следуй за мной, мальчик, – сказал он и зашагал вниз. – Прежде чем мы посетим арену, я хочу показать тебе кое-что.

Спустившись по лестнице, мы вошли в большой подвал, огромный мрачный склеп, освещенный единственной мерцающей свечой рядом с дверью. Подхватив свечу, Тайрон двинулся к длинной скамье у дальней стены, и во рту у меня пересохло от страха, потому что на этой скамье, похоже, лежало несколько мертвых тел.

Это что, морг? Зачем Тайрон меня сюда привел? Я-то думал, я здесь для того, чтобы увидеть сражение.

– Это некоторые из моих лаков, – сказал Тайрон, показав на скамью. – Ими пользуются работающие на меня бойцы Арены 13.

Я почувствовал себя дураком. Конечно же, это лаки! И все-таки мной овладело беспокойство. Я видел, что некоторые лаки укрыты лишь простынями, но Тайрон подвел меня к тому, который был облачен в полный доспех. Лак лежал на спине в кольчуге, шлеме, маске и в защитных пластинах на плечах, руках, груди и коленях.

В Майпосине я встречался с людьми, которые, как и мой отец, работали в Джиндине и видели лаков, однако их рассказы не смогли подготовить меня к тому, что смутило меня сильнее всего: к вони этих созданий. В ней ощущалась омерзительная смесь разных запахов: звериный запах, напоминавший о мокром псе, запахи гниющей растительности и грязной соломы, а еще –

слабая вонь экскрементов. Интересно, что едят лаки и моются ли они когда-нибудь? Я столького еще не знал!

– Перед тобой симулакр, но все называют его просто «лак». У этого существа человеческое обличье, его плоть похожа на нашу: если его порезать, – потечет кровь, если ударить, – будет синяк, но разум его сильно отличается от человеческого. Он не осознает все так, как осознаем мы. Его поведение и поступки основываются на информации, полученной с помощью языка шаблонов Ним – языка, который используется людьми.

Большую часть того, что рассказывал Тайрон, я уже знал, но все равно внимательно слушал, стараясь ухватить малейшие частицы новых знаний.

– Человеческим бойцам не разрешается носить на арене доспехи, – продолжал Тайрон, – но лаки – другое дело. Здесь одна важная часть доспеха до сих пор отсутствует. Посмотри…

У лака была толстая мускулистая шея, и в том месте, куда показал Тайрон, я увидел вертикальный разрез, темно-багровую рану, выделяющуюся на белой коже.

– Это горловая щель. А это втулка, которая точно входит в нее…

Тайрон нагнулся, подобрал большой ошейник, плюнул на узкую металлическую втулку и осторожно опустил ошейник на горловую щель лежащего создания. Когда он это сделал, лак издал стон, исходящий откуда-то из недр живота. Опустив ошейник, Тайрон тут же защелкнул его на широкой шее. Там все еще оставалась брешь, куда мог войти клинок, но шею лака теперь защищал металл.

– Щель остается слегка приоткрытой, чтобы принять клинок, – объяснил Тайрон. – Но благодаря металлическому доспеху тело лака нельзя рассечь, и обычно остаются только небольшие синяки. Металл защищает мягкую плоть, и благодаря ему легче точно вогнать клинок. Конечно, втулка смещает и сдавливает пищевод, причиняя некоторые неудобства, и большинство считают, что это заставляет лаков не затягивать бой. Эта часть доспехов всегда подгоняется последней – и первой снимается. Когда клинок входит в горловую втулку, он вызывает полную остановку нервной системы побежденного создания, – то, что у нас называется «обрыв», – но это не убивает лака, как убило бы человека. Вытащи клинок, – и с помощью словов лак сможет прийти в себя и будет снова готов к бою.

Мне все еще было не по себе, но я подумал, что, если хочу сражаться на арене, мне придется привыкнуть работать с такими существами.

Теперь Тайрон положил ладонь на металлический доспех,

закрывающий лоб лака.

– Очнись! – негромко приказал он.

Лак резко сел, вытянув руки, словно человек, пробуждающийся от сна. Он сделал глубокий вдох, и за узкой горизонтальной щелью его маски замерцали глаза. У создания был угрожающий вид; у меня ёкнуло сердце, и я поймал себя на том, что делаю шаг назад. К счастью, Тайрон вряд ли это заметил, потому что все еще смотрел только на лака.

– Самопроверка! – рявкнул он. – Теперь я приказал лаку заняться проверкой своего разума и тела; он изучает комплекс шаблонов, который дает ему навыки, необходимые для сражения на арене.

Я кивнул, хотя на самом деле понимал не все, что говорил Тайрон. После того как я покинул дом, меня впервые ошеломила сложность задачи, которую я перед собой поставил. Очевидно, выражение лица меня выдало, потому что Тайрон улыбнулся:

– Со временем ученики получают навыки шаблонирования, но для начала работают с лаками, которым уже задали шаблоны и выдрессировали.

– Он нас видит? – нервно спросил я, всматриваясь в мерцающие глаза лака.

– О, прекрасно видит. И он умеет думать. Но всеми его мыслями правят шаблоны, заданные с помощью словов. Он не понимает, кто мы. Некоторые люди считают, что их называют «лаками» потому, что их кожа лишена волос и блестит, словно лакированная. А еще люди уверены, будто у лаков вовсе нет личности, нет способности по-настоящему думать и сознавать, но все это полная чушь. Пятьсот лет назад первый мастер механик задал шаблоны лакам, которые тогда были живыми и разумными существами, обладающими сознанием, как ты и я. Мы больше не умеем создавать новых лаков и новые словы; со временем те знания, к несчастью, были утрачены. Лак быстрее и сильнее человека, но всегда помни, что при этом он не человек, поэтому не беспокойся на сей счет. Так или иначе, мальчик, пойдем-ка теперь посмотрим на пару арен.

Мы покинули подвал и поднялись по ступенькам.

Когда мы шагнули за дверь, нам пришлось пробиваться сквозь толпу, и я не только услышал, но и ощутил ее возбужденный гул. Тайрон показал наверх.

– Над потолком – большой круглый холл, там вывешивают списки бойцов, которым предстоит сражаться, – объяснил он. – На этом этаже пол разделяется как спицы колеса, на тринадцать полей сражений, в каждое из которых можно попасть по системе коридоров внутри внешних стен.

Было трудно расслышать, что говорит Тайрон, не только из-за толкавших нас людей, которые, проходя мимо, кричали, чтобы быть услышанными: теперь до меня доносились еще и отдаленный ревущий речитатив, ободряющие крики и нечто, напоминающее ритмичный непрестанный бой барабана.

Тайрон повел меня в первую зону, и я увидел, что каждая из «спиц» находится на двух этажах. Под нами была деревянная коробка без окон, с открытым верхом, а над ней стояли зрители, глядя вниз на представление.

Мы присоединились к толпе, где люди толкались из-за мест на покатом балконе. Тех, что стояли впереди, крепко прижимали к металлическим перилам; мне казалось, они рискуют как минимум переломать себе ребра, и я обрадовался, что Тайрона, похоже, вполне устраивали места в заднем ряду.

Почти все зрители были мужчинами, грубыми и громогласными – они выкрикивали непристойности и сплевывали вниз, на арену. По толпе пробегали волны гнева и возбуждения, словно она была одним огромным чудовищем с мириадами спин, но с крошечным мозгом.

Тайрон показал вниз, мимо зрителей:

– Вот там, мальчик, и происходит бой.

Маленькая квадратная арена внизу вряд ли была больше, чем десять на десять шагов. На ней я увидел две огромные неуклюжие фигуры, облаченные в грубые бронзовые доспехи: эти двое сшибались, дико стискивая друг друга, размахивая руками, сталкиваясь головами и громко рыча.

– Здесь, на Арене 1, можно хорошо заработать! – прокричал мне в ухо Тайрон. – Некоторые из моих учеников занимаются только тем, что задают шаблоны лакам – таким, как эти. Поэтому, если у тебя достаточно мозгов, не нужно соваться на Арену 13. Почему бы не позволить лакам биться вместо тебя? На всех остальных аренах лаки дерутся друг с другом, а люди вообще не вмешиваются в бой. Только на Арене 13 ты рискуешь жизнью!

Две бодающиеся внизу твари были такими же созданиями, как и то, которое мы только что изучали в подвале.

Положив ладонь на мое плечо, Тайрон направил меня с балкона обратно в длинный изогнутый коридор, и мы пошли по часовой стрелке, мимо открытых дверей, ведущих на другие арены.

– Двигайся по часовой, – сказал Тайрон. – Когда идешь по кругу, на каждой арене демонстрируется все более высокий уровень навыков боя. Люди, которым эта игра в новинку, начинают с того, что задействуют своих лаков на самом низком уровне, а потом постепенно продвигаются вверх. Некоторые не

добиваются успеха – или не хотят добиваться, – но самые лучшие добираются до Арены Тринадцать, где идут сражения Тригладиуса.

Теперь он говорил почти шепотом.

– «Тригладиус» – древнее слово, означающее «три меча». Но, если не считать официальных поводов, все называют его просто «триг».

Отец объяснил мне, как происходят сражения на Арене 13. Вообще-то он говорил об этом, не переставая, вплоть до тяжелых, кошмарных месяцев перед своей смертью, случившейся больше трех лет назад.

Один боец-человек стоит позади трех лаков – известных как триглад – в так называемой позиции «макс», в то время как его противника защищает один лак в так называемой позиции «мин». Это кажется нечестным, но так уж заведено. Ясно, что одиночке гораздо труднее победить троих, и, таким образом, у второго бойца всегда меньше шансов. В том-то и заключается азарт. Если ты поставишь на бойца «мин» и он выиграет, ты тоже выиграешь – кучу денег.

Я знал, что мой отец был бойцом «мин». Требуются огромное умение и быстрота, чтобы победить в позиции «мин», поэтому именно этим хотел заниматься и я. Я хотел стать лучшим.

Наконец Тайрон открыл дверь, и я сделал глубокий вдох, когда мы шагнули на зрительский балкон.

– Вот мы и пришли.

Арена 13 оказалась куда больше, чем я ожидал после того, как увидел первую арену: пятьдесят шагов в длину и двадцать пять в ширину. Благодаря крутому подъему с балкона легко было смотреть вниз. Здесь не было стоячих мест, но все равно собралось по меньшей мере две тысячи зрителей.

Стоящие ярусами сиденья, обтянутые богатой красной кожей; наружные колонны, украшенные сложной резьбой; факелы с орнаментом из золота и серебра; выгнутые стены из ценного красного дерева – и витающий повсюду запах дерева и кожи, наводящий на мысли о традициях, лоске и манерах.

Балкон казался переполненным, но Тайрон уверенно спустился в первые ряды. Его хорошо знали, и люди махали или кивали ему, когда мы проходили мимо. Добравшись до первых рядов, мы стали протискиваться к нашим местам, а люди тянулись и радостно похлопывали Тайрона по спине и с любопытством рассматривали меня.

Чем ближе мы подходили к перилам, тем роскошнее становились наряды зрителей. Я не мог отвести глаз от женщин, разодетых в богатые шелка, – ничего подобного я еще не видел ни

в городе, ни за его пределами. Они румянили щеки, в волосы искусно вплетали ленты, губы у всех были накрашены черным. Женщин сопровождали мужчины в надетых наискось кушаках разных цветов.

– А зачем кушаки? – спросил я у Тайрона, когда мы заняли свои места.

– Некоторые указывают на ранг, но по большей части это просто официальные кушаки различных торговых гильдий: у оружейников – зеленый, у мясников – коричневый и так далее, – объяснил он.

– Почему же вы не носите кушак? – спросил я.

Он показал на свой широкий кожаный пояс с бронзовой пряжкой, на которой была изображена цифра 13.

– Это говорит всем, кто я такой, мальчик. Здесь моя территория, здесь сражаются бойцы из моей команды. Я – лучшее, что есть в этом городе. Я не хвастаюсь, это чистая правда.

Сладкий аромат женских духов плыл в неподвижном воздухе, смешиваясь с запахом дерева и кожи. Но теперь я ощутил и еще кое-что: в основном запах пота, да, но в придачу нечто металлическое и кислое.

Вздрогнув, я понял, что это вонь крови.

4
Бой насмерть

Бои насмерть обычно заканчиваются отсечением головы, иногда – перерезанием горла. Эти методы предпочтительней.

Множественные порезы и раны делают смерть неаккуратной.

Руководство по бою на Тригладиусах

Повсюду царило возбуждение. Оно звенело в воздухе, трепетало на губах женщин, отзывалось нервными движениями в неспокойных руках мужчин. Но я волновался сильнее всех. Наконец-то я смотрю на Арену 13! Я дрожал всем телом от предвкушения. Мне хотелось задать множество вопросов, но я не отваживался заговорить, зная, что или начну заикаться, или ляпну глупость. Тайрон испытывал меня, и надо было выглядеть уверенно и говорить твердо.

Деньги переходили из рук в руки, – много денег. Агенты азартных игр, энергично орудовавшие в проходах, принимали ставки, утверждая последние фантастические пари и раздавая красные квитанции.

Наши места находились в первом ряду. Внизу на арене с высокого потолка медленно спускался огромный канделябр с тринадцатью факелами, отбрасывая мерцающий желтый свет на бойцов, которые уже вышли из двух дверей – дверей «мин» и дверей «макс» – и занимали свои места. Вот-вот должна была начаться первая схватка.

Где-то стал бить невидимый медный барабан: медленный, размеренный ритм походил на удары чудовищного сердца.

Между бойцами ходил высокий человек в черном, опоясанный красным кушаком. Барабан внезапно смолк, и на зрительском балконе воцарилась тишина.

– Это Пинчеон, главный распорядитель, – прошептал мне Тайрон. – Он заведует всем Колесом, но на Арене 13 его обязанности по большей части церемониальные. Он выйдет оттуда до начала боя. Если во время схватки возникнет проблема, он отдаст необходимые приказы.

Главный распорядитель зашагал между двумя группами

бойцов, стоящими друг напротив друга. Лаки были с головы до пят в металлических доспехах (точно таких же, как на их сородиче, которого Тайрон показывал мне внизу) и смотрели сквозь горизонтальные щели в шлемах.

Два человека позади своих лаков были без доспехов – только короткие кожаные штаны выше колена и куртки чуть ниже подмышек. Отец рассказывал мне и об этом: незащищенная плоть служила мишенью для клинков лаков.

Театрально вскинув руки, Пинчеон посмотрел вверх, на нас, и громко обратился к зрителям:

– Это Арена 13! – Это бой насмерть! Пусть те, кто умрут, умрут с честью. Пусть те, кто выживут, помнят их. Да начнется бой!

Я не ослышался? Что происходит? Я не верил своим ушам. Почему они дерутся насмерть?

Я увидел, что двое бойцов – всего лишь мальчики, ненамного старше меня. Я посмотрел на Тайрона, пытаясь перехватить его взгляд, но он пристально глядел вниз на арену.

Главный распорядитель повернулся и двинулся к двери «макс». Остановившись за порогом, он поднес к губам длинную серебряную трубу и выдул протяжную пронзительную ноту. В тот же миг обе двери с грохотом захлопнулись.

Толпа не издавала ни звука. На арене внизу никто не двигался.

– Какого цвета квитанции продавали букмекеры, мальчик? – спросил Тайрон.

Мне не нужно было гадать, я заметил квитанции, как только мы вошли.

– Красные, – ответил я.

– Да, красные, мальчик, потому, что это бой насмерть. Ты слышал, что сказал главный распорядитель. В таком бою обычно кто-то погибает. Вот почему я привел тебя сюда: мне хотелось, чтобы ты увидел, как скверно может все обернуться.

– Но почему они сражаются насмерть? – спросил я. – С чего бы им так поступать?

– Иногда бойцы спорят из-за женщин. А нынешний случай – полнейшая глупость. Однажды ночью эти двое напились, обменялись оскорблениями, – и пошло-поехало. Они наговорили друг другу много резких слов, поэтому решили уладить дело здесь. И теперь прольется кровь!

Лаки сошлись – яростно, с оглушительным лязгом металла о металл, и боец «мин», похоже, сразу попал в переплет. Он отчаянно топал по доскам, отдавая команды своему единственному лаку, которому нелегко было защищать его от

клинков, пытающихся рассечь тело.

Отец и вправду сражался на этой арене. Он рассказывал мне, что боец управляет действиями своего лака, стуча по полу ботинками. Это был звуковой код, система под названием Улум.

– Боец-человек, которому приходится туго, – Каньюс, – сказал Тайрон, качая головой. – И если дело так пойдет и дальше, он долго не продержится. Сандор слишком хорош для него.

Было ясно, что противник Каньюса, сражающийся за спинами трех лаков, подготовлен гораздо лучше. Сперва схватка только в том и заключалась, что Каньюса непрерывно оттесняли назад. Потом ситуация наконец изменилась: Каньюс как будто взял себя в руки, и битва пошла почти на равных.

Начался быстрый замысловатый танец. Я стал улавливать его рисунок, и меня почти загипнотизировала ритмичная смена приливов и отливов. Острые клинки сверкали в свете факелов, и пот блестел на лбах двух сражающихся людей, которые осторожно танцевали за спинами защищавших их лаков в доспехах.

– На это стоит посмотреть, – оживленно прервал мои мысли Тайрон. Ситуация на поле боя снова изменилась. – Приглядись к трем лакам Сандора. Они занимают позицию, которая называется «стек».

Теперь Сандор был зажат между двумя своими защитниками-лаками: один стоял перед ним, другой – позади. Они как бы образовали диаметр колеса, которое начало вращаться, сперва против часовой стрелки, потом по часовой. В это время третий лак Сандора ринулся в яростную атаку, отогнав Каньюса к дальней стене.

А потом, ошеломив меня, ударил гонг; звук отозвался вибрацией в полу. Услышав его, бойцы прервали схватку и сменили позиции.

Теперь два человека стояли перед своими лаками, а не за ними.

Что происходит? Отец никогда мне о таком не рассказывал!

– Теперь схватка становится еще опаснее, мальчик, – объяснил Тайрон. – Спустя пять минут сражения за спинами лаков бойцы должны оказаться лицом к лицу друг с другом, чтобы открыться клинкам противника и его лака – или лаков!

Бой возобновился, и мне показалось немыслимым, чтобы два сражающихся человека могли протянуть больше нескольких секунд. В конце концов, лаки были в доспехах, а люди – всего лишь в коротких штанах и куртках. Наверняка их порубят на куски…

Но, хотя эти двое отчаянно пытались искромсать друг друга,

они, похоже, никак не могли сблизиться, потому что руки лаков были намного длиннее человеческих. Двое парней танцевали, почти касаясь спинами своих лаков, а те тянулись вперед и отражали любую атаку.

Так продолжалось несколько минут. «Сколько времени еще пройдет, прежде чем одного из них тяжело ранят?» – гадал я.

Едва у меня мелькнула эта мысль, как Каньюс получил сильный удар, заставивший его отшатнуться назад, к своему лаку; их отбросили к самой стене арены.

Получив еще одну рану, Каньюс завопил пронзительнее трубы, когда в нее дул главный распорядитель. Казалось, такой высокий звук не может вырваться из человеческого горла. Сверкнули мечи, и я увидел, как клинок погрузился в горловую втулку лака Каньюса. Потом клинки снова принялись кромсать человеческое тело, и кровь брызнула во все стороны.

Зрители ревели от возбуждения. Почти все вскочили на ноги, но мы с Тайроном остались сидеть. Я остолбенел от ужаса, а он покачивал головой, глядя на происходящее внизу.

Лак в доспехах и человек соскользнули по стене, но не успели рухнуть у ее подножия, как клинки, описав дугу, устремились вниз, рассекая тело вопящего Каньюса.

Под ним начала растекаться кровавая лужа, она поползла по доскам, и его крики стали слабеть.

Наконец толпа смолкла. Все, что я слышал, – это тихие скулящие стоны умирающего бойца, а спустя несколько секунд стихли и они.

Я невольно заметил, как ведут себя зрители вокруг. Некоторые таращились с разинутыми ртами, распахнув горящие глаза, чуть ли не капая слюной при виде человеческой смерти. Другие, например старик слева от меня, просто печально качали головой. Я услышал, как старик бормочет себе под нос: «Неаккуратная».

Под нами победитель поднял руки, принимая аплодисменты; мертвеца тем временем без церемоний утаскивали прочь. Кровавый след отмечал его путь с арены.

– Ночные сражения только начались, – сказал Тайрон, – но, думаю, пока ты повидал достаточно.

Он встал, жестом велев мне следовать за ним, и двинулся к двери. Поднявшись по рядам амфитеатра, мы добрались до выхода.

– Люди умирают на Арене 13, – Тайрон говорил медленно и веско. – Это не главная цель боя, но такое случается. Ты видел пятна на полу: это кровь. Некоторая очень старая. А кое-какие пятна остались после прошлого сезона. И скоро добавятся новые.

Он остановился и пристально посмотрел мне в глаза.

– Теперь ты образумился и передумал, мальчик? – спросил Тайрон.

Я открыл рот, чтобы ответить, но не успел заговорить, как он длинно вздохнул.

– Я вижу ответ на твоем лице! Твои глаза сверкают от возбуждения. Даже после того, что я рассказал, даже после того, что ты видел, ты все-таки не передумал, верно?

Я кивнул:

– Я хочу сражаться на Арене 13.

– В упрямстве тебе не откажешь. И как я ни старался, мои слова тебя не отпугнули. Через это проходят все мои потенциальные ученики – я должен быть уверен, что они горят желанием стать бойцами.

Я ощутил прилив радостной надежды. Он собирается меня принять?

Тайрон кивнул:

– Так и есть, мальчик. Давай вернемся в мой дом. Есть хочешь?

Я кивнул.

– Что ж, нынче вечером ты поужинаешь на славу. Все мои ученики хорошо едят.

5
Два важных правила

Боги вознаграждают честолюбие, потому что без него мы всего лишь пыль.

«Амабрамсум»,

книга мудрости гентхаев

Мы шли к дому Тайрона, и улицы менялись. Они тянулись вверх, и я заметил, что деревянные тротуары здесь стали намного лучше. Спустя некоторое время им на смену пришли каменные плиты, земляные дороги сменились более широким гаревым, а потом мы оказались на аллее, где росли деревья со свежей зеленой листвой. Тут жили процветающие горожане.

Немногие из здешних деревянных домов имели больше одного этажа, но дом Тайрона оказался четырехэтажным – самым высоким из всех, какие я видел в Джиндине. Тайрон вытащил из кармана ключ, отпер дверь, шагнул внутрь и повернулся ко мне лицом, словно преграждая путь.

– Я дам тебе испытательный срок в один месяц, – сказал он. – Дни будут тянуться долго. Ты станешь изучать и практические навыки боя, и теорию Ним, а в конце дня – основы математики. Кроме того, будут и другие предметы, включая историю.

Итак, он это подтвердил, сомнений быть не могло: я получу возможность, о которой мечтал!

– Тебе надо запомнить два важных правила: во-первых, я не позволяю своим ученикам пить спиртное. Алкоголь притупляет разум и замедляет реакцию – а это последнее, что нужно бойцу Арены 13. Если я поймаю тебя на выпивке, вышвырну вон. Во-вторых, перед тем как впервые войти на арену, ты должен будешь дать клятву – это закон. Тебе предстоит поклясться перед главным распорядителем никогда не пускать в ход клинок за пределами арены. Однако я пошел дальше и запретил также палочный бой. Таково мое личное правило для тех, кто на меня работает, понимаешь? Или выдержать такое не под силу лучшему палочному бойцу Майпосина? – сухо спросил он.

– Могу я узнать, почему вы запрещаете бои на палках? – ответил я вопросом на вопрос.

Тайрон приподнял брови, и на мгновение мне подумалось,

что сейчас он велит мне проваливать. Но потом лицо его расслабилось.

– Чтобы преуспеть в сражениях на палках, нужны навыки и быстрота, но такого рода бой по большей части хаотичен. Ты не можешь позволить себе биться так на Арене 13 – чтобы работать заодно с лаками, нужна дисциплина. Палочные бои порождают дурные привычки, которые могут дорого обойтись бойцу на Арене 13. Не все думают так же, как я, но в своей команде я ввел это правило, поэтому снова спрашиваю тебя, Лейф, – будешь ли ты ему подчиняться?

Я кивнул и ответил:

– Я буду подчиняться вашим правилам. – Мое сердце стучало от возбуждения. – Я отдал свои боевые палки, перед тем как отправиться в город. Спасибо, что даете мне шанс показать себя. Обещаю: я вас не подведу.

– Что ж, мальчик, – кивнул Тайрон, – твои тренировки начнутся завтра, а сейчас пора ужинать. Пока сойдет и твоя теперешняя одежда, но утром я подберу тебе что-нибудь получше.

Мы вошли в комнату, служившую столовой, и я увидел, что ужин уже подан. Тайрон явно был богатым человеком и мог себе позволить держать слуг: они хлопотали у длинного стола, расставляя блюда с горячим дымящимся мясом и овощами. Еда пахла потрясающе, и у меня потекли слюнки.

– Знакомьтесь, это Лейф, мой новый ученик, – показав на меня, сказал Тайрон сидящим за столом. – К сожалению, его отец и мать умерли, поэтому он прибыл сюда один. Я уверен, что он будет хорошо учиться. Давайте поприветствуем его!

Это объявление встретили улыбками, но никто не заговорил. Тайрон сел во главе стола, показав мне на другой его конец, и, пока мы ждали, когда слуги закончат накрывать, представил мне собравшихся.

– Это моя дочь Тина, – он кивнул на молодую женщину, сидящую справа от него. – Она четыре года как замужем и уже подарила мне первого внука. Но ты не познакомишься с ним до завтра, потому что его уже отправили в постель.

– Рада познакомиться с тобой, Лейф, – дружески улыбнувшись, сказала Тина. – Надеюсь, ты будешь здесь счастлив. Теперь мы станем твоей семьей.

Она была очень привлекательной женщиной, со светлыми волосами и голубыми глазами, и я с первого взгляда понял, что она сердечная, щедрая и очень искренняя. Она мне сразу понравилась.

– А это ее муж, Керн, – Тайрон положил руку на плечо мужчины, сидевшего напротив Тины. – Он собирается открыть

свой пятый сезон на Арене 13 и в нынешнем году должен превзойти свои прежние успехи, заняв в состязании первые места. С ним ты познакомишься очень близко, потому что он будет принимать участие в твоих тренировках.

Керн – высокий, с очень темными волосами – казался таким же открытым и дружелюбным, как и его жена.

– Не терпится поработать с тобой, Лейф, – сказал он, и, судя по его виду, это были не просто слова.

Я было вздохнул с облегчением, но тут Тайрон начал представлять остальных, и ощутимо повеяло холодком. Двое парней примерно моего возраста или чуть постарше уставились на меня, приподняв брови.

– Все мои новые ученики первый сезон живут под моей крышей, а потом получают жилье в Колесе. Это Палм, – Тайрон показал на мальчика со светлыми, коротко постриженными волосами, который сидел очень прямо. Если бы мы оба стояли, он наверняка смотрел бы на меня сверху вниз: в нем чувствовалось какое-то высокомерие. – Палм – старший и более опытный, за его спиной уже несколько месяцев тренировок. Он хочет сражаться позади трех лаков. К счастью, его отец может себе это позволить – покупать и снаряжать лаков очень затратно.

Палм кивнул мне и выдавил улыбку, не коснувшуюся его глаз. Я почувствовал, что он мне не рад.

Другого мальчика, поменьше, представили как Дейнона. Он был смуглее, с мышиного цвета волосами, очень тонкий, с неуверенными манерами и как будто чувствующий себя не в своей тарелке. Хотя он приветствовал меня дружелюбнее Палма, глаза его смотрели настороженно.

– Хорошо, давайте начнем. Угощайтесь! – пригласил Тайрон, посмотрев прямо на меня. – Тренироваться на полный желудок – дурная привычка, поэтому завтрак у нас легкий, а в полдень мы только слегка перекусываем. Итак, поедим как следует, потому что ужин – главная трапеза дня.

Меня не нужно было приглашать дважды; я навалил себе на тарелку ломти мяса, горы картошки и овощей и не постеснялся с подливкой. Все пили воду, но я заметил, что Тайрон, несмотря на правила для учеников, пьет красное вино.

За дальним концом стола разговаривали и смеялись. Я бы предпочел поболтать с Тайроном, Керном и Тиной: двое мальчиков рядом со мной были слишком заняты едой, чтобы разговаривать, и я боялся, что сблизиться с ними будет непросто.

Мое внимание привлек стук открывшейся двери, я вскинул глаза от тарелки и увидел, что в комнату кто-то вошел и занял место рядом с Тиной. Это оказалась темноволосая девочка

примерно моего возраста, в свободных брюках, завязанных черными ленточками на лодыжках, над ботинками вроде тех, что носили бойцы на Арене 13. Из-за стянутых в узел волос ее лицо казалось суровым и угловатым.

– Это моя младшая дочь Квин, у нее привычка опаздывать к столу, – Тайрон посмотрел на дочь долгим изучающим взглядом. – Квин, это мой новый ученик Лейф.

Квин даже не потрудилась изобразить улыбку, уставившись на меня жесткими, враждебными карими глазами. К своему удивлению, я увидел на ее левой щеке шрам, начинавшийся под глазом и тянувшийся до краешка рта. Хотя шрам не портил ее лица, его черты (в общем, привлекательные) искажал гнев: мое присутствие ее взбесило. Но, в отличие от двух учеников, она хотя бы не притворялась.

В этой комнате находились три человека, которые не хотели, чтобы тут был я.

После ужина я, следуя распоряжению Тайрона, отправился вслед за Палмом и Дейноном вверх по лестнице в нашу спальню.

В длинной узкой комнате стояли в ряд три кровати, рядом с каждой был маленький комод, на котором мерцала свеча, а слева – окно с уже задернутыми длинными зелеными занавесками.

– Это моя кровать, это кровать Дейнона, а там твоя, – сказал Палм, показав на дальнюю от окна постель.

Рядом с ней была еще одна, закрытая, дверь, и я заметил, что в ней есть замочная скважина, но ручки нет.

И еще кое-что привлекло мое внимание – картина в раме над кроватью Палма. На картине изображалась сцена на Арене 13: на переднем плане лицом к нам стоял боец, а за его спиной – лак. Человек широко раскинул руки, в которых поблескивали мечи, лак держал мечи под углом в сорок пять градусов, поэтому вместе они походили на одно создание с четырьмя руками – могучее, опасное единое целое, бросавшее мне вызов.

– Тебе нравится? – спросил Палм. – Я заплатил за нее художнику кучу денег. Знаешь, кто это? – Он показал на бойца.

Я покачал головой.

– Это Мэт, великий герой Арены 13. Он победил Хоба пятнадцать раз!

Уставившись на картину, я сглотнул: во рту у меня пересохло. Внезапно мне показалось, что я вот-вот упаду, поэтому я пошел к своей кровати и сел на ее край. И как только уселся, меня окатила волна слабости – путешествие сюда и адреналин прошедшего дня наконец-то дали о себе знать. Но мои товарищи по комнате явно не собирались давать мне выспаться: они смотрели так, словно ожидали, когда я заговорю. А я не мог

придумать, что сказать, поэтому молчание затянулось.

– Откуда ты родом? – наконец спросил Палм.

– Я жил к югу от Майпосина.

– Да, по твоему виду и произношению ясно, что ты из южной глубинки.

У него был четкий, отрывистый выговор северянина. Мое первое впечатление подтвердилось: в каждом его слове звучало превосходство. Палм имел в виду мой акцент с растянутыми гласными и более темный цвет кожи, за которые, судя по выражению его лица, меня стоило пожалеть.

– Чем занимался твой отец? – спросил он.

– Он был фермером.

– Моему отцу принадлежит одна из самых больших ферм к северу от Джиндина, – Палм сказал это так, будто мне не поверил. – Я собираюсь сражаться позади триглада, и Тайрон пообещал, что сам задаст моим лакам шаблон. Он уже начал над ними работать. Три лака должны быть готовы через несколько недель – у меня еще много времени, чтобы поупражняться перед ТУ. Тебе что-нибудь известно о ТУ?

Мальчишка явно демонстрировал, насколько он опытней меня. Я не нуждался в его рассказах, но покачал головой – честность лучше всего.

– Это то, что мы называем Турниром Учеников. В нынешнем сезоне состоится турнир для всех учеников, и я собираюсь на нем победить. Хотя ты здесь новенький, тебе тоже придется записаться. Собираешься сражаться в позиции «мин»?

Я кивнул. При некоторых его словах слышалось тихое щелканье – у него что, не все в порядке с челюстью?

Палм снова кинул на меня полный жалости взгляд.

– Дейнон тоже, – сказал он, ухмыльнувшись второму мальчику. – Но победить триглад трудно, поэтому тебе лучше привыкнуть к роли побежденного… Дейнон может тебе все об этом рассказать.

Внезапно он встал, подошел к стене и приложил к ней правую руку над изголовьем моей кровати.

– Горячая! – громко объявил он, снова ухмыльнувшись. – Иди сюда, Лейф, потрогай и скажи, что ты об этом думаешь!

Я видел, что это какой-то трюк, но мне пришлось подыграть. Я знал, что буду проводить много времени с Палмом и Дейноном, поэтому не хотел во время первого знакомства показаться недружелюбным; мне нужно было вести себя по возможности мирно и поладить с ними.

Я встал, сделал шаг и приложил ладонь к стене, как это только что делал Палм.

– Что скажешь? – спросил он. – Я прав или нет?

Деревянная стена была тепловатой, и только.

Но прежде чем я ответил, Палм задал еще один вопрос:

– Как по-твоему, почему она такая горячая?

Я пожал плечами.

– Потому что в соседней комнате спит девчонка, вот почему, – ответил он. Его ухмылка стала еще шире. – Из-за нее стены горят!

– Кто она такая? – спросил я. – Что за девчонка?

– Ой, да Квин, конечно, младшая дочь Тайрона. Что думаешь о ее шраме?

– Как она его получила?

– Квин с ума сходит по Тригу и без устали тренируется. Само собой, это пустая трата времени, потому что женщинам не разрешают принимать участие в боях – они не могут даже ступить на арену. Но ей хоть кол на голове теши – она упражняется так, будто и вправду верит, что ей позволят сражаться. Просто бред собачий. В общем, однажды она спустилась в подвал и активировала лака. К тому же не обычного тренировочного, а лака, которого готовили к Арене 13. Она сражалась с ним на мечах и чуть не потеряла глаз. К счастью для нее, Тайрон спустился вниз как раз вовремя, чтобы спасти ей жизнь, не то бы ей конец!

Палм все еще улыбался, и я начал багроветь. Что смешного в том, что кого-то чуть не убили? Я был сконфужен и зол. Все, что наговорил Палм, казалось одной длинной шуткой в мой адрес. И почему Дейнон все время молчит, – ему что, нечего сказать? Его молчание начало меня раздражать.

Внезапно кто-то громко стукнул в стену над моей кроватью, потом еще раз и еще.

– Я – номер один, Дейнон – номер два, а ты – номер три. Три удара – значит, ты! – весело закричал Палм. – Квин вызывает тебя, и лучше не заставляй ее ждать.

Я изумленно уставился на него.

– К чему такой несчастный вид? – подколол он. – Квин может быть забавной. И если хочешь ладить с Тайроном, ты должен ей угодить. На людях она часто спорит с отцом, потому что ей нравится изображать бунтарку, но поверь – они очень близки. Будешь ей перечить – вылетишь отсюда!

Я встал.

6
Квин

Ее ноги упражняются в шаркающих шагах медника, подсмотренных на улице.
Как водомерка скользит по ручью, ее разум скользит по тишине.

Сборник старинных сказок и баллад

Ключ повернулся в замочной скважине, и я увидел, как дверь рядом с моей кроватью медленно открылась, впустив в комнату полосу желтого света свечи.

Я почувствовал на себе взгляды Палма и Дейнона.

– Иди, не заставляй ее ждать. Разозлить Квин легче легкого! – сказал Палм.

Мгновение я колебался. Квин что, тоже шутит, и вскоре вся троица будет надо мной потешаться?

Я решил подыграть. Невелика важность! Это наверняка всего-навсего небольшой розыгрыш; должно быть, какой-то ритуал посвящения, через который проходят все новички. Итак, все еще чувствуя себя глупо, я подошел к двери, открыл ее пошире и шагнул в соседнюю комнату.

– Ты не торопился! – рявкнула Квин.

Было видно, что она злится. Она прошла мимо меня, закрыла дверь и снова повернула ключ в замке.

Я взглянул на ее сердитое лицо, потом быстро осмотрел комнату, ничуть не похожую на комнату девчонки. На стене над кроватью красовалась пара скрещенных клинков, а дальняя стена была увешана рисунками, явно изображавшими Арену 13. Рисунки сразу привлекли мое внимание, и я подошел, чтобы получше их рассмотреть.

– Как здорово! – сказал я. – Ты сама это нарисовала?

Квин кивнула. Улыбка озарила ее лицо, и внезапно мне показалось, что передо мной совсем другая девочка – не та, что зверем смотрела на меня за обеденным столом. Во-первых, теперь на ней было платье – облегающее фиолетовое платье, обтягивающее ее как вторая кожа. Оно было короткое, едва прикрывающее колени, застегнутое спереди на маленькие кожаные пуговки; длинные рукава спускались почти до кончиков

больших пальцев. Квин распустила волосы, из-за чего ее лицо стало мягче. Справа волосы были очень длинными, но слева пострижены намного короче, словно для того, чтобы привлечь внимание к ее шраму.

Но сильнее всего меня поразили ее губы. Не так давно я видел, что женщины на Арене 13 красят губы черным – похоже, такова была здешняя мода. Но Квин покрасила в черный только верхнюю губу, а нижнюю – в ярко-красный, цвет артериальной крови.

Она подошла ко мне совсем близко, ухватила за воротник рубашки и потерла его между большим и указательным пальцами, будто пробуя на ощупь.

Она была так близко, что я почувствовал тепло ее тела и почти ощутил на корне языка запах ее кожи. У меня перехватило дыхание, сердце забилось быстрей. Меня очень влекло к ней, но я стеснялся своей одежды, зная, что от меня разит застарелым потом.

– Ты грязный, – сказала она. – Мне это нравится. Это соответствует действительности. Некоторые парни ходят в рваной одежде и не моются, но только ради рисовки.

– Я путешествовал больше двух недель – шел сюда пешком из Майпосина, – объяснил я. – Твой отец сказал, что завтра найдет мне чистую одежду.

– Досадно, – сказала она. – Старайся не слишком шуметь. У отца чуткий сон, но его комната не выходит на эту лестницу.

Ничего больше не объяснив, Квин вывела меня из спальни, и вскоре я уже на цыпочках спускался по лестнице вслед за ней. Несколько мгновений спустя мы вышли из дома и быстро зашагали по улицам.

– Куда мы? – спросил я.

– Конечно, в Колесо, – ответила Квин. – Куда еще можно здесь пойти в такое позднее время?

Интересно, зачем она меня туда ведет.

– Я недавно был в Колесе, – сообщил я. – Твой отец меня туда провел.

– Я покажу тебе то, чего не показал он. Там есть места, в которых он никогда не был.

Пусть пока покомандует, решил я. Квин хорошо знала город и могла многому меня научить, а мне, в конце концов, нужно было узнать как можно больше.

Солнце уже зашло, и купол Колеса стал невидимым; если бы не шагавшая впереди Квин, мне было бы нелегко найти дорогу. Мы двигались извилистым путем по самым темным и самым узким улицам, по которым, кроме нас, похоже, никто сейчас не

ходил. Мне вспомнился Хоб, вспомнилось, чем грозит встреча с ним, и меня охватила тревога.

На перекрестках узких улиц на деревянных столбах с колпаками висели лампы, но, к моему удивлению, их уже погасили. Все что угодно могло наблюдать за нами из темноты. Один раз мне показалось, что я слышу сзади шаги.

Это был единственный город страны Мидгард – но его улицы не освещались, а ведь даже у меня дома, в Майпосине, факелы горели далеко за полночь.

– Не отставай! – окликнула Квин, и я понял, что едва могу разглядеть впереди ее фигурку.

Я припустил бегом и сумел догнать ее прежде, чем она завернула за угол.

– Разве ты не боишься Хоба? – спросил я. Он ведь мог прятаться где угодно, притаившись в тени.

– Может, это тебе стоит бояться, – хихикнула Квин. – Хоб – джинн-перевертыш, способный затеряться среди людей. Осторожней! А вдруг Хоб – это я?

Меня разозлил ее наглый ответ, и я пожалел, что не проявил твердость: не надо было никуда идти с ней.

– Ты считаешь Хоба шуткой? – сердито спросил я.

Квин искоса взглянула на меня и ничего не ответила, продолжая быстро шагать вперед.

Вместо того чтобы направиться к передней двери Колеса, как это сделал Тайрон, она провела меня вокруг, к заднему входу. Возле него собрались люди, и я увидел, что она права: именно сюда приходили ночью жители Джиндина, чтобы пообщаться. Из середины самой большой группы Квин окликнул низкий мужской голос, но она демонстративно не обратила внимания на высокого мускулистого молодого человека на пару лет старше меня. Шагнув вслед за ней в узкую дверь, я увидел, какой у него обиженный и разочарованный вид. Интересно, что между ними произошло?

Едва очутившись в Колесе, Квин повернулась ко мне и сказала:

– Этот уровень находится прямо под аренами. Мы могли бы спуститься и ниже, в Общину, но в такое позднее время там опасно.

– Что такое Община? – спросил я.

– Там держат большинство симулакров. И почти каждую ночь внизу дерутся на палках, заключают серьезные пари и всякое такое. Община огромна, там легко заблудиться. Нужно входить в большую компанию, чтобы тебе там ничего не грозило, – может, попросишь Палма и Дейнона свести тебя с другими учениками?

Я не мог представить, чтобы Палм со мной подружился, и не был уверен, что сам этого хочу. Что же касается Дейнона, тот все время молчал – какая из него компания? Поэтому я ничего не ответил и молча пошел вслед за Квин по длинному широкому коридору, где через каждые двадцать шагов попадались двери. Большинство из них были закрыты, но наконец девочка остановилась возле распахнутой двери, и я уже хотел в нее шагнуть, как вдруг Квин схватила меня за руку и оттащила назад.

– Эй, в чем дело? – удивленно прошептал я.

Но она просто пристально смотрела на меня, как будто я проморгал нечто совершенно очевидное.

Я обвел взглядом большую, скудно освещенную комнату. Похоже, за дверью был какой-то бар, обставленный огромными стульями и коричневыми кожаными диванами. Слуги в фиолетовых куртках хлопотали, поднося посетителям подносы с едой и выпивкой.

– Похоже, дорогое заведение, – заметил я.

– Конечно, дорогое, хотя здешним завсегдатаям оно по карману. Но мы не можем войти туда по другой причине.

В голосе Квин слышался гнев, и внезапно я понял, что это за причина.

– Там нет женщин, – сказал я. Особам женского пола не разрешалось тренироваться профессионально – ни на механиков, ни на бойцов. – Ты что, не можешь войти туда даже как гостья?

– Не могу! – с вызовом ответила Квин. – Скажи-ка, Лейф, как по-твоему – почему женщины не должны сражаться на Арене 13?

Я не находил ответа. Мгновение мы неловко смотрели друг на друга, потом Квин покачала головой, явно негодуя на меня так же, как и на весь остальной мир. Я тщетно старался подобрать нужные слова, а следующий настойчивый вопрос еще больше выбил меня из колеи:

– Что ты думаешь о моем теле?

Я открыл было рот, но не смог выдавить ни слова.

– Я усердно трудилась, чтобы оно стало идеальным. Смотри!

К моему удивлению, Квин начала расстегивать пуговицы платья, начиная с той, что была ниже пояса, и поднимаясь от нее вверх. Я быстро взглянул влево, потом вправо: к моему облегчению, никто за нами не наблюдал. Она уже расстегнула три пуговицы и широко распахнула платье, чтобы показать живот.

Я ухитрился кивнуть. Что верно, то верно – «кубики» видны были.

– И я быстрая, – сказала она. – Очень быстрая! Можешь тренироваться хоть целый год, это ничего не даст – я все равно буду быстрее тебя.

Ее глаза горели яростью.

– Может, проверим, так ли это? – не удержавшись, парировал я.

Приподняв брови, она с вызовом бросила:

– Отлично, я – против тебя! Проверим, кто из нас лучше дерется на палках?

– Как хочешь, – ответил я.

Как здорово будет заняться чем-то знакомым!

Но едва я это сказал, как мне вспомнился запрет Тайрона. Тайрон стал моим тренером, значит, мне запрещено драться на палках. Однако мне не хотелось, чтобы Квин сочла меня жалким – я опрометчиво дал согласие, и теперь уже поздно было идти на попятную.

Квин протянула руку, и я колебался всего мгновение, прежде чем ее пожать.

– Значит, договорились, – сказала она. – Но не сейчас.

Я ощутил странную смесь облегчения и разочарования.

– Мы не можем драться нынче ночью. Пошли… Я покажу тебе еще один бар.

И она повела меня вниз по лестнице.

«Бар» оказался скорее похож на подвал, он явно был не таким модным, как тот, что я видел наверху. Здесь собралось не меньше трехсот человек, и где-то стучали барабаны – настойчивый ритм, становившийся то тише, то громче. Под такой барабанный бой поневоле подстраиваешь шаги, так что становится трудно не споткнуться.

Похоже, тут все пили или танцевали – а некоторые занимались и тем и другим. И здесь можно было находиться женщинам: девушка дико кружилась на столе под далекий барабанный бой и хлопки зрителей – так быстро, что едва можно было разглядеть ее ноги. Вот она с воплем ринулась со стола на твердый деревянный пол, как будто ныряя в воду. Ее ловко поймали, а другую пылкую женщину подняли, чтобы та заняла место танцовщицы на столе.

– Купи мне выпивку! – прокричала Квин мне в ухо. Она была так близко, что я снова почти лишился дара речи. – Стакан красного вина!

– У меня нет денег, – выдавил я, багровея от смущения.

Это напомнило мне о еще одном правиле Тайрона. Нет, я не должен был сюда приходить! Но здесь было захватывающе интересно, я никогда еще ничего подобного не видел. И все-таки меня не покидала тревога: я не сомневался, что Тайрон рассердился бы, если бы узнал, где я.

Квин подтолкнула меня как ребенка к пустому столику в

углу, а сама пробралась к бару. Я сел, и спустя несколько мгновений она вернулась с двумя маленькими стаканами красного вина. Поставив один стакан передо мной, она уселась напротив и поднесла свой к губам. После третьего глотка Квин подалась вперед, и мне пришлось читать по ее губам:

– В чем дело? Почему ты не пьешь?

– Твой отец не разрешает! – закричал я в ответ.

– Один стаканчик тебе не повредит.

Уголок ее рта весело дернулся.

Я пожал плечами. Увидев, что я не притрагиваюсь к стакану, она потянулась через стол, взяла его и поставила рядом со своим. Десять минут спустя оба стакана были пусты, и Квин, встав, бросила на меня один-единственный взгляд и пошла прочь. На мгновение мне подумалось, что она собирается взять еще вина, но, увидев, что она уходит, я быстро последовал за ней в коридор.

Услышав за спиной мои шаги, Квин остановилась и повернулась ко мне.

– Ты не боишься высоты? – спросила она таким тоном, будто я сделал именно то, на что она рассчитывала.

Это что, входит в какой-то глупый ритуал посвящения, через который прошли и Палм с Дейноном, став учениками в доме Тайрона? Я не понимал, что происходит, но Квин почему-то притягивала меня, и не хотелось ударить перед ней лицом в грязь.

– Ну, дома я частенько забирался на деревья, – ответил я, пытаясь превратить все в шутку.

– Это куда выше деревьев, Лейф. Я собираюсь показать тебе вид с верхушки купола. Следуй за мной… Если не боишься!

Само собой, я пошел за ней. Не мог допустить, чтобы она сочла меня трусом.

Квин провела меня по коридорам, через какие-то двери, открывая запертые изукрашенным ключом. Потом мы начали длинный подъем по лестнице и наконец вылезли через отверстие в потолке в полумрак под высоким куполом Колеса. На лестнице было очень жарко, в воздухе висел густой душный запах пыли и старого дерева. Угнаться за Квин, взбираясь вверх по крутой спирали, было непросто.

Спустя минут пять она остановилась, нетерпеливо оглянулась на меня, и я увидел, что на лбу у нее тоже выступили капли пота. Воспользовавшись остановкой, я посмотрел вниз, в круглый зал над аренами – он лежал далеко под нами, и люди там сновали как муравьи.

– Карабкаться еще долго, но снаружи хотя бы станет прохладней, – поторопила Квин, двинувшись дальше.

Наконец мы выбрались в прохладный ночной воздух ранней весны. Я вздохнул с облечением, посмотрел вверх и увидел озаряющую город полную луну. Мы продолжали подниматься уже по наружной части купола, где страховкой служили лишь тонкие перила, и в конце концов добрались до макушки: там в небеса глядел сломанный флагшток, похожий на острие копья.

Я обвел взглядом город, дивясь тому, что я на вершине купола Колеса, что меня принял в ученики Тайрон. Уже столько всего получилось, как было задумано… Хотя я быстро напомнил себе, что сделал лишь несколько маленьких шагов по очень длинной дороге.

Высоко вверху все еще кружили грифы, но мой взгляд невольно устремился на запад, где я увидел темное мерцание моря, а еще дальше – часть Великого Барьера, который окружает Мидгард, отрезая его от остального мира. Барьер похож на туманную стену или облако, но его создала не природа. Его воздвигли давным-давно враги рода человеческого; воздвигли после последней битвы с джиннами, уничтожившими Империю Людей.

Квин показала на город:

– Не многим удается это увидеть.

От панорамы захватывало дух. Час был поздний, улицы, по которым мы шли по пути сюда, – пусты, но я увидел тонкие струйки дыма, поднимающиеся из кузниц, а за грудой деревянных крыш – клетчатый узор загонов для скота. Намного выше бойни парила одинокая морская птица, судя по громадному размаху крыльев – альбатрос. Альбатросы могут летать неделями, не приземляясь; некоторые люди даже верят, что они могут перелететь через Барьер.

Всю жизнь я гадал, что находится за Барьером. Изменяется ли там пейзаж до неузнаваемости? На что похожи джинны и как они создали собственный мир? Чем они занимаются, как живут? Ведь, конечно же, они не все были такими, как Хоб, который охотится на земле Мидгарда, покидая свою цитадель, стоящую на холме над Джиндином.

– Это дворец Протектора, – Квин показала на север, на высокое здание с колоннами у входа. – Единственное не деревянное здание в городе. То крыльцо с мраморными колоннами называется «портик». В Мидгарде нигде нет мрамора, поэтому камень, наверное, доставили сюда с другой стороны Барьера. А где-то за дворцом находятся бараки.

Краешком глаза я увидел, что она пристально смотрит на меня, но, когда я на нее взглянул, Квин отвернулась. Меня странным образом тянуло к ней; может, и ее ко мне тоже тянуло?

Интересно, зачем она меня сюда привела…

Мы еще некоторое время молча оглядывали город, упиваясь изумительным видом. Потом Квин показала на запад, где на вершине холма поднималась цитадель из камня и бронзы. Тринадцать бронзовых шпилей разной высоты блестели в свете луны, некоторые были странно изогнуты. Квин ткнула в ту сторону пальцем.

– Знаешь, что это такое? – спросила она.

Я знал, что это такое (все знали), но не ответил. Я хотел услышать ответ от жительницы города.

– Цитадель Хоба, – прошипела Квин. – Логово джинна, который терроризирует город!

Да, я знал о Хобе все. Это было целью моей жизни – узнать о нем как можно больше.

– Отвечу на твой недавний вопрос: нет, я не считаю Хоба шуткой, – с сердцем сказала Квин. – Но приходится смеяться и шутить, иначе страх сведет тебя с ума. Разве ты не видишь? Зимой, в темные часы, люди сидят по домам, заперев двери на засов. Ну а я – нет. Я делаю все наоборот: выхожу на улицу! Это действительно опасно, Лейф. Убийства здесь в порядке вещей. Хоб убивает людей и пьет их кровь. Девушки исчезают, иногда на несколько недель, и возвращаются вроде бы невредимыми, но с полностью стертым разумом, – как у лака, только что полученного у торговца. Они забывают обо всем; некоторые больше не умеют говорить.

Ужас ее слов наполнил меня гневом. Мои руки вновь начали дрожать.

– Хоб крадет их души. И люди имеют право бояться, но все, что они делают – это прибегают к суеверным ритуалам, помощи от которых никакой. Фермеры обрызгивают заборы вокруг своих земель свиной кровью, чтобы не подпустить Хоба. Некоторые горожане верят, что он боится ежевики, и прибивают ее колючие ветви к своим дверям.

Я ничего не сказал – просто ждал, когда Квин продолжит. У меня перехватило дыхание, я сжал кулаки.

– Что? Язык проглотил? Тебе нечего сказать?

– Может, я и новенький в городе, но я знаю, кто такой Хоб… – Я сделал глубокий вдох, чтобы голос звучал ровно. – Он терроризировал людей и на таком далеком юге, как Майпосин. Там он тоже убивал.

– Могу я кое о чем спросить? – произнесла Квин.

Я кивнул.

– Зачем ты сюда пришел? Рассчитываешь биться на Арене 13, так?

– Конечно. Я хочу этого больше всего на свете. Поэтому я и покинул Майпосин.

– Ты должен знать, что для бойца Арены 13 Хоб опасней всего. Отец не всегда говорит это новичкам, но, думаю, тебя предупредили: время от времени Хоб является на арену и бросает вызов бойцу «мин». Он предлагает громадную ставку, и игорные дома бывают вынуждены ее принять. В наши дни Хоб всегда побеждает, и проигравшего, живого или мертвого, доставляют в его логово, после чего боец исчезает навсегда. Однажды это может случиться и с тобой. Ты все еще хочешь там сражаться?

Если уж на то пошло, рассказ Квин еще больше укрепил мою решимость:

– Да, я все еще хочу сражаться на Арене 13. Меня не остановит опасность, не остановит Хоб.

– Я чувствую то же, что и ты, – сказала Квин. – Вот бы и я могла там биться!

7
Легкое разочарование

«Стек» – термин, означающий последовательность кода Ним.

Шаблонщик может добавить что-нибудь к этой последовательности или, наоборот, что-то убрать из нее. Новый код всегда добавляется вверху стека.

Руководство по языку Ним

Мы покинули купол Колеса, но спустились лишь до площадки лестницы, а потом Квин провела меня через другую дверь.

– Сейчас мы на крыше тринадцати арен, – сказала она, обведя рукой необъятный круглый зал.

Я увидел гигантский деревянный столб, торчащий в центре и теряющийся в темной необозримости купола высоко над нашими головами.

– Его называют «Ось», – Квин показала на громадный столб. – Он центр Колеса, а кое-кто говорит, что и центр всего Мидгарда.

К грандиозному столбу были пришпилены бумажки, исписанные именами и цифрами.

– Это Списки? – спросил я, когда мы двинулись к Оси.

Я вспомнил слова Тайрона о том, что Списки вывешивают на этом этаже.

– Да, – ответила Квин. – Каждую неделю сюда приносят новые. Здесь расписан порядок боев на эту неделю – первую в нынешнем сезоне Арены 13. Кое-какие вызовы делаются публично, а другие вывешиваются здесь властями, которые решают, кто с кем должен сражаться, исходя из ранга бойцов. Посмотри сюда.

Она показала на листок, обведенный толстой черной каймой, где значилось всего два имени.

– Кайма говорит о бое насмерть – он закончится тем, что кто-то лишится головы или будет изрублен на куски!

– Я уже видел такой бой, – ответил я, качая головой. – Поверить не могу, что они так поступают. Бессмыслица какая-то!

– Некоторые люди глупы, – процедила Квин. – Бой насмерть случается два-три раза за сезон. Тебя невзлюбил кто-то из бойцов

Арены 13 и вызывает сражаться насмерть; если примешь вызов – рискнешь жизнью. С этим связан еще один запрет моего отца: никому из его бойцов не разрешается сражаться насмерть. По-моему, это одно из хороших правил.

Я с улыбкой кивнул, и мы вернулись на лестницу.

Через несколько минут мы уже спустились на нижний уровень и вынырнули на улицу из полумрака гигантского Колеса – его высокая деревянная стена изгибалась впереди и позади нас. Ночной воздух был прохладным.

– Я слегка разочарована, – сказала Квин, шагая вдоль стены. – Ты оказался не таким, как я ожидала.

– А чего ты ожидала? – сердито спросил я, застигнутый врасплох.

Я-то думал, мы хорошо поладили: Квин как будто открылась мне на вершине купола… Но она была совершенно непредсказуема.

– Я ожидала увидеть забавного парня, который рискнет сделать жизнь в этом унылом месте чуть интересней, – сказала она. – Но ты так боишься моего отца, что даже не хочешь пригубить вина. Так вот – мальчишки, которые придерживаются правил, скучны!

Я молча пожал плечами. Ну и пусть! К чему вступать в мелочную перепалку и говорить то, о чем я потом пожалею? Что мне это даст?

У Колеса все еще болтались люди, и я заметил, что неподалеку стоит несколько фургонов. Теперь, когда между мной и Квин пробежал холодок, девочка молча и быстро шла по гаревой дороге, а я так же молча шагал за ней; гаревая крошка похрустывала под моими ботинками.

Внезапно кто-то вышел из тени между фургонами и двинулся к Квин. Я подумал было, что это ее знакомый, но потом засомневался, увидев, как напряглись ее плечи. Лицо мужчины скрывала тень, но я заметил, что он здоровяк. Слегка покачиваясь, он подошел ближе, остановился прямо перед Квин, и даже из-за ее спины я учуял в его дыхании кислый запах эля. Что-то не похоже на встречу друзей.

Я поспешил вперед, чтобы встать между ним и Квин, но она не дала мне такого шанса.

Человек бросился на нее, и я увидел, как в свете луны что-то блеснуло: Квин держала в правой руке длинный кинжал.

Схватка закончилась быстро. Квин сделала выпад, и мужчина опрокинулся на спину. Когда он со стоном кое-как поднялся, я увидел, что по лбу его течет темная кровь, заливая глаза. Квин шагнула к нему, угрожающе занеся оружие.

– Ты совершил большую ошибку, – прошипела она. – Или сделай еще большую, или отвали! Тебе решать.

Дылда поднял руки, попятился и быстро исчез в полумраке.

– Ты пырнула его! – удивленно выпалил я.

Квин с мрачной улыбкой покачала головой:

– Нет, просто ударила рукоятью по лбу. Раны в голову сильно кровоточат и выглядят опаснее, чем они есть на самом деле: уж тебе-то, палочному бойцу, следовало бы это знать.

– Ты всегда ходишь с ножом? – спросил я.

– Всегда. Это клинок «триг». Без него я чувствую себя голой.

Я наблюдал, как она возвращает нож в длинный рукав своего платья.

– Лучше бы и такой ты носил, – посоветовала она. – Однажды он тебе пригодится.

– Когда-нибудь я дам клятву никогда не пускать оружие в ход за пределами арены.

– Ну а мне нечего об этом беспокоиться, потому что мне не позволяют дать такую клятву, – с горечью сказала Квин.

Мы молча дошли до дома Тайрона, и я поднялся вслед за Квин в ее комнату, а потом через смежную дверь вернулся в свою. Когда за мной заперли дверь, я услышал в темноте смех.

– А ты быстро вернулся, – подколол Палм. – На твоем месте я не стал бы надеяться на второе приглашение!

Не удостоив его ответом, я забрался в постель, но прошло еще много времени, прежде чем мне удалось уснуть.

– В этой комнате пахнет потными носками. Пора вставать!

Я открыл глаза и увидел, что занавески отдернуты и комнату заливает дневной свет. Потом окно со стуком распахнулось, и я почувствовал на лице прохладный воздух.

Тина, улыбаясь, смотрела на меня сверху вниз.

– Доброе утро, Лейф, – сказала она. – Я положила в ногах твоей кровати новую одежду.

Не успел я ответить на пожелание доброго утра, как она быстро вышла из комнаты, закрыв за собой дверь.

– Никогда она не стучит, – проворчал Палм, вылезая из кровати. – В этом доме нет никакого уважения к личности.

Я не понял, с чего бы ему брюзжать. Тина была очень милой – хорошо, когда такая женщина добра к тебе и о тебе заботится. Внезапно меня резануло воспоминание о матери, о том, как заботилась обо мне она. Иногда мне казалось, что я смирился с ее смертью, но потом откуда ни возьмись приходило горе, такое сильное, что казалось почти невыносимым.

– Куда Квин водила тебя прошлой ночью? – бесцеремонно

спросил Палм.

– В Колесо, – ответил я.

– И что там показывала?

– Мы пошли в бар, где были танцы, а потом поднялись на самую верхушку купола. И еще она показала мне Ось.

Палм удивленно уставился на меня. Видимо, сам он не получал такого приглашения.

Я надел то, что оставила мне Тина: одежда оказалась великовата, но, по крайней мере, была чистой и новой. Моя изношенные грязные вещи исчезли – наверное, их не стоило стирать.

Не успел я застегнуть пряжки ботинок, как Палм ушел. В жизни не видел, чтобы кто-нибудь одевался так быстро.

– К чему такая спешка? – спросил я Дейнона.

Молчание затянулось, и я уж думал, что он не ответит, но потом мальчик все-таки заговорил:

– На завтрак отводится мало времени, и, если опоздаешь, останешься без еды… – Он вдруг слегка улыбнулся. – И еще ты его расстроил. Квин водит в Колесо каждого нового ученика, но ни Палм, ни я не поднимались на верхушку купола. Наверное, она воспользовалась одним из отцовских ключей.

Тайрон стоял возле дверей, когда я вслед за Дейноном вошел в столовую. Если завтрак будет таким же вкусным, каким вчера был ужин, я обязательно должен получить свою порцию.

– Жду вас всех в тренировочном зале через десять минут, – объявил Тайрон. – Не опаздывайте! А тебе, Лейф, понадобятся обувь и носки: босиком труднее удержаться на ногах. Я дам тебе ботинки «триг» в конце месяца… Если ты все еще будешь с нами.

Сказав это, он ушел.

Палм, уже сидевший за столом, не потрудился скрыть, как ему понравились последние слова Тайрона, и меня захлестнула волна гнева. Мне напомнили, что я всего лишь на испытательном сроке – да, это было справедливо; но я вдруг понял, что Палм хочет, чтобы я не выдержал испытания.

На завтрак подали лишь тосты и пару вареных яиц, но я был голоден, и любая еда показалась бы мне вкусной.

Палм умял свою порцию и без единого слова ринулся к выходу.

– Он любит спускаться первым, чтобы подольститься к Тайрону, – сказал Дейнон. – Но толку от этого никакого – любимчиков у Тайрона нет, и, если ты не тратишь попусту время за завтраком, вряд ли его заботит, кто явится первым.

Я улыбнулся Дейнону и кивнул. Он сам со мной заговорил. Может, он просто застенчив и нужно больше времени, чтобы с

ним сойтись.

В тренировочном зале не было окон: он освещался не канделябром со свечами, а факелами, укрепленными высоко на стенах, и, если не считать отсутствия балкона и двух огромных дверей, через которые входили бойцы, здесь все было в точности, как на Арене 13. Зал в пятьдесят шагов в длину и двадцать пять в ширину занимал весь первый этаж дома Тайрона и производил большое впечатление. При мысли о предстоящей тренировке я ощутил радостный подъем.

Тайрон и Керн стояли бок о бок, Палм – лицом к ним со стиснутыми за спиной руками. Еще я увидел лака, застывшего в углу с опущенной головой. Его доспехи были так исцарапаны и погнуты, будто видели много сражений (возможно, на стороне проигравшего); самая глубокая брешь зияла в шлеме прямо над глазами, словно кто-то пытался расколоть ему голову топором.

Вслед за Дейноном я подошел к Палму и встал рядом с ним.

– Это лучший тренировочный зал в городе, – гордо начал Тайрон. – Вы будете часто и усердно тут заниматься, и позже ваши старания окупятся. У меня очень плотное расписание, я провожу много времени в Колесе, где тренирую своих взрослых бойцов и шаблонщиков, и в кабинете в здании администрации, потому вашим главным тренером здесь будет Керн. А по четвергам вы будете иметь удовольствие находиться в моей компании. А теперь, Лейф, – продолжал он, – у меня к тебе есть вопрос. Каковы правила боя на Арене 13? Ты видел Триг в действии. Теперь коротко расскажи мне, что это такое.

– Три лака сражаются против одного…

Я тщательно подбирал слова, восстанавливая в памяти бой, который видел вчера вечером.

– Боец-человек стоит за тремя лаками в позиции «макс», а его противника защищает единственный лак в позиции «мин». Спустя пять минут по сигналу гонга бойцы должны сменить позиции, встав перед своими лаками. Пролитие человеческой крови знаменует победу. Обычно такое происходит в конце состязания, когда побежденному бойцу наносят безопасный ритуальный порез. Но в случае боя насмерть цель – убить противника.

– Хороший рассказ, Лейф, – одобрил Тайрон. – А у тебя ко мне есть вопросы?

– Зачем вообще нужны лаки? – спросил я. – Почему люди просто не сражаются друг с другом лицом к лицу, как в палочном бою?

Наступила долгая тишина, и краешком глаза я увидел самодовольную ухмылку Палма. Я почувствовал, как у меня

запылали щеки: вопрос внезапно показался мне глупым. Так делается просто потому, что так делалось всегда. Наверное, Тайрон решит, что я идиот.

Но он дал неожиданный ответ:

– Почему бы тебе как следует не обдумать это, Лейф, и не найти собственный ответ? В конце испытательного месяца, прежде чем я решу, оставить тебя или нет, ты сможешь рассказать, к каким выводам пришел, а я поделюсь своими. А теперь пора начинать занятия!

Тайрон направился к двери в углу комнаты, но вместо того, чтобы уйти, прислонился спиной к стене, наблюдая за нами.

Я почувствовал укол тревоги. Он явно хотел посмотреть, как пройдет моя первая тренировка.

Тому, что случилось в течение следующих нескольких минут, суждено было сыграть большую роль в исходе моего месячного испытательного срока.

8
Поклон

Слов – это основная единица древнего языка шаблонов под названием Ним.

Словы содержат другие словы.

Назвать один слов – это то же самое, что назвать все заключенные в нем словы, и явные, и скрытые.

Руководство по языку Ним

Керн улыбнулся каждому из нас по очереди; под конец его глаза остановились на мне:

– Добро пожаловать, Лейф. Большая часть тренировки наверняка будет тебе в новинку, но для Палма и Дейнона она станет контрольной работой. Уверен, они не против.

Он подошел к облаченному в доспехи лаку, встал перед ним и скомандовал:

– Очнись!

Лак поднял голову, его глаза замерцали за горизонтальной щелью защитной маски.

Я ощутил тревогу, но не такую сильную, как во время первой встречи с лаком. Хорошо. Мне нужно чувствовать себя уверенно рядом с этими созданиями, ведь мне предстоит много работать с ними.

Керн снова повернулся ко мне.

– Эта команда – «очнись» – всего лишь один слов языка Ним, – объяснил он. – Нимом называется язык, которым мы пользуемся, чтобы задавать лакам шаблон. Заметь, как это пишется: «с-л-о-в» – это не то же самое, что «с-л-о-в-о», единица обычной человеческой речи. Теперь, когда лак очнулся и реагирует, я велю ему проверить свою готовность к бою, а потом доложить о своем состоянии. Самопроверка! – приказал Керн. И несколько минут спустя добавил:

– Доложи!

– Готов, – отозвался лак.

Я никогда еще не слышал, как лаки говорят – я вообще не знал, что они умеют говорить; голос, доносившийся из-за металлической маски, был резким и гортанным.

– Боевая стойка! – сказал Керн.

Лак повиновался, и Керн, повернувшись к нему спиной, подошел к стене, на которой висели оружие и доспехи. Он вытащил из кожаных ножен два меча «трига» с короткими клинками, прошел мимо лака, держа мечи острием вниз, и почти небрежно бросил тот, что сжимал в левой руке. Клинок воткнулся в деревянный пол и завибрировал в мерцающем свете факелов. Лак не шевельнулся.

– Возьми оружие! – негромко скомандовал Керн – но, когда лак наклонился, чтобы выполнить приказ, украдкой нажал ногой на клинок, и тот согнулся, почти коснувшись пола.

Потом Керн убрал ногу, заставив меч резко распрямиться и неистово завибрировать. Трижды лак пытался нащупать рукоять; она почти перестала раскачиваться, когда ему наконец это удалось.

Керн повернулся к нам.

– Как видите, его реакцию специально замедлили, чтобы вам было легче тренироваться. Но не слишком легко, – добавил он с мрачной улыбкой.

Я увидел, что Палм снова ухмыльнулся. Дейнон тоже ухмылялся: они знали, что сейчас произойдет, и, без сомнения, хотели увидеть, как я справлюсь. Тайрон все еще стоял и наблюдал – он тоже будет оценивать мои действия.

Керн повернулся к лаку, показал на него клинком меча, который держал в правой руке, а левой, сжатой в кулак, крепко ударил себя в грудь.

– Ищи цель! – приказал он. – Рассеки плоть!

Лак поднял голову и угрожающе двинулся вперед, а Керн сделал два шаркающих шага влево, потом – два вправо. Это походило на танец. Потом он начал отступать, двигаясь вправо по диагонали; его ботинки ритмично стучали по полу. Создание атаковало внезапно, ринувшись на Керна и попытавшись ударить его мечом в грудь. Но, когда лак двинулся к нему, Керн уже сменил направление и его мелькнувший клинок отразил свет факела. Потом он сделал выпад и вогнал меч в горловую втулку лака. Тот сразу рухнул, загремев доспехами, его тяжелое падение отдалось вибрацией в деревянном полу.

– Обрыв, – сказал Керн, поворачиваясь к нам. – «Обрыв» – слов, означающий, что лак без сознания. Он действует автоматически, как только клинок входит в горловую втулку. Как я уже сказал, мальчики, в этого лака введены тренировочные шаблоны. Итак, посмотрите снова, что я сделал…

Вместе с Палмом и Дейноном я скопировал движения Керна, дважды шагнув влево и дважды вправо. Я выполнял все медленно, чувствуя на себе взгляд Тайрона.

– Эта последовательность действий оставляет перед вами свободу выбора. Можно отступить по диагонали влево или вправо, но я снова пойду вправо, как и в прошлый раз…

И вновь ботинки Керна застучали по доскам, а мы, трое учеников, повторяли все за ним. Потом он сменил направление и вернулся почти в исходную точку, направив клинок вверх.

– На Арене 13 боец-человек, ваш противник, и защищающие его лаки (или лак) знают эти шаблоны; они попытаются предугадать, которые из них вы используете и какую именно позицию займете на поле боя. Танцуя со своим лаком или лаками, вы будете пытаться обмануть и перехитрить врага. Ваша цель – очутиться в неожиданном месте, когда на вас нападут. Потом вы пойдете в контратаку, разместив своего лака там, где он будет опасней всего. Это очень старые приемы, Лейф…

Керн посмотрел прямо на меня.

– Они – основные элементы, из которых выстраиваются куда более сложные шаблоны. Ты будешь оттачивать их до тех пор, пока не доведешь до совершенства, даже если на достижение этого уйдет масса времени. Твои соученики знают это по собственному горькому опыту.

Судя по выражению лиц Палма и Дейнона, Керн заставлял их повторять все снова и снова до тех пор, пока им до смерти не надоело.

– А теперь, – продолжал Керн, – немного поиграем. Никто не будет серьезно ранен, ни в коем случае. Считайте, что перед вами просто стоит небольшая задачка.

Он нагнулся и вытащил клинок из горловой втулки лака. Тот продолжал лежать неподвижно.

– Очнись! Встань! – скомандовал Керн и, когда существо неуклюже поднялось, повесил меч обратно на стену.

Потом он вернулся с кожаным мячом величиной с человеческую голову и без предупреждения бросил его мне.

Встрепенувшись, я поймал мяч и впился пальцами в его бока. Мяч был мягким, но тяжелым, и я заметил, что к нему пришита кожаная полоска, чтобы просунуть под нее руку.

– Сейчас лак вместо «трига» будет пользоваться вот этим. И все-таки, если вы плохо справитесь со своей задачей, у вас будет болеть голова. Сперва ты, Палм.

Керн протянул мальчику оружие и отдал лаку кожаный мяч.

Палм безупречно выполнил шаги – он ступал так же легко и непринужденно, как и Керн, и, завершив диагональ, сделал выпад клинком. Он был хорош, очень хорош, и у меня упало сердце: его превосходство основывалось на мастерстве. Искры брызнули, когда наконечник клинка ударил по краю металлической

горловой втулки – но не попал в нее.

Палм попытался пригнуться, что ему почти удалось, но лак замахнулся кожаным мячом и нанес ему скользящий удар по голове. На том все и кончилось.

– Хорошо. Отлично выполнено! Ты бьешь все точнее, – сказал Керн, щедрый на похвалу. – Пройдет немного времени – и у тебя все получится.

Палм ухмыльнулся, продемонстрировав зубы. Ему явно приятно было это слышать.

Дейнон лишний раз доказал, насколько хорош Палм. В сравнении с Палмом он был неуклюжим, и тяжелый кожаный мяч ударил его в лицо с такой силой, что сбил с ног. Ошеломленный, он тяжело сел, и Керну пришлось помочь ему встать, пока Палм усмехался в сторонке.

Поднявшись, Дейнон потряс головой, чтобы прийти в себя, и криво мне улыбнулся.

– Ну а теперь, Лейф, – сказал Керн, протягивая мне оружие, – давай посмотрим, на что способен ты…

Я принял меч и встал перед лаком. Сердце мое бешено колотилось, и я смущался, понимая, что все в комнате пристально наблюдают за мной и оценивают меня. Больше всего я беспокоился из-за присутствия Тайрона, но внимательней всех за мной следили жуткие глаза лака, мерцающие за горизонтальной щелью маски.

Я уставился в эти чуждые глаза, сделал глубокий вдох и начал вытанцовывать шаблон, всеми силами сосредоточившись на том, чтобы делать все по правилам. Два шага влево. Два шага вправо.

Лак уже двигался ко мне, но, вместо того чтобы отступить, я сделал еще два шага влево. Я поступил так не подумав. Моим разумом управляли ноги. Я начал отступать по диагонали, но не вправо, а влево.

Лак быстро устремился за мной и уже замахнулся кожаным мячом, когда я вдруг сменил направление, громко шлепая босыми ногами по половицам. Я пригнулся, и мяч пронесся над моей макушкой; ветерок коснулся затылка, будто чьи-то пальцы погладили волосы, но лак в меня не попал.

Я шагнул вперед, сделал выпад, целясь в горловую втулку, и вогнал в нее клинок. Удар был мощным, мою руку так тряхнуло, что толчок отдался от кисти до самого плеча.

Вот и все.

Лак упал, и оружие вырвалось у меня из руки. Создание с грохотом рухнуло, едва вступил в действие «обрыв»; шаблоны в мозгу лака автоматически вызывали такую реакцию.

Ликуя, я низко поклонился в сторону лака – так делал мой отец, когда мы сражались на палках. Переняв его обычай, я автоматически кланялся после каждого палочного боя и через некоторое время заразил своей привычкой остальных, так что все парни у нас дома тоже начали кланяться.

Я услышал стук закрывшейся двери, и в тренировочном зале воцарилась тишина. Выпрямившись, я увидел, что Тайрон исчез, а Керн изумленно смотрит на меня, и Дейнон тоже. Но в глазах Палма читались лишь зависть и ненависть.

Я только что нажил себе врага.

9
Для самых начинающих

Механики – это знатоки составления шаблонов из словов Ним.

Первыми механиками были древние люди.

Их могущество достигло расцвета во Вторую Эпоху Империи.

Руководство по языку Ним

Утро выдалось удачным. Меня переполняло торжество, – ведь я поверг лака! Палму этого не удалось, хоть он и тренировался месяцами, а я был зеленым новичком.

Днем мы должны были упражняться в искусстве составления шаблонов – и это меня совершенно не воодушевляло, я не сомневался, что наука окажется трудной.

Каждому из нас выделили для занятий маленький кабинет. Керн дал мне тонкое руководство «Введение в составление шаблонов на языке Ним для самых начинающих», похлопал меня по плечу и улыбнулся:

– Просто прочитай первые несколько страниц и постарайся понять как можно больше, Лейф. Даже в таком доступном изложении это нелегко, поэтому не нервничай, а просто старайся изо всех сил. Все, что останется неясным, обсудим позже.

Он оставил меня одного, и я, открыв тетрадь, начал читать:

СЛОВАРЬ НИМ

Полный словарь Ним (неофициально именуемый «Толстый Ним») непрерывно расширяется, существует не в одной локации и потенциально бесконечен. Он широко распространен; вот некоторые локации, в которых можно его найти:

1. В каждого симулакра, купленного у Торговца, введены словы.

2. Из комбинации уже существующих словов создаются другие словы.

3. Умелый шаблонщик может создать новые словы из базовых элементов.

4. Некоторые словы создаются шаблонщиком и, пока не вводятся в симулакра, существуют лишь в мозгу этого шаблонщика.

Основной словарь Ним (неофициально именуемый «Тощий Ним») существует в мозгу каждого симулакра, купленного у Торговца.

Я прочитал первую страницу три раза, пытаясь ее понять. Потом перелистнул, страшась того, что найду на следующей.

Следующая оказалась еще хуже.

СОЗДАНИЕ НОВОГО СЛОВА

Как обозначается начало нового определения слова.

Определение начинается с: (произносится как «двоеточие»).

Определение кончается; (произносится как «точка с запятой»).

Вот список некоторых существующих словов, способных дать симулакру информацию и направить его движения:

ШагВ1 {значение: один шаг вперед}.

ШагП3 {значение: три шага вправо}.

ШагЛ2 {значение: два шага влево}.

Ищицель {значение: нужно выбрать лучшую из имеющихся целей (противника-лака или бойца-человека) и напасть}.

Рассекиплоть {значение: корректирует предыдущую команду и велит лаку напасть на бойца-человека}.

Далее рассмотрим создание нового слова «Безрассудный», который составляется из упомянутых выше, ранее существовавших словов. Обратите внимание на использование знака *, связывающего словы внутри определения.

: Безрассудный – ШагЛ2 * ШагВ1 * Ищицель * Рассекиплоть;

Таким образом создается новый слов «Безрассудный», который дает вашему лаку команду сделать два шага влево, три шага вправо, потом один

шаг вперед, вслед за чем следует прямая атака на противника.

Новый слов нужно **компилировать**.

Произнесите слов «компилировать» {это помещает новый слов в мозг лака в той форме, которую можно произнести. Произнести слов – значит скомандовать вашему лаку выполнить его}.

Теперь **произнесите новый слов**. Для этого надо просто выговорить его: «Безрассудный». Конечно, в битве это вслух не произносится. Слов доносится до вашего лака с помощью сигналов Улум – кода, который вы выбиваете ботинками по доскам арены.

Я вздохнул…

Дейнон мало-помалу становился все разговорчивей и за обедом, пока Палм дулся за дальним концом стола, объяснил мне, что такое Улум.

– Во время сражения ты не говоришь со своим лаком, как говорил Керн во время тренировки. Вместо того чтобы выкрикивать словы, контролируя его движения, ты стучишь по полу арены ботинками. Этот стук – код, который ты должен сам разработать и запомнить; твой противник и его лаки не будут его понимать. В общем и в целом как-то так… Но что касается остального – я в унынии. Это чересчур сложно… Я знаю, что никогда не смогу стать шаблонщиком. Но даже бойцу не обойтись без элементарного знания шаблонов, и тебе придется понять, как они работают.

Способен ли я на это? Похоже, на пути к успешному завершению моих тренировок внезапно встало огромное препятствие.

Мы должны были один за другим спуститься вниз, чтобы Керн позанимался отдельно с каждым из нас. Дейнон вернулся с урока, и быстрый стук в дверь дал понять, что настала моя очередь. Я поблагодарил Дейнона и сошел вниз по лестнице.

Кабинет Керна оказался вдвое больше моего. На стене висела картина, изображавшая Тину с сыном на руках: она улыбалась, очень счастливая, прямо как живая.

Я сел за деревянный стол напротив Керна, и он с теплой улыбкой спросил:

– Как тебе учебник?

Притворяться не было смысла, поэтому я ответил правду:

– По-моему, ужасно трудный. Кое-чего я вообще не понимаю. Слов, о котором там говорится… Почему он называется

«Безрассудный»?

Керн снова улыбнулся:

– В учебнике есть толика юмора. Если ты скомандуешь своему лаку «Рассекиплоть» так, как там описано, из позиции «мин», его почти наверняка победят, не пройдет и нескольких секунд. Защищать противника будут три лака, а твой лак двинется прямиком к нему, отбросив всякую осторожность. Это было бы глупо, но в учебнике просто демонстрируется, как составляется новый слов. Послушай, Лейф, не беспокойся на сей счет: возможно, ты никогда не станешь шаблонщиком. Очень немногие способны как следует отточить это мастерство, – уж я-то точно нет. Но тебе необязательно составлять шаблоны словов, ты просто должен уметь пользоваться теми, которые уже созданы для тебя. Я знаю достаточно, чтобы научить тебя основам, но, если у тебя достанет таланта, потом меня сменит Тайрон – он, без сомнения, лучший шаблонщик в городе.

Я вообще не хотел заниматься шаблонами. Я хотел драться, и, наверное, Керн по выражению моего лица догадался, о чем я думаю, потому что сказал:

– Судя по тому, что я недавно видел, по твоей быстроте и проворству, ты, скорее всего, станешь бойцом на арене. Но никогда нельзя считать это само собой разумеющимся – только время покажет, как все обернется. И в любом случае тебе понадобятся некоторые базовые навыки и знание языка Ним, поэтому сегодня я начну с небольшого экскурса в историю.

– Мне нужно записывать?

Как и было велено, я принес с собой принадлежности для письма.

– Ты будешь выполнять задания и контрольные на тему наших бесед, но сейчас я бы не советовал ничего писать, – ответил Керн. – Лучше сосредоточься и запоминай новые знания, тренируя свой мозг. Лучшие шаблонщики и механики держат в голове целые последовательности словов, благодаря чему пользуются ими без необходимости где-то их искать: словы в любой момент в их распоряжении. Пока мы будем разбирать урок, задавай как можно больше вопросов – тебе нужно уловить саму суть дела.

Я сразу и перешел к сути дела:

– Я не совсем понял насчет механиков. Чем они отличаются от шаблонщиков?

Мне было легче задавать вопросы Керну, чем суровому и грубому Тайрону.

– Механики – мастера шаблонирования, самые искусные знатоки языка Ним. Часто они нанимают много других людей и

держат целый штат бойцов (как делает Тайрон): некоторые его работники – знатоки шаблонирования, другие – знатоки сражений. Теперь давай рассмотрим Ним и его развитие. Древние народы называли шаблонщиков по-другому – «программистами» или «кодировщиками». Мы полагаем, что те каким-то образом с помощью пальцев вводили шаблоны в движущиеся боевые машины, сделанные из металла. Мы не знаем, как это выглядело, но подозреваем, что как-то так.

И Керн показал – как именно, положив руки на стол и ритмично постучав пальцами по дереву:

– Они делали это на чем-то под названием «клавиатура». Конечно, теперь мы используем РИП, то есть речевой интерфейс пользователя. С помощью голоса мы адресуем словы напрямую лакам, которые могут услышать их и выполнить, а потом подгоняем словы к основным шаблонам, которые уже находятся в этих лаках.

– А как были созданы первые лаки? – спросил я.

Жаль, что я не задавал своему отцу больше вопросов об этих существах: его ответы помогли бы мне подготовиться. Мне о стольком хотелось бы его расспросить, но теперь было слишком поздно.

– Хороший вопрос, Лейф. Насколько нам известно, тут постарались военные. Они начали программировать металлические военные машины под названием «ай-боты», которые стали прототипами джиннов, но были примитивнее даже самых низших из них. В конце концов появились джинны. Мы предполагаем, что плоть и лаков, и джиннов выращивали в огромных чанах. Иногда ее называют «фальшивой плотью». Примерно в то же время возник и язык шаблонов под названием Ним. Он развился из нескольких языков программирования, но главным образом – из языка Форт, созданного давным-давно программистом по имени Чарльз Х. Мур. Дальнейшее – история… Хотя есть несколько версий событий, в зависимости от того, какого историка ты читаешь. Самая распространенная версия гласит, что после войн между человеческими народами люди стали использовать джиннов, чтобы те сражались за них. Джинны восстали и воевали с людьми до тех пор, пока не одержали победу. Тогда они построили Барьер, заточили в его пределах немногих выживших и назначили Протектора, чтобы тот управлял Мидгардом от их имени. Много знаний было утрачено. Мы больше не умеем выращивать собственных лаков, но нам позволено покупать их у Торговца: только он может пересекать Барьер туда и обратно. Правда теперь мы даже не знаем, как наделять этих купленных лаков разумом.

К концу урока Керн попытался научить меня нескольким базовым элементам Форта – структурным единицам языка. Он был хорошим учителем, очень терпеливым, но я был скверным учеником. Мне никогда не давались язык и чтение, а такой сложный предмет еще ни разу в жизни учить не приходилось. Некоторые из словов было трудно произнести – в них слышался четкий, ясный северный акцент; с моим южным акцентом попробуй выговорить такое! Если мне не удается произнести их правильно, – как я могу надеяться ввести в лака шаблон?

Может, я никогда не овладею навыками, необходимыми для того, чтобы закончить тренировки…

Той ночью я уже собирался раздеться, когда услышал, как в стену спальни Квин трижды постучали.

Дейнон слегка улыбнулся и посмотрел на меня, приподняв брови, но челюсть Палма отвисла чуть ли не до ботинок. Он не ожидал, что Квин вызовет меня снова. Он не разговаривал со мной после тренировочного зала, а теперь его глаза из голубых стали почти зелеными – такой в них светился яростный гнев.

С чего бы это? Само собой, он злился, что я уложил лака на тренировке, когда он сам этого еще не умел, – но теперь-то в чем дело? Ему что, нравится Квин? Может, он надеялся услышать один стук, означавший, что вызывают его?

Я просто пожал плечами, как будто мне было плевать, что он там думает. Я все еще злился на Квин за то, что она оттолкнула меня к концу минувшей ночи, но не смог подавить дрожь возбуждения.

Не успел ключ повернуться в замке, как я уже стоял у двери. Квин была непредсказуемой и агрессивной, но факт оставался фактом: мне хотелось снова ее увидеть.

И вот я опять вошел в ее комнату… На этот раз она была не в платье, а в брюках, завязанных черными ленточками на лодыжках над ботинками (явно ботинками «триг»). Волосы туго стянуты на затылке, губы снова накрашены черным и красным – даже сердитый взгляд в точности такой, каким она наградила меня во время нашей первой встречи.

– Я – против тебя, Лейф. Палочный бой, чтобы проверить, кто из нас лучший. Все еще хочешь сразиться? – требовательно спросила она. – Я слышала, ты блеснул в тренировочном зале. Пошли, хочу увидеть, каков ты в деле!

У меня упало сердце.

– Твой отец сказал, что это запрещено, – отозвался я, сожалея об уговоре, который заключил с ней прошлой ночью. – Меня могут вышвырнуть вон.

– Он только так говорит, но не посмеет этого сделать. Не беспокойся – даже если он узнает, я могу вертеть им как захочу.

– Ты уверена?

Я и вправду беспокоился, и для беспокойства имелись веские причины. Мечта о сражении на Арене 13 казалась куда ближе после первого дня тренировок, несмотря на трудную теорию, и рисковать этой мечтой я не хотел.

– Уверена так же, как в том, что я тебя побью…

Я сделал глубокий вдох. Ну откуда Тайрон узнает? Квин хорошо знакома с городом, и я могу у нее поучиться. Хотя характер у нее нелегкий, мне нравилось ее общество – в отличие от общества Палма. Кроме того, отказаться от вызова было нелегко, да и в глубине души я сам хотел сразиться и поставить Квин на место. Я знал, что смогу победить, и представлял, каким будет выражение ее лица, когда это случится.

– Как хочешь, – кивнул я. – Только у меня нет палки. Я отдал свои другу – не думал, что они снова мне пригодятся.

Питер был хорошим бойцом и моим близким приятелем. Я скучал по нему и по остальным парням, с которыми водился раньше: вряд ли я найду здесь таких же товарищей.

Лицо Квин смягчилось, и она с намеком на улыбку показала мне кожаный сверток.

– Сможешь выбрать палку отсюда, – сказала она. – Пойдем драться!

10
Комната костей

Удар по голове означает победу; только злонамеренные и жестокие целят в глаза или в рот – такой удар не приносит чести.

«Амабрамсум», книга мудрости гентхаев

Вскоре мы снова шагали по городу. Убывающая луна на горизонте все еще была почти полной, очень большой и яркой.

Мы шли не в ту сторону, что прошлой ночью, и, когда я об этом сказал, Квин ответила, что мы отправляемся не в Колесо, а на бойню.

Дома уступили место путнице загонов для скота – большинство из них стояли пустыми. Темная громада бойни начала заполнять собой небо, скрывая луну, пожирая звезды. Из-за неодолимой вони навоза и пота животных я теперь дышал не через нос, а через рот.

– Наверняка для драки есть места и получше! – выговорил я.

Квин заметила мое отвращение.

– Внутри довольно светло, и в такое время там тихо, – объяснила она. – После наступления темноты это одно из самых безопасных мест в Джиндине. Там нас никто не потревожит, а если мы будем драться где-нибудь еще – привлечем к себе внимание.

Когда мы приблизились к бойне, я увидел нескольких рабочих в окровавленных фартуках, но они не окликнули нас, – вообще не обратили на нас внимания.

Когда мы шагнули внутрь, вонь крови и экскрементов усилилась, став почти невыносимой.

– Скот забивают там, – Квин показала на огромную дверь, открытую ночному небу.

По полу растеклись лужи крови, к стене были прислонены два громадных молота. Сверху свисала длинная цепь с острыми крюками, изгибаясь под углом в сорок пять градусов и исчезая в большой дыре в высоком потолке. Такая же цепь висела у дальней стены.

– Все происходит очень быстро, – объяснила Квин. – Один удар – и они мертвы. Пару секунд спустя туши подтягивают вон

туда, перерезают глотки, а после цепь начинает двигаться, доставляя туши мясникам на следующем этаже. Но мы поднимемся еще выше. Здесь, внизу, никогда как следует не убирают, тут всегда все скользкое от крови.

Квин как будто наслаждалась, расписывая кровавые детали и по выражению моего лица видя, что мне это не нравится. Она собирается выбить меня из колеи и воспользоваться этим преимуществом?

К горлу подступила желчь, я с усилием сглотнул, борясь с тошнотой. Надеясь не опозорить себя рвотой, я последовал за Квин в дальний угол обширной комнаты, и мы начали подниматься по лестнице. Это было не так сложно, как карабкаться по куполу Колеса, но до самого верхнего этажа шагать пришлось долго.

– Здесь комната для костей, – сказала Квин. – К тому времени, как сюда поднимают туши, на них не остается ни клочка мяса. В больших чанах все мясо вываривается и превращается в пасту или суп – дешевую пищу для лаков.

В полумраке я увидел повсюду груды костей, громоздящиеся почти до потолка; некоторые кости были сухие и желтые, явно очень старые.

Запах смерти не был здесь так силен, и у меня перестало крутить в животе. Я шагал вслед за Квин между горами костей до тех пор, пока мы не добрались до дальнего угла, где сквозь большую дыру в высоком потолке пробивался широкий луч лунного света, достаточно яркого, чтобы ясно видеть все вокруг.

Квин показала на широкий деревянный желоб неподалеку:

– Кости отправляют на два этажа ниже, из некоторых после перемалывания делают клей, но большая часть идет на удобрения. Здесь ничего не пропадает зря.

Опустившись на колени, она развязала кожаный сверток, который принесла с собой, развернула его и предложила:

– Выбирай палку.

В свертке оказалось четыре палки, очень похожие на те, которыми мы пользовались в Майпосине. Чуть длиннее меча «триг», они утолщались к концу и были закруглены, чтобы уменьшить риск серьезного ранения. И все равно бой на палках – опасное дело; я знавал парня, который таким образом лишился глаза.

Я тоже опустился на колени, выбрал палку и подождал, пока выбор сделает Квин.

– Тот лак, которого ты сегодня уложил… – сказала она, встав напротив меня. – Довольно круто, что ты ухитрился проделать такое в свой первый день, но недостаточно круто. Я тоже уложила

одного лака, но мой был настоящим, его готовили для арены, а твоему задали шаблоны только для тренировок, чтобы он двигался не спеша.

– Значит, тебя порезал тот симулакр? – спросил я, взглянув на шрам на ее лице.

Квин кивнула:

– Но оно того стоило. У мужчин, сражающихся на Арене 13, шрамы только на руках. Мой шрам лучше. Лак не попал мне в глаз потому, что я была для него слишком проворной.

Ее рассказ отличался от рассказа Палма – дескать, отец Квин появился как раз вовремя, чтобы ее спасти, – но она явно не хотела больше говорить о том происшествии.

– Пошли туда, – она махнула в сторону. – Там больше места и посветлее. Никто не поднимется сюда во время ночной вахты, чтобы нам помешать.

Прежде чем сделать первый шаг, Квин долго и пристально посмотрела на меня, и у меня заколотилось сердце.

Я последовал за ней в луч лунного света, туда, где было свободное от костей место.

Несмотря на необычные обстоятельства, во мне поднялось такое же возбуждение, какое я испытывал перед любым другим боем. Странно было драться с девчонкой, но это не меняло сути дела – я всегда сражался, чтобы победить.

– Готов? – спросила Квин. – До трех побед?

Я кивнул… И тут она напала без предупреждения.

Интересно, что на самом деле произошло, когда Квин встретилась с лаком? Кому верить – ей или Палму?

Несколько секунд спустя я получил ответ на свой вопрос.

Это был настоящий бой, и Квин двигалась быстро, быстрее всех других противников, с какими я когда-либо дрался.

Она ринулась вперед, целя мне в голову, а когда я ушел от удара, протанцевала за мной, крутясь и вращаясь, и попыталась ткнуть мне палкой в левый висок. Я нырнул вправо… И слишком поздно осознал свою ошибку. Теперь палка была в ее левой руке, и она угодила мне в лоб над правым глазом, заставив упасть на колени. От сильного удара меня затошнило.

Сделав два шага назад, Квин сказала:

– Первая кровь за мной.

Она была права: в глаз мне стекала кровь. Я смахнул ее тыльной стороной руки и приготовился к следующей атаке Квин.

На этот раз я следил за ней гораздо внимательней. Перебрасывать палку из руки в руку – такого трюка я прежде не видел, но больше меня на этом не подловишь.

Квин улыбнулась и быстро перекинула палку из правой руки

в левую, а потом – обратно. Прием был проделан безупречно, очень умело – она, наверное, часами отрабатывала его.

Я изо всех сил сосредоточился, примечая все: ее танцующие ноги, положение ее тела, потом – ее глаза… В особенности глаза.

Я был готов к следующей атаке.

Квин ринулась на меня, целя в челюсть. Я шагнул назад, за пределы досягаемости ее палки, и тут же – вперед. Она двигалась быстро, но я был лучшим палочным бойцом Майпосина.

Квин чуть замешкалась, отступая, и я ударил ее в лоб мгновенным возвратным ударом, попав как раз над правым глазом. Рана была почти такой же, какую она нанесла мне. Она покачнулась, но не упала. Струйка крови уже ползла к ее глазу.

Квин улыбнулась.

Она стояла в луче лунного света и улыбалась; лицо ее стало другим. Когда я был совсем маленьким, мама однажды показала мне нарисованного в книжке ангела – с огромными, величественными крыльями… Но что мне навсегда врезалось в память – так это его лицо. И сейчас лицо Квин, охваченной ликованием боя, было таким же сверхъестественно красивым.

Третья схватка оказалась самой ожесточенной и длилась долго. Квин отчаянно хотела победить, но и я хотел того же: я следовал за ней шаг за шагом, удар за ударом. Дважды она прорывалась сквозь мою защиту, и меня спасала только скорость.

Иногда мы делали шаги, скопированные с Трига, но по большей части пускали в ход уличные приемы.

Когда наступил конец, это было почти разочарованием.

Сами того не сознавая, мы подошли к самому краю свободного места. Я заставлял Квин пятиться назад, все дальше и дальше, а потом рванулся вперед, целя ей в левый висок.

Внезапно почувствовав под ногами кости, Квин потеряла равновесие. Наверное, если бы девочка не поскользнулась, то полностью бы ушла от удара, но, поскольку она отклонилась, палка попала ей вместо виска прямо по губам.

Квин упала в груду костей, и они обрушились ей на голову и плечи. Вытащив ее, я увидел, что губы ее сильно кровоточат и уже начинают распухать. Я поморщился, восторг победы тут же уступил место сожалению. Я был сам себе противен, – не только потому, что причинил Квин боль, но еще и потому, что был уверен: последствия удара пройдут не скоро. Неужели ее губы когда-нибудь снова станут привлекательными?

Но мои мысли очень быстро приняли более эгоистичный оборот. А чем случившееся грозит мне самому? Что скажет и сделает Тайрон, увидев лицо дочери? И что будет, когда он выяснит, кто за это в ответе?

Но глаза Квин сияли.

– Кажется, у меня шатается зуб, – сказала она, вытирая тыльной стороной ладони окровавленные губы.

– Прости, пожалуйста, – выдавил я. – Это не считается! Ты поскользнулась.

Она решительно мотнула головой:

– Нет. Поскользнись на арене – и конец: пары секунд не пройдет, как тебя пырнут. Здесь действуют те же самые правила. Ты победил.

Как победитель, я поклонился, точно так же, как это делали на Арене 13.

– Я никогда не видела, чтобы палочный боец кланялся, Лейф. Так принято там, где ты жил?

Я кивнул:

– Мой отец раньше дрался на Арене 13. Он научил меня палочному бою, и мы обычно кланялись друг другу после победы. Сражаясь с другими мальчишками, я тоже начал кланяться; они собезьянничали, переняв мою привычку, и вскоре все уже делали так.

Я думал, Квин рассердится, что я победил, но ее как будто покинула вся горечь. Теперь она выглядела чуть ли не счастливой, ее окровавленные губы снова сложились в улыбку.

– Спасибо, что сразился со мной, Лейф, – сказала она. – Я наслаждалась этим боем.

То, как она произнесла мое имя, и ее взгляд согрели меня изнутри. Мгновение мы пристально смотрели друг на друга.

Все портило только одно.

Квин была дочерью Тайрона.

11
Никто не дерется с девчонками

Некоторые думают, что сам Ним разумен, что это сумма всех существующих шаблонов.

Другие считают Ним богиней, которая выбирает смертного, чтобы тот стал ее чемпионом.

Все это верно.

«Амабрамсум»,

книга мудрости гентхаев

– Чем это вы занимались? Ну и вид у тебя!

Издевательский голос вырвал меня из сна без сновидений, я открыл глаза и увидел ухмылку Палма, который глядел на меня сверху вниз.

Я медленно сел. Голова болела, и, когда я дотронулся до лба, рука оказалась липкой от крови. Подушка тоже была заляпана кровью, и на меня нахлынули воспоминания о событиях минувшей ночи.

– Кто это тебя так? – спросил Палм. – Паршиво выглядишь.

Они с Дейноном спали, когда я минувшей ночью прокрался обратно в комнату.

– Я дрался на палках, – ответил я, пытаясь собраться с мыслями.

Это было нелегко; в голове начала пульсировать боль.

– И, похоже, проиграл, – самодовольно заметил Палм.

– Нет. Было три схватки, и я выиграл! – не подумав, ответил я, раздраженный его попыткой сделать из меня дурака.

– С кем же ты дрался? Квин водила тебя в Общину?

Я покачал головой:

– Нет, мы ходили в другое место. Я дрался с Квин.

В тот же миг я понял, что совершил ошибку: не надо было рассказывать об этом.

Никогда не забуду, какое у Палма сделалось лицо – изумленное и, кажется, торжествующее. Потом это выражение медленно изменилось на презрительное.

– Ты дрался с Квин? Дрался с девчонкой?!

Я кивнул. Голова болела, когда я ею двигал. Болело все.

– Никто не дерется с девчонками, – сказал Палм, качая головой и глядя на Дейнона так, будто не мог поверить своим ушам.

Дейнон избегал моего взгляда.

Я-то думал, Квин дралась с ними обоими и им обоим показывала Колесо. Но, видимо, я ошибался и Квин не бросала им вызов.

– Как только все выплывет наружу, над тобой будет потешаться весь город! – глумливо заявил Палм. – Ну и стыд! И здесь тебе больше не учиться: ты закончил, еще не успев начать! Тебе никогда не скрыть случившееся от Тайрона.

С этими словами он вышел из комнаты, наверняка собираясь по своему обыкновению первым спуститься к завтраку.

Взглянув на картину с изображением бойца Арены 13 над его кроватью, я печально подумал: «Похоже, я лишил себя шанса сражаться там».

Предсказание Палма вскоре сбылось. С моим ученичеством было покончено даже быстрее, чем он предполагал. Как только я оделся, явился слуга с запиской: Тайрон хотел, чтобы я спустился вниз.

Он ждал в саду за домом, и, едва взглянув на его лицо, я понял – дело плохо. Сперва, когда я вышел на солнечный свет раннего утра, он стоял ко мне спиной, и я заметил у его ног сверток одежды, перевязанный веревкой. Сердце мое упало: я узнал рубашку, в которой пришел сюда из Майпосина.

Тут Тайрон повернулся ко мне лицом. Он выглядел скорее печальным, чем сердитым.

– Ты меня подвел, мальчик, – сказал он. – Я не разрешаю драться на палках, и ты это знал. Ты что, не слушал? По-моему, я объяснил все достаточно ясно.

– Мне жаль, – услышал я собственный голос, зная, что слова ничего не изменят.

Почему я позволил Квин подбить меня на эту драку? Моя мечта была на расстоянии вытянутой руки – а теперь я потерял ее из-за дурацкого палочного боя.

– Жаль? Тебе жаль? А что, по-твоему, должен чувствовать я? У тебя есть талант, мальчик, но теперь все пошло прахом. Твоя карьера в Триге закончилась, не успев начаться. Когда ты уйдешь от меня, тебя никто уже не примет. То, что ты обманул мое доверие, само по себе скверно, но в десять раз хуже, что в этом участвовала моя дочь. Девчонка и так сплошное сумасбродство – не хватало еще, чтобы ты ее поощрял.

Тайрон поднял сверток с одеждой и швырнул в мою сторону,

а потом, не сказав больше ни слова, ушел в дом и с силой захлопнул за собой дверь.

Я стоял во дворе несколько минут, не в силах пошевелиться и поверить в случившееся, изо всех сил сдерживая слезы, чтобы они не потекли по щекам.

Наконец я сделал глубокий вдох и, не зная, как быть, поднял свою одежду и вышел на улицу. Мельком взглянув на Колесо, я зашагал на юг. А что еще мне оставалось?

Вокруг было мало людей, и я чувствовал себя наедине со своей бедой. Не успел я уйти далеко, как услышал, что кто-то за мной бежит – шаги становились все ближе и ближе. Повернувшись, я увидел Квин.

– Прости, Лейф, пожалуйста, прости!

Она с трудом переводила дух.

– Простого «прости» маловато! – огрызнулся я. – Ты вроде говорила, что все будет в порядке? Что ты вертишь им как хочешь?

– Я никогда еще не видела его таким сердитым. Он просто меня не слушал. Наверное, из-за этого, – она показала на свои распухшие губы. – Я старалась не попадаться ему на глаза нынче утром и не спустилась к завтраку… Но Палм уже рассказал ему о нашей драке, и отец пришел в мою комнату. Он рвал и метал.

Палм… Ну конечно! Какой же я тупица, что сказал ему, почему у меня разбита голова!

– Я все отрицала, но он мне не поверил. Послушай, пожалуйста, не уходи! Просто дай мне время с ним разобраться. Я уговорю его передумать, обещаю. Поверь, я смогу это сделать.

– И чем мне все это время заниматься?

– Найди работу – на бойне нанимают поденных рабочих. Для своего возраста ты большой и сильный… Они тебя возьмут. А потом, когда отец остынет, я буду знать, где тебя найти…

Пока оставался хоть крошечный шанс, я не мог отказаться от своей мечты, и не прошло и часа, как возле скотобойни я присоединился к очереди мужчин, надеющихся получить работу.

Мне поручили собирать требуху в большие ведра и вываливать в чан, и я занимался этим грязным, вонючим и изнурительным делом день напролет. Вонь крови и экскрементов проникала повсюду, и, закончив работу, когда солнце давно уже село, я унес эту вонь с собой.

Дни тянулись за днями, и я пытался даже не вспоминать о том недолгом времени, когда был одним из учеников Тайрона. Слишком сильную боль причинял контраст между тем, чем я занимался тогда, и тем, чем занимаюсь сейчас. Раньше я был на

небесах, теперь – в аду. Невероятно, что у меня хватило глупости потерять все по собственной вине!

Каждое утро я присоединялся к очереди, чтобы снова получить работу. Бывали дни, когда мне это не удавалось, и тогда я почти не ел. Иногда мне везло, и мне поручали ночную смену, за которую платили больше; но с деньгами или без мне приходилось спать в загонах для скота, потому что в сезон Триг в городе не осталось свободных мест в гостиницах.

Постепенно я привык к вони, и работа стала казаться не такой тяжелой. Я чувствовал, что становлюсь сильнее, накачиваю мускулы и смиряюсь с рутиной.

Однажды ночью десятник повел меня в кладовые, чтобы показать, с какими ведрами требухи следует разделаться в первую очередь. Вдруг я уловил движение в одном из темных углов и взглянул в ту сторону, решив, что там крыса. На бойне водилось множество крыс – больших, прожорливых, с серыми усами, – они вволю пировали тут.

Но десятник нахмурился и быстро зашагал на звук, по дороге сняв со стены факел, а я с любопытством пошел за ним… Мне никогда не забыть того, что мы увидели.

Перед ведром с требухой стояла на коленях девушка в лохмотьях и ела сырую мешанину, зачерпывая полные горсти; густая темная кровь струйками стекала из ее рта. Я не мог поверить своим глазам.

– Пошла вон! – заорал десятник, подняв кулак.

Девушка встала и открыла рот, словно собираясь заговорить, но изо рта у нее вырвался только пронзительный крик… А потом полился поток звуков, которые могли быть словами, но казались скорее смесью стонов и какой-то белиберды.

– Убирайся отсюда или познакомишься с моим кулаком, ты, грязная, мерзкая тварь! – закричал мужчина, шагнув к ней.

Девушка привела меня в ужас, но сильнее ужаса было желание ей помочь. Что случилось, что довело ее до такого состояния? Я шагнул ближе, но она испуганно повернулась на пятках и убежала в темноту, оставив лишь окровавленные отпечатки ног.

Десятник сердито посмотрел на меня.

– Она паразит и наверняка кишит болезнями. К ней прикоснулся Хоб, поэтому держись от нее подальше!

– Прикоснулся?

– Хоб похищает девушек с улицы. Ей явно хватило глупости остаться снаружи в темноте. И – да, он прикасается к ним: высасывает души из тел, так что остается только пустая оболочка.

Это была одна из девушек, о которых рассказывала Квин.

– А как же ее семья? – спросил я. – Разве она не должна быть с родными?

– Она больше не их дочь, – она неразумное животное. Но не беспокойся, парень, она не пробудет здесь долго: как водится, придут кисточки и заберут ее.

– Какие такие кисточки? – спросил я.

Я никогда о них не слышал.

– Слуги Хоба, – ответил десятник. – Иногда они ходят по городу после наступления темноты – вот еще одна причина оставаться дома после того, как садится солнце. Некоторых кисточек Хоб изменил, и они теперь не совсем люди: уродливые, как смертный грех, и страсть какие быстрые и сильные. Рядом с ними никто не может чувствовать себя в безопасности.

Остаток ночи мне было трудно сосредоточиться на работе.

Этой девушки я больше никогда не видел.

12
Для таких, как ты

Истинных гентхаев можно распознать по татуировкам на лицах.

Истинные гентхаи – воины.

«Амабрамсум»,

книга мудрости гентхаев

Однажды утром, когда солнце еще только показалось, я вышел из бойни и обнаружил, что меня кто-то ждет. Я не сразу понял, кто это: может, потому что обычно у него было грустное, нервное выражение лица, а теперь он улыбался. Я протер заспанные глаза и вгляделся снова. Это был Дейнон!

«Он пришел, чтобы отвести меня обратно в дом Тайрона? – с приливом надежды подумал я. – Квин уговорила отца передумать?»

Но Дейнон быстро обратил мои надежды в пепел.

– Квин послала меня, чтобы я кое-что тебе передал, – сказал он.

При одном звуке ее имени внутри у меня все перевернулось. Я часто думал о Квин, переходя от гнева к чувствам, в которых еще не готов был признаться.

– Она просила передать, что отец мало-помалу начинает к ней прислушиваться. Велела не сдаваться: она сюда придет.

Как долго я еще смогу заниматься этой работой?

– Передай ей спасибо за попытки, – со вздохом ответил я и хотел уже пройти мимо Дейнона – мне не нравилось, что он видит меня таким, – забрызганным всякой мерзостью с ног до головы.

Но тут он сказал:

– Мне жаль, что так случилось, Лейф.

Я приостановился и посмотрел на него. Похоже, он говорил искренне.

– Ты этого не заслужил. Я сказал Палму, что он зря на тебя настучал.

Я знал, что Дейнону непросто было бросить вызов Палму, и оценил его поступок, хотя пользы от этого мне не было никакой.

– Не только ты сражался с Квин, – продолжал Дейнон. – Мы с

Палмом оба с ней дрались, но ничего подобного не случилось… Того, что случилось с тобой. Обо мне Тайрон даже не узнал. О Палме узнал, но тот заставил своего отца повидаться с Тайроном и все уладить. Отец Палма богат и наверняка отвалил лишние деньги за его обучение.

Меня душила ярость на несправедливость этого мира… А потом я вдруг просто почувствовал усталость. Мне хотелось только одного – спать.

– Спасибо, что рассказал мне об этом, Дейнон.

Мальчик кивнул:

– Надеюсь, я скоро увижу тебя снова.

С этими словами он вернулся в роскошный дом Тайрона, а я отправился на поиски тихого уголка, где можно выспаться.

Дни переходили в недели, и, несмотря на переданное с Дейноном послание, Квин так и не пришла.

Я начал терять надежду, но ни за что не хотел уходить домой. Было бы хорошо снова увидеться с друзьями, но теперь, когда я узнал, какой могла бы стать моя жизнь, я уже не смог бы работать на ферме.

Я размышлял, прикидывая и так и эдак, как быть. Скажем, я мог бы остаться здесь, в городе, и заняться палочными боями – на такое у меня наверняка хватит сноровки, но я не знал, сколько денег смогу заработать. И это стало бы предательством моей мечты преуспеть на Арене 13. Как только я начну драться на палках, я сожгу за собой все мосты: после этого Тайрон никогда не примет меня обратно.

Однажды вечером я обошел вокруг Колеса, прислушиваясь к крикам и одобрительным возгласам внутри. Никогда еще я не чувствовал себя таким никчемным.

Потом я зашагал обратно к бойне, погрузившись в мрачные мысли, как вдруг увидел впереди трех человек из гвардии Протектора. Они двигались прямиком ко мне: один верхом, с длинным мечом у бедра (явно офицер), а двое пешком, с кинжалами на поясе, с палкой в одной руке и пылающим факелом в другой.

Я вспомнил совет Тайрона никогда не смотреть им в глаза, никогда не давать повода придраться, поэтому, уставившись вниз на грязь под ногами, хотел было пройти мимо, но тут услышал властный вопрос:

– Что это ты делаешь?

Я не поднял головы, но вскинул глаза и посмотрел офицеру в лицо.

Тот возвышался надо мной, сидя в седле; его форма была

безукоризненно чистой, голубые глаза полны отвращения. Он и не пытался скрыть, что обо мне думает. Я знал, что выгляжу паршиво: хоть я и носил фартук, все равно к концу каждого дня перемазывался кровью и требухой. Ночуя на улице было трудно вымыться и выстирать одежду, и чем дальше, тем меньше я пытался это сделать.

– Возвращаюсь на работу, – как можно вежливей ответил я. – Я работаю в ночную смену.

– Нет, не возвращаешься. Для таких, как ты, работы здесь нет. Вот куда ты идешь, – с глумливой улыбкой офицер показал на юг. – Ступай домой, туда, где тебе самое место.

В следующий миг двое его подчиненных набросились на меня и принялись лупить палками. У меня не было сил даже на то, чтобы попробовать отбиться. Я побежал.

Некоторое время они гнались за мной по улице, а офицер смеялся где-то позади. Потом я сумел оторваться от них, но, перейдя с бега на шаг, продолжал двигаться в прежнем направлении. На юг.

Мне не очень досталось: удары по большей части попадали по спине, но еще никогда в жизни я не чувствовал себя настолько униженным и опозоренным.

Все, пора сдаваться.

Я иду домой.

Я шел на юг до тех пор, пока не оставил город позади, а на рассвете остановился, чтобы отдохнуть. Я смотрел на Джиндин, наблюдая, как над городом поднимается солнце, запоминая, как яркие лучи озаряют цитадель Хоба. Свет блестел на тринадцати изогнутых бронзовых шпилях. Начинался новый день, но, как только солнце сядет, лучи отбросят на город уродливые, угрожающие тени шпилей, и тени эти протянутся на восток, лягут на крыши домов, доберутся и до Колеса.

Я часто наблюдал за остроконечными тенями, которые напоминали темные клинки, стремящиеся отнять жизни и сами души обитателей Джиндина.

Хоба надо как-то остановить…

Кто-то должен это сделать.

Его надо остановить.

«После всего, что произошло, после того, как я зашел так далеко, я не могу взять и сдаться, – сказал я себе. – Просто не могу!»

И я повернулся и зашагал обратно к бойне.

В тот день я не успел получить работу, но на следующее утро,

сразу после рассвета, опять стоял в очереди… И тут кто-то подошел ко мне.

Квин. Она ухмылялась.

В чем дело? Она здесь затем, чтобы…

– Пойдем, – сказала Квин, схватив меня за руку. – Отец передумал! Он даст тебе еще один шанс.

Все было как в тумане. Я позволил девочке увести меня от бойни, не в силах поверить, что и вправду возвращаюсь в дом Тайрона. Квин это сделала – она и вправду переубедила отца. Весь мой гнев, все негодование на нее исчезли, и мы начали болтать.

– Ты воняешь, – сказала она, сморщив нос.

– А я думал, тебе нравится грязь, – нахально улыбнулся я. – Много же времени у тебя ушло, чтобы уговорить отца! Я чуть было не сдался и не ушел домой.

– Я делала все, что могла, но даже не предполагала, что он может быть таким упрямым. Когда я сразилась с Палмом, такого шума и в помине не было! А потом, вчера, он вдруг передумал. Я искала тебя повсюду, но не смогла найти и решила сегодня попытаться снова, хотя, честно говоря, не была уверена, что ты продержишься так долго.

– Когда вы дрались с Палмом, ты победила? – спросил я.

– Конечно, – с улыбкой ответила Квин. – Ты слышал, какие звуки раздаются, когда он говорит?

Я вспомнил щелканье, которое заметил еще во время знакомства с этим парнем.

– Он носит зубные протезы. Я выбила ему передние зубы, – сказала Квин.

– Но его отец пришел и все уладил?

– Да. Папа вышвырнул и Палма тоже – на день-другой, – но потом появился отец Палма, и деньги перешли из рук в руки. Тина выяснила это через Керна и рассказала мне. Мой отец богат, но ему отчаянно хочется иметь еще больше денег; он как будто никак не может насытиться ими.

Когда мы подошли к дому, я забеспокоился. Мне придется уладить отношения с Тайроном – он должен знать, что мне снова можно доверять.

Когда мы появились, Тайрон ожидал во дворе. Они с Квин обменялись кивками, а потом она вошла в дом, на прощание сжав мне руку.

– Простите, что подвел вас! – тут же выпалил я. – Это не повторится.

Я ожидал, что мне прочтут лекцию или, по крайней мере, сделают внушение. Но Тайрон ничего такого не сказал, а только

окинул меня быстрым взглядом с ног до головы:

– Помойся… Я попрошу Тину найти тебе новую одежду. Плотно позавтракай. На этот раз будет не страшно, если ты опоздаешь на первую тренировку.

Я сделал все в точности, как он велел, и как следует вымылся перед тем, как переодеться. Потом отправился в столовую и позавтракал в одиночестве, наслаждаясь каждым куском и накладывая себе добавку.

В конце концов я вошел в зал, как и в свой первый день, несколько недель назад. Двух других учеников явно не предупредили о моем возвращении, и они оторопели при виде меня. Глаза Палма чуть не вылезли из орбит.

– Тайрон принял тебя обратно? Быть не может! – воскликнул он.

Я молча посмотрел на него и принялся стаскивать ботинки и носки, готовясь к тренировке. Я не думал заранее, что скажу, когда снова увижу Палма, но при звуках его самодовольного голоса разозлился так, что не мог сдерживаться.

– Не благодаря тебе! – выпалил я. – Ты со всех ног бросился доносить на меня, верно? Забавно, но ты не упомянул, что тоже дрался с Квин. Вставные зубы жевать не мешают? Просто интересно.

Палм уставился на меня зверем, его щеки залила предательская краска. Но он ничего не ответил и молча протопал на другой конец зала.

Дейнон сдержанно мне улыбнулся:

– Рад, что ты вернулся, Лейф! Было бы нечестно, если бы тебе не дали еще одного шанса.

– Спасибо! Не могу дождаться, когда снова приступлю к тренировкам.

Вскоре Керн уже учил нас правильным шагам и, не считая быстрого «Добро пожаловать обратно», вел себя так, будто я никогда не уходил.

В тот день я мог бы сказать Палму еще кое-что, но он больше со мной не разговаривал, поэтому и я держал язык за зубами. Но всякий раз, когда Палм отвечал Керну или бормотал что-нибудь Дейнону, я еле сдерживал улыбку. Теперь, когда я обращал на это внимание, я все время слышал щелканье его вставных зубов.

13
Озер-плаза

Вначале был слов,
И слов стал плотью.
То была самая большая наша ошибка.

«Амабрамсум»,

книга мудрости гентхаев

Еще до конца недели я привык к распорядку в доме Тайрона.

Утром, после завтрака, мы оттачивали боевые навыки под присмотром Керна. Это было нелегко: приходилось часами танцевать по доскам за спиной лака, из-за чего у меня ныли и болели даже те мышцы ног, о существовании которых я раньше не подозревал.

Больше всего меня радовало то, что я еще дважды сумел попасть клинком в горловую втулку тренировочного лака, тогда как Палму ни разу это не удалось и он бесился все сильнее.

Тренировки нравились мне гораздо больше дневных уроков, на которых я пытался заучить основы шаблонирования на языке Ним. По распоряжению Тайрона Палм, Дейнон и я работали в отдельных маленьких кабинетах, примыкавших к нашей спальне, а потом нас вызывали по очереди на часовое занятие с Керном. По пятницам было еще хуже, потому что теорию преподавал Тайрон. Я стеснялся своих ошибок и уже начал бояться, что слишком туп и как пить дать провалю испытание в конце месяца.

На исходе дня мы всегда бегали, чтобы развить выносливость и скорость. Вслед за Керном мы трусцой бежали к Колесу; там нам давалось пять минут, чтобы перевести дыхание, а после мы мчались наперегонки – три быстрых круга и финиш у главного входа. Керн наступал мне на пятки, но я был быстрее. Он всегда улыбался и поздравлял меня. У нас с ним установились забавные отношения, я уже считал его чуть ли не старшим братом. С Палмом мы не разговаривали с тех пор, как я вернулся к тренировкам, и то, что в наших ежедневных забегах он отодвинулся на третье место, не помогало нам стать друзьями. Лишь одно портило мне удовольствие: раз Палм приходил третьим, Дейнон стал четвертым.

После пробежки мы, не торопясь, возвращались в дом

Тайрона, предвкушая главную трапезу дня.

– Умираю с голоду, – сказал однажды Дейнон.

Я шел рядом с ним, а Палм – впереди, болтая с Керном.

– Я тоже, но тут кормят так, что ужина стоит подождать, – отозвался я. – В Майпосине я ел куда хуже и вечно недоедал. Фермер, на которого я работал, не позволял мне завтракать с его семьей и приносил тарелку в амбар, в котором я спал. Еда обычно была холодная.

– Похоже, тебе приходилось нелегко.

Я кивнул:

– Работа была тяжелой, но по выходным я шел сражаться на палках и тогда мог повидаться со своими друзьями. А как жилось тебе, Дейнон?

– Я тоже работал на ферме, но ферма принадлежит моему отцу, поэтому у меня, по крайней мере, была нормальная постель. У меня есть два младших брата, и всем нам приходилось вкалывать от рассвета до заката, чтобы помочь папе. Здесь лучше! Но я должен хорошо успевать, иначе в конце концов мне снова придется заняться фермерством.

– А твои братья придут в город, чтобы тренироваться для боев на арене? – спросил я.

Дейнон грустно покачал головой:

– Отец может наскрести на обучение только одного из нас, да и эту сумму ему собрать нелегко. Я старший, поэтому тренируюсь я. Мне надо хорошо учиться, чтобы его не подвести.

Каждое второе утро Тайрон водил нас в Колесо, чтобы мы наблюдали за состязаниями на Арене 13: это входило в наше обучение. Больше всего меня впечатлил поход, во время которого я впервые увидел, как дерется Ипсон.

Тем утром мы устроились на своих местах как раз перед первой схваткой: бойцы и их лаки уже заняли позиции. За единственным лаком стоял человек с белыми волосами и короткой бородкой, с множеством старых шрамов на голых руках.

Никогда раньше я не видел, чтобы на Арене 13 сражались такие старики. Большинству бойцов приходилось удаляться на покой, часто из-за ранения задолго до того, как они начинали седеть. Здешние бои были для молодых, для людей в расцвете сил. Как только проворство и ловкость начинали тебе изменять, драться становилось все трудней.

– Старый чудак не продержится и пяти минут, – издевательски усмехнулся Палм. – Скорее всего он помрет от старости еще до начала боя!

– Это Ипсон, – полным уважения голосом отозвался Тайрон, сердито взглянув на Палма. – Он был ранен и не сражался с

прошлого сезона, но все его знают. Глупо недооценивать его, Палм! Он ветеран Арены 13 и легенда для знающих людей. Может, он не так силен и быстр, как раньше, но он умелый боец и в позиции «мин», и в позиции «макс», а такое случается не часто: большинство бойцов специализируются либо в одном, либо в другом. Я бы на него поставил. Посмотрите, сколько шрамов у него на руках.

– Каждый шрам отмечает поражение? – спросил я.

Меня ужаснуло количество этих рубцов.

– Каждый шрам отмечает поражение с честью, – поправил меня Тайрон. – Но на каждый такой шрам приходится по меньшей мере пятьдесят побед. Говорят, в конце сезона Ипсон должен уйти на покой. Теперь у него случаются судороги в ногах (многие старые бойцы от них страдают, и это неизлечимо) и спина становится все слабее. Но с него станется самому распустить такие слухи, чтобы понизить свой рейтинг, ведь тогда он получит больше, поставив на собственную победу. Теперь посмотрите на молодого человека перед ним. Его зовут Скал, в Списках он значится рангом выше, хотя это всего лишь третий его сезон. Он боец из команды Кронкта, как видно по эмблеме с орлом у него на спине, и очень популярен среди женщин.

Я понимал почему: Скал был красивым мускулистым блондином. Окинув взглядом балкон, я заметил, что нынче вечером женщин тут больше обычного. Некоторые из них, сидевшие в переднем ряду, перегнулись через поручень и выкрикивали имя Скала, пытаясь привлечь его внимание. Одной молоденькой девушке в конце концов это удалось: он посмотрел вверх, улыбнулся и помахал ей, а она взвизгнула и спрятала лицо в ладонях.

– Скал и вправду хорош, – сказал Палм. – Мы уже наблюдали, как он дерется. Оба раза он с легкостью победил, верно?

Тайрон кивнул:

– Да, Скал далеко пойдет, но сегодня вечером, думаю, его ждет сюрприз.

Но меня больше интересовал Ипсон, человек, у которого за спиной была длинная успешная карьера на Арене 13.

– В чьей команде Ипсон? – спросил я, не увидев эмблемы на его куртке.

Палм, сидевший по другую руку Тайрона, самодовольно усмехнулся: он явно знал ответ на мой вопрос и, как всегда, обрадовался, что я продемонстрировал свое невежество.

– Многим нравится сражаться за команду вроде моей, которая дает бойцу серьезную поддержку. Но не все делают такой выбор, – объяснил Тайрон. – Ипсон сам содержит своих лаков и

тренируется с ними. Некоторые бойцы поступают так потому, что нужно слишком много времени, чтобы собрать деньги, позволяющие добиться моего положения. А некоторые, такие как Ипсон, в любом случае не желают связываться с командой. Он мог бы позволить себе содержать собственную, но предпочитает работать один. Он хочет сражаться, а не беспокоиться о том, как бы натренировать и организовать других людей.

– Думаю, я предпочел бы то же самое, – сказал Дейнон, сидевший слева от меня.

Тайрон улыбнулся:

– Каждый решает сам. Но вам, мальчики, решать еще очень не скоро.

Что бы ни говорил Тайрон, я уже знал, чем хочу заниматься, и сомневался, что передумаю. У меня не было больших способностей шаблонщика, поэтому мне никогда не стать еще одним Тайроном. Зато меня отличали проворство и отличная реакция. Я хотел сражаться на арене – сражаться и побеждать, пока не стану лучшим бойцом «мин» Арены 13.

Пинчеон, главный распорядитель, покинул арену, и труба дала сигнал к началу состязания.

Скал слегка согнул ноги, стоя за своими тремя лаками. Его руки, как и руки Ипсона, были обнажены, но шрамов на них было куда меньше.

Внезапно Скал затопал по деревянным половицам, отдавая команды своим лакам с помощью звукового кода Улум. Лаки тут же начали осторожно передвигаться; зловеще поблескивали шесть клинков. Скал следовал за тригладом, танцуя прямо за спиной центрального лака.

Ипсон в ответ тоже начал ритмично топать по доскам, а потом сделал один быстрый шаг назад синхронно со своим лаком.

Негромкий гомон начал быстро перерастать в нетерпеливый нарастающий рев. Было ясно, что Скал уже совершил ошибку: толпа заметила, что младший из бойцов слишком много на себя берет.

Четыре пары клинков сверкнули, когда единственный лак Ипсона устремился вперед, кружась и делая выпады мечами – правым, левым и снова правым, целя в глотки трех лаков-противников. И внезапно триглад Скала очутился на полу неподвижной перепутанной грудой – мне показалось, даже раньше, чем я услышал металлический грохот падения.

Лак Ипсона двигался невообразимо быстро, однако сам Ипсон едва шевельнулся. Я разинул рот и, взглянув вправо и влево, увидел, что Дейнон и Палм среагировали точно так же. Ипсон все

еще стоял, слегка согнув ноги и улыбаясь.

Лишившись защиты трех своих лаков, Скал сразу перестал танцевать. Теперь единственный лак Ипсона угрожающе направил клинки на противника и под хор расстроенных воплей и визга сторонников Скала сделал маленький надрез на его руке выше локтя – ритуал, отмечавший поражение молодого человека.

Все было кончено.

Двери снова открылись, и помощники, следуя указаниям Пинчеона, убрали с арены павших лаков, в то время как желтые бумажки – квитанции поставивших на Скала, – трепеща, падали из рук разочарованных людей.

Зрители вскакивали с мест и валили по проходу к игорным агентам с голубыми кушаками, теперь стоящим у задней стены балкона.

– Ипсон почти не двигался, – сказал я, все еще потрясенный случившимся. – Похоже, это была легкая победа.

– Точно. Победа, которую он одержал еще до того, как ступил на арену, – с улыбкой ответил Тайрон. – Смотри и учись, мальчик. Шаблоны его лака доведены до совершенства. Ипсон вошел в его разум, а потом сказал ему, что надо делать. «Шагни назад, а после атакуй». Бойцу в позиции «мин» трудно выиграть: его лака превосходят в численности – три к одному. Но умение и храбрость могут обеспечить победу, и люди вроде Ипсона добиваются этого снова и снова. Триглад нужно идеально скоординировать, и иногда, как вы только что видели, сделать это не удается. К тому же бойца «макс» можно одурачить, заставив совершить ошибку.

Я понял, сколько еще мне нужно узнать, прежде чем я буду готов ступить на арену.

В конце первой недели тренировок меня ожидал сюрприз: оказалось, что в субботу у нас выходной и мы можем заниматься чем угодно. Я бы предпочел еще один день занятий и собирался поупражняться, когда в тренировочном зале не будет Палма. Но когда я проснулся субботним утром, Палма и след простыл, а Дейнон, сидевший на своей кровати и натягивавший носки, с улыбкой сказал:

– Доброе утро. Есть планы на сегодня?

Я покачал головой:

– Я думал просто побродить по городу, а после поупражняться.

– Ты бывал на Озер-плаза?

– Нет… Я даже не знаю, что такое «плаза»! В Майпосине такого точно не было.

– Это целый квартал, рядом с которым есть озеро. А «плаза» – всего лишь причудливое название большой мощеной площади. В одном ее конце есть рынок, в другом – магазины и кафе. Я мог бы тебе ее показать, если хочешь…

– Хорошая мысль.

Мне нравился Дейнон, у нас с ним завязывалась дружба – жаль, что я сам не додумался куда-нибудь сегодня его пригласить.

– Пошли сразу после завтрака?

Двадцать минут спустя мы уже были на свежем воздухе. Дул легкий ветерок, солнце согревало лицо. Я был разочарован, не увидев за завтраком Квин, и гадал, где она собирается провести субботу. Но мне не хотелось показывать, как сильно я ею интересуюсь, поэтому я спросил Дейнона о другом:

– А что делает по субботам Палм?

– О, его забирает семья, и они отправляются пировать. Он всегда хвастает, какие большие стейки уминает и какая у них особенная подливка.

В этом весь Палм. Мне было плевать, что он родился в богатой семье и ему достается все самое лучшее: так уж устроена жизнь – как кому повезет, но меня тошнило от его высокомерного вида и непрерывного бахвальства.

Но теперь я постарался выкинуть его из головы и как следует насладиться выходным днем.

– Это явно лучшие места Джиндина, – заметил я.

После того как Тайрон меня выгнал, я все время держался другого конца города, не рискуя сюда соваться, чтобы не столкнуться с Палмом, Дейноном, а то и с самим Тайроном, поэтому все здесь было для меня внове. Нас по-прежнему окружали большие дома (некоторые даже с садиками, засаженными кустами и распускающимися цветами) и вымощенные тротуары.

– Здесь живут лучшие механики и работники игорных домов, – объяснил Дейнон. – В этом квартале стоит дом Пинчеона и дома некоторых торговцев и фермеров побогаче: они живут здесь, когда приезжают в город.

Мы свернули за угол.

– Вот мы и пришли, – сказал Дейнон. – Как тебе здесь, нравится?

Так вот она какая – плаза! Раньше я ничего подобного не видел. На западном конце обширной мощеной площади, обсаженной по периметру деревьями, стояло множество торговых прилавков с разноцветными навесами, которые трепал ветерок.

На восточном конце тянулся ряд магазинов и кафе со столиками на улице. Повсюду прогуливались на солнышке и разговаривали нарядные парочки и группы. Все явно надели свои лучшие костюмы, а на мне были только полученные от Тайрона плохо сидящая рубашка и штаны.

– Пошли выпьем сока, – предложил Дейнон.

К моим щекам прихлынула кровь:

– Прости, у меня нет денег.

– Не проблема, отдашь после. Или просто угостишь меня выпить в следующий раз, когда мы сюда придем.

– Тогда мне придется найти работу. Здесь можно куда-нибудь устроиться подрабатывать по субботам?

– Тайрон не захочет, чтобы ты трудился в выходной, – ответил Дейнон. – Он считает, что мы должны вкалывать всю неделю, а в этот день восстанавливать силы. Кроме того, он будет выдавать тебе деньги в последнюю пятницу каждого месяца. Все ученики получают небольшую стипендию.

– Да, он говорил, но я думал, денег хватит только на самое необходимое, например, на одежду.

– Стипендия небольшая, но на нее можно выпить сока и перекусить. Одежду при зачислении тебе дадут бесплатно, как и первую пару ботинок «триг», но потом тебе придется за все платить самому, так что придется экономить.

Дейнон подвел меня к самому большому кафе, мы уселись за столик на солнышке и стали глядеть на толпу, собравшуюся у рыночных прилавков. За многими столиками вокруг сидели молодые парни.

– Сюда приходят ученики, – объяснил Дейнон. – Это кафе для них, поэтому цены здесь немного ниже.

– Ты с кем-нибудь из них знаком? – спросил я.

– Знаю некоторых по именам, но говорить с ними не говорил. Почти все здесь учатся второй или третий год и обычно не снисходят до бесед с новичками-первогодками вроде нас.

– А как насчет первогодков, работающих у других механиков?

– Тут их не бывает, потому что у них нет выходных. В свободные от тренировок дни они прислуживают своим наставникам: моют, чистят, занимаются разной работой по дому. Тайрон – другое дело. Хорошо быть учеником мастера, который заботится о нас.

Спустя несколько минут к нашему столику подошла молодая официантка и приняла заказ. На ней было голубое платье до колен и симпатичная маленькая белая шляпка с голубой ленточкой в тон платью. Девушка выглядела такой же нарядной, как и все молодые люди вокруг, и я знал, что смотрюсь на их

фоне гадким утенком. Да, мне явно придется приберечь деньги из стипендии на новую одежду; после того как я верну долг Дейнону, это станет моей первоочередной задачей.

Мы оба заказали яблочный сок. Дейнон попросил пшеничные лепешки с маслом, при мысли о которых у меня потекли слюнки, но я притворился, что не голоден: я не хотел задолжать Дейнону больше необходимого, поэтому прихлебывал сок, пока он уминал свою порцию.

Не удержавшись, я в конце концов спросил о Квин, постаравшись сделать это самым небрежным тоном:

– А чем занимается по субботам Квин? На неделе ее почти не было видно. Она что, где-то работает?

– Работает в офисе Тайрона, помогает в управлении делами и заказывает провизию и экипировку. Даже не знаю, чем она занимается сегодня… Она тоже часто сидит здесь. Видишь парня за столиком у окна? Это ее бойфренд.

У меня отвисла челюсть. Мне не приходила в голову мысль, что у Квин может быть бойфренд. Она никогда о нем не упоминала.

У меня разочарованно екнуло сердце.

14
Красные ботинки

Разных видов джиннов больше, чем звезд на небе.

Но все они (а самые опасные среди них – джинны-отщепенцы) больше не подчиняются слову, который их создал.

«Амабрамсум»,

книга мудрости гентхаев

Я посмотрел туда, куда показал Дейнон, и понял, что уже видел этого молодого человека: он окликнул Квин в ту ночь, когда она взяла меня в Колесо, и не получил ответа. Когда я рассказал об этом Дейнону, тот кивнул.

– Да, они все время разбегаются. Она – девушка, которая знает, чего хочет, уж это точно. Проблема в том, что ей все время хочется разного! Дейнон отхлебнул сока, глядя на меня поверх бокала.

– Палм с ума сходит по Квин.

Ну и ну!

– Никогда бы не догадался.

– Но только зря теряет время. Квин и ее бойфренд часто ссорятся, но она всегда к нему возвращается. Кроме того, для ученика Тайрона спутаться с его дочерью плохая идея, верно?

Я осторожно кивнул, надеясь, что лицо не выдает моих чувств, и, сменив тему, спросил:

– А что произошло, когда ты с ней дрался?

Дейнон засмеялся:

– Она победила в первых двух схватках, поэтому мне не пришлось участвовать в решающей. Меня разбили в пух и прах. Она такая быстрая, что мне за ней просто не угнаться. Потом она сказала, что я скучный, и никогда больше не стучала, чтобы вызвать меня. Но я не возражаю, в некотором роде мне же лучше. Она одержима мыслью о битвах на арене, хотя знает, что это невозможно, и поэтому становится ожесточенной и злой.

Несколько минут мы сидели молча, прихлебывая сок. Оглядывая плазу, я думал, как сильно она отличается от более бедных кварталов Джиндина с их земляными дорогами и

гниющими деревянными тротуарами.

– Ты счастлив, что будешь сражаться в позиции «мин»? – внезапно спросил Дейнон.

Я кивнул:

– Да, я очень этого хочу. Просто не представляю себя сражающимся за спинами трех лаков.

– Когда дерешься позади троих, больше шансов победить, – сказал Дейнон. – Я бы выбрал именно это. К тому же тогда можно не бояться, что однажды окажешься лицом к лицу с Хобом! Но чтобы иметь трех лаков, нужен богатый отец; дешевле начать с позиции «мин». Держу пари, механики вроде Тайрона тоже предпочитают бойцов «мин»: у Тайрона большая команда, а ему еще приходится снабжать лаками новичков вроде нас. Я попросил у него разрешения сражаться позади трех лаков, только вряд ли он это позволит.

– Значит, ты не рад? – спросил я.

– Мне придется приспособиться к тому, что есть. Некоторые бойцы «мин» неплохо преуспевают. Взять, к примеру, Керна – он изумительно начал сезон, победив во всех своих десяти схватках, и кое-кто говорит, что в этом году он станет чемпионом Арены 13. Просто я сомневаюсь, что сумею преуспеть в «мин». Мне бы хотелось стать шаблонщиком.

– У тебя хорошо получается составлять шаблоны? – удивленно спросил я. – По-моему, это очень трудно.

– Мне приходится работать не покладая рук, но у меня получается все лучше и лучше. Тайрон редко хвалит кого-то, но он сказал, что я подаю большие надежды.

Я улыбнулся:

– Тогда, может, ты однажды сделаешься шаблонщиком и сможешь стать таким же, как Тайрон – самым удачливым механиком в Джиндине с самой большой командой бойцов!

Дейнон просиял.

– Я никогда по-настоящему не думал о том, чтобы завести собственную команду, но теперь подумаю, – сказал он, допив остатки сока. – Хочешь посмотреть озеро? Это недалеко. Но сперва я найду официантку, чтобы расплатиться.

Я снова улыбнулся и еще раз поблагодарил. Мне не нравилось влезать в долги, но нравился Дейнон, и это примиряло меня с его щедростью.

После того как он расплатился по счету, мы пошли вдоль ряда магазинов, и вдруг Дейнон остановился перед большой витриной, полной выставленных на продажу товаров:

– Этот магазин специализируется на вещах для Арены 13.

В витрине были куртки, короткие штаны и ботинки, какие

носят бойцы, а еще – кожаные ремни с двумя ножнами.

– Большая часть барахла предназначена для фанатов – все это ненастоящее, с копиями эмблем разных команд. Для механиков вроде Тайрона эмблемы всегда рисуют лучшие мастера города. Но посмотри туда, – Дейнон показал на дальний конец витрины. – Это подержанная одежда и обувь для новоиспеченных бойцов, которые только что начали, небогаты и не имеют поддержки команды. Эмблемы с вещей спороли, все ботинки стоптаны – кроме одной пары.

Ему не нужно было говорить, какую пару он имеет в виду. Все ботинки были сделаны из черной или коричневой кожи, и только одна пара – из красной.

– А, ты о красных ботинках, – кивнул я.

Дейнон ухмыльнулся:

– Ага. Они как новенькие, если не считать подошв. В ту ночь, когда Квин впервые вызвала меня стуком, она рассказала об этих ботинках. Она примеряла их, они идеально подошли, но Тайрон не стал их покупать: сказал, у нее и так слишком много сумасшедших идей и больше он не собирается ей потакать. Ботинки ужасно дорогие, Квин ни за что не собрать такую сумму. Так вот, Палм собирается купить ей эти ботинки в конце сезона: отец пообещал ему кучу денег, если он выиграет на ТУ. Конечно, подарок ничего не изменит, вряд ли Квин вообще согласится его принять.

Мне не понравилась мысль о том, что Палм преподнесет Квин ботинки, и я понадеялся, что Дейнон прав: даже если тот попытается, Квин откажется их взять. Эх, если бы я мог их купить! Она не стала бы относиться ко мне по-другому – ведь у нее уже есть бойфренд, – но это сделало бы ее счастливой. Но раз такое было невозможно, я выбросил идею из головы.

Мы снова зашагали вперед и, оставив плазу позади, дошли по обсаженным деревьями улицам до поросшего травой склона, по которому поднялись к озеру. Озеро было большим, овальным, его спокойные воды отражали голубизну неба, у деревянного причала стояли гребные лодки. Здесь кончались дома, к воде подступал лес. Мы как будто оказались на краю мира, и впервые с тех пор, как я появился в Джиндине, я ощутил покой и безмятежность.

Мы с Дейноном в дружеском молчании пошли вдоль озера и наконец устроились на траве возле одного из двух впадавших в него тонких ручейков.

– Ты ходил в Майпосине в школу? – спросил Дейнон. – Я заметил твои тетради на столе Керна – у тебя очень аккуратный почерк. Он всегда жалуется, что мой почти невозможно разобрать.

Я мало говорил о своей жизни до появления в Джиндине, но сейчас сказал:

– Наша ферма была слишком далеко от города. Раньше меня учила мать.

– Наверное, она была умной женщиной. Тут есть субботние школы, куда ходят некоторые фермерские дети. Наша ферма недалеко от Джиндина, поэтому я учился здесь, но на дом задавали очень много, уроки приходилось делать после целого дня работы, и я едва успевал. Конечно, у Палма был личный учитель: ему – все только самое лучшее.

Я кивнул. Палму все давалось легко. Несколько минут мы сидели молча, глядя на озеро и наслаждаясь солнцем.

– Никогда не скажешь, что это тот же самый город, – заметил я. – Кварталы вокруг бойни и Колеса совершенно другие.

– Да, тут живут богатые люди. Мне бы хотелось однажды купить здесь дом, – задумчиво сказал Дейнон. – Хочешь покататься по озеру на лодке? Это недорого, и я заплачу.

Мы встали, пошли к причалу, и тут я услышал крик. Кричали слишком далеко, чтобы я разобрал слова, но, судя по тону, случилось что-то ужасное. Там, где были пришвартованы лодки, собралась небольшая толпа: все смотрели на воду. Когда мы подошли ближе, ветер вдруг усилился, повеяло холодом, и я вздрогнул.

– О нет! – воскликнул Дейнон, который уже разглядел, на что уставились люди.

Спустя секунду я его догнал, и у меня засосало под ложечкой при виде тела, плавающего в озере лицом вниз. Какой-то человек старался вытащить тело из воды, но оно было слишком тяжелым.

– Помогите мне! – закричал он, но все просто таращились и никто не двинулся с места.

Я уже хотел побежать на помощь, как вдруг Дейнон метнулся вперед и, оставив меня позади, с плеском врезался в озеро. Я ринулся за ним, и от холодной воды перехватило дыхание. Тело закоченело, пропиталось влагой, ворочать его было очень неудобно, но все-таки мы ухитрились вытащить его на берег и перевернули на спину.

Это была молодая девушка – наверное, не старше двадцати, с мертвенно-бледным лицом. Мужчина снова положил ее на живот, повернул голову утопленницы в сторону и начал ритмично нажимать ей на спину, а остальные подошли ближе, чтобы понаблюдать.

Вода струйками выплескивалась изо рта девушки, и я преисполнился надежды, что ее удастся вернуть к жизни. Но больше ничего не произошло, и наконец мужчина оставил

попытки и покачал головой.

Что случилось? Она только что упала с одной из лодок? Или ее бледное лицо означает, что она пробыла в воде уже некоторое время?

Я снова задрожал и поднял глаза, когда туча закрыла солнце. Дейнон, перехватив мой взгляд, печально покачал головой.

Потом я услышал, как несколько человек ахнули, а кто-то завопил. Заставив себя снова посмотреть на девушку, я увидел, что их испугало: две глубокие багровые раны на ее шее.

– Из нее высосали кровь, – прошептал Дейнон.

В мгновение ока толпа рассеялась – люди бросились вниз по склону к ближайшим домам и к плазе. Мимо нас пробежал человек, который пытался помочь девушке, и я увидел панику в его глазах.

– Нужно немедленно убираться отсюда! – быстро произнес Дейнон, испуганно взглянув в сторону деревьев. И когда я вопросительно посмотрел на него, объяснил: – Ее убил Хоб, и теперь кисточки придут за телом.

– Что? Прямо сейчас, сию минуту?

– Может, и не сию минуту, но в течение часа обязательно. Наверное, у них есть соглядатай, который прячется там, за деревьями. Люди убежали, здесь никого нет, поэтому скоро они явятся, не сомневайся. Давай уходить, пока не поздно.

С этими словами он поспешил вниз с холма. Я следовал за ним по пятам, но, догнав возле ближайших домов, положил руку ему на плечо и спросил:

– Куда мы?

– Возвращаемся к Тайрону, там безопаснее. Все разбегутся по домам, чтобы запереть замки и задвинуть засовы, и нам нужно сделать то же самое.

– Я останусь, – заявил я. – Хочу посмотреть, как выглядят кисточки.

По лицу Дейнона сразу стало видно, что он думает о моей затее.

– Это опасно, Лейф. Слишком рискованно. Если они увидят, что ты наблюдаешь, они могут забрать и тебя. Самое разумное – уйти отсюда.

– Бедная девушка мертва! – сердито ответил я. Во мне кипел такой гнев, что тряслись руки. – Мне бы очень хотелось помешать им забрать тело! Я знаю, что это невозможно – их слишком много, – но убегать, по-моему, будет трусостью. Я собираюсь остаться и посмотреть, как выглядят наши враги. Я показал влево.

– Видишь те кусты и высокую траву? Я могу спрятаться там, и меня не заметят, так что риск не слишком велик. Откуда они

явятся – из города или из-за деревьев?

– Наверное, из-за деревьев, – ответил Дейнон. – Иногда они бродят по городским улицам, но только после темноты.

– Тогда я останусь и понаблюдаю… А тебе незачем рисковать. Возвращайся к Тайрону, со мной все будет в порядке.

– Если ты останешься, Лейф, я тоже останусь. Ты в городе новичок, и Тайрон велел за тобой присматривать. Я еще никогда не видел кисточек при свете дня – один раз заметил парочку возле Колеса, но издали. Я тоже хочу увидеть наших врагов.

Мы двинулись к кустам и залегли, спрятавшись ото всех, кто мог бы подняться по холму к озеру.

– Отсюда должно быть хорошо видно, – сказал я.

Теперь, приготовившись ждать, я успокоился; гнев уступил место любопытству. Я не чувствовал, что нам грозит большая беда, – считал, мы неплохо спрятались.

Но время шло, и я начал беспокоиться. Тайрон бы этого не одобрил, – он сказал бы, что мы напрасно рискуем. Я взглянул назад, в сторону ближайших домов: двери закрыты, занавески опущены. Все были в безопасности, взаперти, – кроме нас. Люди в городе знали, чего ожидать от кисточек, и не хотели рисковать.

Мы молча ждали, и меня все больше одолевали сомнения. Прошло около получаса, и Дейнон начал волноваться. Он подполз ближе и прошептал:

– Тайрон будет беспокоиться. Он услышит о случившемся и запрет двери.

Он был прав: по расчетам Тайрона, нам уже следовало бы вернуться, а я не хотел снова попасть к нему в немилость. Я почувствовал, как на мое лицо упали капли дождя, и задрожал от холода; мои штаны все еще были мокрыми после того, как мы плюхнулись в озеро. Скоро придется возвращаться.

– Давай подождем еще десять минут, а потом уйдем. Согласен? – спросил я.

Дейнон кивнул, и мы продолжали ждать и наблюдать. Я не сомневался, что прошло уже больше десяти минут, но ни один из нас не попытался уйти. Теперь моросил мелкий дождь, жидкий туман затруднял обзор. И все-таки я видел все вокруг достаточно ясно, и у меня подпрыгнуло сердце, когда совершенно неожиданно появились кисточки: они скачками выбежали из-за деревьев словно стая гигантских серых крыс.

Я быстро их сосчитал. По меньшей мере пара дюжин. Огромный вожак (наверное, вдвое больше взрослого мужчины) бежал на четвереньках. Остальные кисточки были разных размеров; некоторые передвигались на четвереньках, большинство – на двух ногах, но их странная походка вовсе не

походила на человеческую. Одетые в серые платья с капюшонами, они бежали быстро и молча, подолы волочились по траве.

«Если они ринутся вниз по холму, то поймают нас в считаные секунды», – подумал я.

Кисточки собрались вокруг тела девушки, и вдруг один, стоявший с краю стаи, вскинул голову. Его лицо настолько осунулось, что напоминало череп, глаза походили на неглубокие черные ямы, и он как будто смотрел прямо на нас.

Мое сердце бешено заколотилось от страха. Конечно же, он нас не видит… А может, не зрение говорит ему, что мы здесь? Остальная стая не заметила, как он запрыгал вниз по холму прямо к нашему убежищу.

Дейнон посмотрел на меня широко раскрытыми, перепуганными глазами и начал было вставать, чтобы повернуться и броситься наутек, но я схватил его за руку и покачал головой. Если мы запаникуем и побежим, вся стая кисточек погонится за нами по обезлюдевшим улицам, и никто нам не поможет. Нас догонят, заберут в цитадель Хоба, и мы сгинем без следа.

Кисточка остановился неподалеку от кустов. Он смотрел прямо на нас, но не двигался. Мое сердце билось так сильно, что я не сомневался – он слышит его стук. Внезапно тварь очень громко принюхалась, словно ощутив наше присутствие, и издала низкий горловой рык. Он нас чует? Может, у него чутье лучше, чем у остальных, которые интересуются только мертвой девушкой?

Лицо кисточки частично скрывала тень, и сперва я подумал, что у него борода, но потом он сделал еще шаг, и я увидел, что все его лицо покрыто волосами.

Он снова зарычал, и я решил, что он собирается на нас напасть, но потом раздался странный ухающий крик других кисточек. Огромный вожак поднял тело девушки и теперь нес его вверх по холму; остальные следовали за ним по пятам. Кисточка, стоявший неподалеку от нас, наверное, не захотел оставаться один и поскакал за другими.

Опасный момент миновал, и вскоре стая исчезла из виду.

Я вздохнул с облегчением, поняв, какая огромная опасность нам только что грозила.

– Зачем им труп?

Дейнон пожал плечами:

– Наверное, отнесут его Хобу. Он убил девушку, и теперь она принадлежит ему. Думаю, он высосал из нее кровь минувшей ночью на краю тростников – такое случалось и раньше.

– Прости, что втянул тебя в это, – сказал я.

– Я виноват не меньше, Лейф, ведь я сам решил остаться. Кисточки охотятся в основном в темноте, и я мог бы догадаться, что они полагаются не только на глаза. Этот нас не видел, но знал, что мы здесь. Мы выкрутились, но в следующий раз может и не повезти. Давай надеяться, что Тайрон не узнает, что мы только что сделали!

Мы пустились рысцой, а я все думал и думал о происшедшем. Я не мог понять здешних обычаев: почему такому дозволено случаться в городе, в котором есть вооруженные отряды, обязанные защищать горожан?

– Почему никто ничего не делает? – вслух спросил я. – Я еще понимаю, что Хоб может ночью, незаметно, убить кого угодно, – но почему кисточкам разрешается входить в город и забирать тело? Средь бела дня… Где же гвардия Протектора?

– Они никогда не лезут в дела Хоба. К тому же сейчас суббота и, кроме немногих оставшихся на посту, большинство в бараках нажираются элем как свиньи – да они свиньи и есть. Так уж тут все устроено, Лейф. Правила Хоба.

– Кисточек было так много, – сказал я. – Прямо стая диких зверей.

– Да, они охотятся большими стаями, – отозвался Дейнон. – Там были и другие, которые остались у леса и наблюдали оттуда.

Мы возвращались в дом Тайрона. Плаза опустела, вокруг не было ни души, дождь лил все сильней. Я кипел от гнева, вспоминая сцену, свидетелем которой только что стал. Недавно мы прихлебывали здесь сок на солнышке, все отдыхали и веселились… И никто не знал, что в это время тело мертвой девушки плавает в озере, ожидая, когда его найдут.

Хоб и его слуги могли делать все, что им заблагорассудится. Какое ужасное место!

15
Легенда о Мэте

Я начал чувствовать себя выражением высшей силы, аспектом Ним – богини всех шаблонов, движения и танца.

Я не просто вытанцовывал шаблоны Тригладиуса.

В некотором роде я сам стал этими шаблонами.

Свидетельства Мэта

За ужином я никак не мог сосредоточиться, не мог выкинуть из головы белое лицо несчастной девушки, и мне с трудом удавалось поддерживать беседу за столом. Как обычно, Палм хвастал, без умолку рассказывая о своих будущих трех лаках, которым Тайрон задаст шаблоны. На меня он старательно не смотрел, но Дейнон слушал с вежливой улыбкой на лице.

На другом конце стола Керн, Тайрон, Тина и Квин обсуждали погибшую девушку. Только одно слегка подняло мне настроение – один раз я перехватил взгляд Квин, и она мне улыбнулась. Наверное, это была всего лишь дружеская улыбка, но сердце мое радостно забилось.

К концу ужина Керн подошел ко мне и сказал:

– Тайрон хочет видеть тебя в своем кабинете минут через пять. Это верхняя комната в доме, ты легко ее найдешь.

У меня упало сердце. Тайрон узнал, что мы с Дейноном повстречались с кисточками? Наверное, Керн увидел по моему лицу, как я встревожен, потому что с добродушной улыбкой похлопал меня по плечу:

– Не беспокойся, Лейф, ты ничего не натворил… Но не заставляй его ждать!

Я поднялся по лестнице в кабинет Тайрона. Раньше я никогда там не был и, несмотря на заверения Керна, очень нервничал. К тому же это будет мой первый настоящий разговор с Тайроном после моего возвращения.

Я тихонько постучал, не получил ответа и уже собирался постучать снова, когда Тайрон открыл дверь:

– Входи, Лейф, садись у огня.

Я улыбнулся, сел туда, куда показал Тайрон, и оглядел

комнату, обшитую панелями из полированного красного дерева. Кожаные стулья, на полу перед камином белая волчья шкура, сразу видно – кабинет очень богатого человека. Я рассматривал комнату, думая о том, как тут все не похоже на дом моего детства, когда кое-что привлекло мое внимание. На стене висел застекленный шкафчик с единственной полкой, на которой стояло шесть или семь томов в переплете из мягкой коричневой кожи. Книги, очень древние на вид, подпирались с двух сторон массивными деревянными волками.

Тайрон подошел к столу в дальнем углу, налил себе из графина бокал красного вина, вернулся, сел напротив меня и, пригубив, улыбнулся. Эта улыбка успокоила меня, и я вздохнул с облегчением.

– Керн говорит, ты хорошо успеваешь. Говорит, многие шаги даются тебе легко, как будто ты уже с ними знаком. Кто тебя учил?

Я поколебался, прежде чем ответить:

– Мой отец одно время жил в городе, знал шаги «триг» и научил меня некоторым приемам. Как я уже говорил, он был палочным бойцом.

– И много парней потеряли передние зубы?

– Несколько. В палочном бою приходится рисковать.

– Надеюсь, зубы моей дочери уцелеют, – рыкнул Тайрон. – И без того нелегко будет выдать ее замуж. Я знаю, что вы с Квин подружились, но эта дружба влечет за собой некоторую ответственность. Ты понимаешь, о чем я?

Он собирается предупредить, чтобы я держался от его дочери подальше? Для этого он вызвал меня в свой кабинет?

– Послушай, Квин – необузданная девица. Она рискует, она одержима Ареной 13. Я знаю, что это она устроила ваш бой на палках: наверняка переупрямила тебя, заставила передумать и нарушить правила. Но ты тоже можешь заставить ее передумать. Постарайся время от времени уговаривать ее быть чуть благоразумней. Постараешься?

Я понятия не имел, как это сделать, но кивнул и сказал то, что, по-моему, хотел услышать Тайрон:

– Конечно, сделаю, что смогу. У Квин есть собственное мнение, но я попытаюсь.

– Это все, о чем я прошу, Лейф. Скучаешь по палочным боям?

Я вспомнил о парнях из Майпосина: все мы отчаянно мечтали когда-нибудь сражаться на Арене 13, и эта мечта поддерживала нас, пока мы вырывали у земли жалкие крохи.

На фермах возле Джиндина все обстояло по-другому. Здешняя земля была плодородной, скот вырастал тучным, и

фермеры богатели, снабжая город мясом и молоком. Лотерея давала места только пятерым ученикам в год, а подавляющее большинство мест скупали богатые отцы, которые могли себе позволить приобрести сыновьям право тренироваться у лучших механиков. Так получил свое место Палм. Благодаря этому он мог содержать трех лаков и сражаться позади триглада.

– Мне нравится тренироваться для Арены 13 – это гораздо лучше палочного боя. Я вас больше не подведу, не беспокойтесь.

Тайрон кивнул, и я подумал, что он велит мне возвращаться, как вдруг он задал вопрос, заставший меня врасплох:

– Ты знаешь о Мэте?

Он впился в меня глазами.

Я кивнул, стараясь выглядеть невозмутимым.

– Ты знаешь, что с ним случилось?

– Кое-что знаю.

– Узнай о том, что случилось с Мэтом, – и ты поймешь Хоба. В чем дело, мальчик? У тебя странное выражение лица.

Я сменил тему разговора:

– Мы с Дейноном были на озере, когда там нашли девушку. Это просто ужасно, не могу выбросить ее из головы.

– Значит, ты уже знаешь, как живет наш город. Та мертвая девушка у озера – лишь часть тирании Хоба. А теперь я расскажу тебе, чего добился на Арене 13 Мэт: тебе нужно это знать. Если я начну с самого начала, мы просидим тут до заката, поэтому начну с конца второго года выступлений Мэта. К завершению того сезона он значился в Списках первым, и болельщики уже говорили, что он лучший из всех бойцов, когда-либо ступавших на арену. Он зарегистрировался под именем Мэтьюз (хотя все его знали как Мэта) и состоял в команде некоего Гунтера, который в то время был, пожалуй, лучшим механиком Джиндина. Гунтер Великий – так его называли. Они хорошо сработались: у Гунтера был ум великого шаблонщика, а у Мэта – скорость отличного бойца. С тех пор Арена 13 не видела таких, как эти двое, и, может, никогда уже не увидит. Это было настоящее партнерство.

Тайрон поднял бокал и сделал большой глоток. Он глядел в пространство так, будто видел призрака или тени прошлого. Я беспокойно шевельнулся. Он позвал меня, чтобы рассказывать старые байки?

– В последнюю ночь второго сезона Мэта в Колесо явился Хоб, приведя с собой триглад, и бросил свой обычный вызов. Честь бойцов «мин» требовала на него ответить.

– Вы там были? – спросил я.

Тайрон кивнул:

– И я был одним из бойцов «мин». Когда мы собрались в

комнате ожидания под ареной, я стоял так близко от Мэта, что мог бы дотронуться до него рукой. Пинчеон, главный распорядитель (тогда он был молодым человеком, самым юным, когда-либо занимавшим эту должность), принес лотерейный барабан из матового стекла, в котором лежали серебряные соломинки. Вытянувший короткую соломинку сразился бы с Хобом. В барабане было девятнадцать соломинок, по одной на каждого бойца, чье имя значилось в Списках сражений того вечера. Само собой, я волновался. Любой из нас мог стать избранником, а это означало верную смерть. Ипсон… ты видел, как он дерется… тянул жребий первым. Пока соломинки не вытащены, нельзя угадать, которая из них короткая, но Ипсону, похоже, повезло. Но потом Мэт вдруг шагнул в центр группы и вырвал из рук Пинчеона лотерейный барабан. Барабан упал на землю и разбился, так что оставшиеся соломинки рассыпались среди осколков стекла, а Мэт быстро опустился на колени и выбрал соломинку.

– Короткую, – прошептал я.

Тайрон мгновение пристально смотрел на меня, потом продолжил:

– В комнате воцарилась полная тишина; даже главный распорядитель не знал, что сказать, и только сердито смотрел на Мэта. «У меня короткая соломинка, поэтому право биться за мной!» – заявил Мэт.

– Пинчеону это не понравилось, верно? – спросил я. – Ведь Мэт нарушил все правила!

Тайрон отхлебнул вина и улыбнулся.

– Да, еще как нарушил, – после паузы сказал он. – И все мы в потрясенном молчании ждали, что же будет. Никто не мог предугадать, как отреагирует главный распорядитель, но тот просто поклонился, согласившись, что именно Мэт ответит на вызов. Это уже была победа над Хобом, – продолжил Тайрон. – Разбив барабан и схватив короткую соломинку, Мэт позаботился о том, чтобы Хобу пришлось встретиться с самым лучшим противником, какого могло предложить Колесо, – с ним. Хоб желал с кем-то сразиться – Мэт предложил себя. Приняв его выбор, Пинчеон велел нам занять места на балконе. Тем вечером мы, восемнадцать бойцов, со страхом наблюдали, как на арену вошел триглад Хоба: лаки были в черных доспехах и двигались с невероятной скоростью и изяществом. Сразу вслед за ними появился Хоб.

– Как он выглядел? – спросил я.

– Когда он сражается на арене, его почти не отличишь от бойца-человека, – ответил Тайрон. – Но он крупнее почти всех

людей и с необычайно длинными, как у лака, руками без единого волоска. И он носит бронзовый шлем, закрывающий голову полностью, до подбородка. Поскольку горло его открыто клинку, никто никогда не думал протестовать – да никто бы и не осмелился. Я глазам своим не поверил, когда Мэт вошел на арену вслед за своим единственным лаком и встал за ним. Мэт надел серебряный шлем в виде волчьей головы и держал два меча. До того момента ни один боец-человек не входил на Арену 13 с мечами в руках, – мечи играли чисто церемониальную роль и носились на поясе. Что касается шлема – почему бы и нет? Если Хоб может его носить, почему не должен Мэт? Ты знаешь, почему его шлем был сделан в виде волчьей головы?

Я кивнул:

– Потому что он был гентхаем.

Это слово означало «человек волка».

– Сейчас в Триге сражаются несколько гентхаев, но Мэт первым из этого народа принял участие в состязаниях, изменив имя, чтобы получить лицензию. Ты жил на юге, близ Майпосина, недалеко от родных земель гентхаев, и наверняка знаешь, сколько у людей предрассудков. Не так ли, мальчик?

Я пожал плечами.

– Там с гентхаями идет большая торговля. Наверное, здесь, в Джиндине, предрассудков у людей куда больше.

Тайрон пристально посмотрел на меня, прежде чем продолжить рассказ:

– Сперва Мэт просто ждал. Даже когда триглад Хоба ринулся в первую атаку и клинок лязгнул о клинок, он не шевельнулся.

– Как Ипсон на состязании тем вечером? – спросил я.

– Да, в точности так. Но потом лак Мэта сделал два быстрых шага вперед, как можно дальше, а Мэт шагнул за ним по пятам и снова слегка согнул ноги, ожидая. Лаки Хоба опять атаковали, но на сей раз двое из них отвлекли лака противника, а третий ринулся сбоку, стараясь достать человека. Мэт крутнулся, встретил его и сам рванулся вперед. Его лак сделал полуповорот и защитил его, но было слишком поздно: в Мэта уже попали. Он избежал первого меча, но второй угодил ему в висок. Удар разнес бы его череп пополам…

– Но его спас волчий шлем, – сказал я. – Где он его достал?

Тайрон не ответил на мой вопрос – наверное, рассердился, что я его перебил.

– Мэт согнулся, приходя в себя после удара по голове, но, к нашему удивлению, внезапно выпрямился и вогнал свой клинок в горловую втулку лака Хоба. Лак опрокинулся на спину, чуть не выдернув меч из руки Мэта, но тот удержал оружие. Это было

поразительно. Толпа шумела так, что я едва слышал свои мысли. Боец-человек уложил лака! Такого никогда прежде не бывало, и случившееся изменило все наши представления о боях на арене. Мэт доказал, что такое возможно, и, хотя это нелегко, теперь один-два раза за сезон кому-то удается это проделать. Конечно, еще не все было кончено. Мэт отступил за спину своего лака и держался за ним, а лак, шаблоны которому задал блистательный Гунтер, смог справиться с оставшимися двумя симулакрами Хоба. Бой закончился раньше, чем гонг призвал Хоба и Мэта сражаться, стоя перед своими защитниками. Мэт выиграл, и зрители неистовствовали.

Тайрон помолчал.

– Теперь мы подошли к очень важному моменту. Бой с Хобом всегда был боем насмерть, но раньше всегда погибал человек. Иногда Хоб предъявлял права на тяжело раненных бойцов и забирал их в свою цитадель, после чего они исчезали навсегда. Но теперь победу одержала другая сторона, и над ареной повисла тишина. Что сделает Мэт? Осмелится ли он убить джинна? У Хоба все еще оставались мечи. Будет ли он сопротивляться или смирится с поражением, о котором возвестил «обрыв» его лаков? Вскоре мы получили ответы на эти вопросы. Мэт шагнул вперед, и Хоб не сопротивлялся, когда человек аккуратно перерезал ему горло, отделив голову от туловища. Хоб рухнул на колени – его длинные руки безжизненно свисали по бокам, – а потом осел и упал лицом вниз. Все не сводили глаз с крови, хлынувшей из его шеи: она была алой, гораздо ярче крови любого человека или животного. Люди говорили об этом много дней.

– Значит, Мэт победил! – выдохнул я.

Но Тайрон мрачно покачал головой:

– И ты называешь это победой, Лейф? Единственная победа – вообще не победа! Это было всего одно из тел джинна, одна из множества его личностей. Кончилась лишь первая схватка.

– Значит, на следующий вечер Хоб вернулся на арену? – спросил я.

Мне казалось, он должен был жаждать мести.

– Нет, Хоб пришел куда позже – в следующем сезоне. На сей раз главный распорядитель даже не потрудился принести лотерейный барабан. Он встретился глазами с Мэтом, и тот коротким кивком вызвался драться. Тем, кто осмелился прийти на балкон понаблюдать, показалось, что Хоб стал еще страшнее, чем раньше. Когда Мэт атаковал, никто из триглада не стал рисковать своей глоткой: вместо этого они сосредоточились на вражеском лаке, наседая так, что тому с трудом удалось удержаться в центре арены. Но Мэт бился потрясающе

сосредоточенно. На этот раз сражение длилось почти двадцать минут, Лейф: оба бойца дрались, стоя перед лаками и открывшись клинкам противника. Но Мэт снова победил, и вновь ярко-красная кровь Хоба залила доски арены.

– Сколько же было сражений? – спросил я. – Палм говорил, что Мэт победил Хоба пятнадцать раз.

– Да, именно пятнадцать. Это длилось неделями. Но как долго может продолжаться нечто подобное, мальчик? Иногда приходится уступить.

– О чем вы? – спросил я.

– Подумай сам. Сколько личностей джинн готов был потерять на арене? И помни: Мэт имел всего одно тело и одну жизнь. Это не могло длиться вечно, правда? Подтверждение тому мы увидели в канун летнего солнцестояния. Весь день назревала гроза, и рано вечером небеса внезапно расщепила гигантская белая молния, вслед за которой раздался такой гром, будто приближался конец света. Вскоре над нашими головами уже бушевала гроза, словно сами боги швыряли молнии вниз. Но не это беспокоило толпу, которая вливалась в Колесо, направляясь на Арену 13. Людей было слишком много, чтобы они поместились на балконе, и возбужденная толпа собралась вокруг Оси над аренами, отчаянно ожидая новостей о появлении Хоба. Игорные агенты прекрасно провели время, верно? Каких только тогда не заключалось пари: появится Хоб или нет; когда именно будет нанесен решающий удар; повторит ли Мэт свой подвиг, собственноручно уложив лака; спорили даже о том, когда Мэта прикончит триглад Хоба или как поведет себя боец, если его победят и живым заберут с арены.

Тайрон снова пригубил вино.

– На этот раз судьба Мэта, можно сказать, висела на волоске. Одно время казалось, что он должен пасть во время свирепой атаки Хоба, но потом прозвучал сигнальный гонг, и оба бойца встали перед своими лаками. Как ты знаешь, обычно с этого момента бойцы действуют осмотрительней, но Мэт отбросил всякую осторожность. Передвигаясь слишком быстро, чтобы его шаги мог уловить неопытный взгляд, сверкая мечами, он оказался прямо посреди триглада противника. Некоторые говорят, что Мэт собственноручно зарубил весь триглад, другие – что он зарубил только одного лака, а его длиннорукий лак дотянулся поверх его плеч и головы, чтобы расправиться с остальными двумя. Я был там, но все произошло слишком быстро, чтобы рассмотреть, что именно случилось, и даже сейчас я сомневаюсь. В любом случае та победа многое изменила. С тех пор Хоб чаще посещал арену, хотя с каждым разом побеждать его становилось все легче. Но

когда ставки, которые предлагали игорные агенты, начали склоняться в пользу Мэта, людей охватил страх. Потом страх перешел в темный безрассудный ужас, и жители стали покидать город.

– Сколько же личностей у Хоба? – спросил я. – Это известно? Сколько раз Мэту пришлось бы его сразить, чтобы одержать окончательную победу?

– Хоб – джинн, созданный величайшими из когда-либо живших механиков, такие технологии лежат за пределами наших познаний. Неизвестно, сколько личностей вписано в словы, которые им управляют, и неизвестно, сколько раз надо его убить, чтобы полностью уничтожить, – объяснил Тайрон. – Как я уже говорил, люди бежали из города. Сперва раньше обычного вернулись в свои далекие дома фермеры и торговцы, после начали уезжать и исконные обитатели Джиндина.

– Но это же чушь! – выпалил я, несмотря на предупреждающий взгляд Тайрона. – Мэт выигрывал, почему же они боялись?

Я думал, Тайрон рассердится, что я его перебил, но он лишь со вздохом ответил:

– Они боялись побежденного Хоба больше, чем побеждающего, потому что он джинн и обладает всем темным могуществом этих созданий. Опасно загонять его в угол. Какие ужасы может обрушить он на город, если довести его до отчаяния? Именно Хоб в конце концов разрубил гордиев узел. Он предложил еще одну, последнюю и решающую, схватку. Если его победят, он никогда больше не придет на Арену 13. Взамен он потребовал, чтобы Мэт с самого начала сражался, стоя перед своим лаком, в то время как Хоб будет драться позади триглада. Это было возмутительное, нечестное предложение, но, ко всеобщему облегчению, Мэт на него согласился. Люди были в страхе, и даже его друзья хотели, чтобы ситуация как-то разрешилась. Никто и подумать не мог, что Мэт победит в пятнадцатом состязании. Входя тем вечером на Арену 13, он, наверное, чувствовал себя совершенно одиноким: дело в том, что за два дня до боя Гунтер внезапно упал во время позднего ужина, и некоторые говорят, что его отравили.

– Это мог сделать Хоб? – спросил я.

Тайрон пожал плечами.

– Он наверняка мог такое устроить, хотя ничего не было доказано. Но, несмотря на все сложившиеся против него обстоятельства, Мэт выиграл последнее состязание – хотя и дорогой ценой. Он был жестоко ранен и потерял много крови; сильно хромая, он ушел с навеки искалеченной левой ногой, из-за

которой никогда больше не мог сражаться на Арене 13. Подумай только! Там была вся его жизнь, а теперь он потерял ее навсегда. Однако Хоб не сдержал слова: он до сих пор посещает Колесо, чтобы бросать вызов, означающий смерть какого-нибудь несчастного бойца «мин». Дирекция Колеса несет большие финансовые потери. Это бьет по карману всем, потому что бойцы и механики вынуждены платить сбор для покрытия убытков. Каждый платит в соответствии со своими доходами; мой счет так велик, что влияет на сумму, которую я могу себе позволить истратить на лаков в нынешнем году. В конце концов Хоб все-таки победил: Мэт потерял то, что любил больше всего на свете – сражения на арене. Некоторые говорят, что все было напрасно, но я не согласен. Мэт и Гунтер вдохновили целое поколение механиков и бойцов, открыв нам новые возможности. Итак, Мэт вернулся домой, чтобы прожить остаток дней с племенем гентхаев, и, говорят, мирно умер среди своего народа.

Тайрон поднес стакан к губам и осушил остатки вина. Когда он посмотрел на меня, его глаза были суровыми и не улыбались.

– Но мы-то с тобой знаем правду, верно, мальчик? Мы оба знаем, где кончается легенда и продолжается жизнь человека. Поэтому скажи мне, Лейф, сын Мэта: что заставляет сына отрекаться от родного отца?

16
Трусость Мэта

Те, кто делают первые шаги,
редко делают последний.

«Амабрамсум»,

книга мудрости гентхаев

– Как вы узнали? – спросил я.

– Я подозревал это со второй нашей встречи, – сказал Тайрон, прошагав по комнате, чтобы снова наполнить бокал из графина. – Дело не только в том, как ты поймал брошенный мною нож. То, как ты поклонился после… Твоя осанка, мгновенное колебание перед поклоном, то, как ты сперва немного опустил левое плечо и только потом – правое… Сделай ты это на арене – и все, видевшие твоего отца, узнают в тебе его сына.

Он снова сел и, отхлебнув вина, продолжал:

– Вогнав клинок в горловую втулку учебного лака, ты снова поклонился. Ты такой же самонадеянный и уверенный, как и Мэт, – эти качества жизненно важны, если хочешь преуспеть на Арене 13. А внимательно присмотревшись, я вижу в твоем лице его лицо. Стоит только понять что к чему, как все становится ясным, но я хотел знать наверняка, поэтому послал кое-кого в Майпосин, чтобы выяснить правду. Этот человек поговорил с фермером, у которого ты работал, и, вернувшись пять дней назад, подтвердил мои подозрения.

Я подумал о том, что случилось пять дней назад.

– Вот почему вы дали мне еще один шанс…

– Да. Но будет ли у тебя этот шанс, зависит от того, расскажешь ли ты теперь правду.

Сделать это было нелегко. Я еще никогда не рассказывал всей истории – а в городе никому на нее даже не намекал. Слова давались мне с трудом, но я должен был говорить: от этого зависело мое будущее обучение у Тайрона, мои надежды на бои на Арене 13.

– Хоб убил мою мать, – сказал я. – Отец просто отошел в сторону и позволил этому случиться… А после покончил с собой.

– Это всего лишь костяк истории. Либо облеки его плотью, либо поищи себе другого механика! – рявкнул Тайрон.

Взгляд его был твердым, как кремень.

– Отец не вернулся к своему народу – а если и вернулся, прожил там недолго. Он купил маленькую ферму к югу от Майпосина и вскоре после этого познакомился с моей матерью Шолой, которая не была гентхайкой. Два года спустя родился я. Я был их единственным ребенком.

Несмотря на всю горечь, я невольно улыбнулся, вспомнив детство. Отец обожал работу на ферме, и я знал, как сильно он любил меня и маму. Мы были счастливы, по-настоящему счастливы. Я часто думал, что никогда больше не буду так счастлив.

От этих мыслей меня отвлек Тайрон:

– Значит, от него ты научился шагам «триг»? Он не скрывал от тебя свое прошлое?

– И да, и нет. Он показывал мне свои мечи с рукоятями в виде волчьих голов, но никогда не распространялся о том времени, когда сражался на арене. Он никогда не рассказывал о том, о чем только что рассказали вы. Я и представить не мог, что он был настолько хорош, пока я не увидел картину над кроватью Палма и тот не сказал, что на картине нарисован Мэт. Пятнадцать побед над Хобом стали для меня настоящим потрясением. Мы с мамой звали отца гентхайским именем Лазарь, и он никогда не говорил мне, что сражался с Хобом. А потом… Мне тогда было всего одиннадцать лет… Все и началось. Люди умирали даже южнее, но я никогда не думал, что Хоб посетит нашу ферму. Этот ужас продолжался все лето и раннюю осень. Он приходил каждую неделю, всегда после наступления темноты, и мама спускалась с холма, переходила вброд ручей и встречалась с ним в лесу. Она ничего не могла поделать, я знаю – он контролировал ее разум. Сперва родители таились от меня и пытались сделать вид, что все в порядке, но вскоре я увидел, как мать покидает дом одна поздно ночью, и догадался, что происходит. А потом я услышал разговор родителей, в котором снова и снова повторялось имя Хоба. Мама плакала. Отец кричал. Это было невыносимо. Я понятия не имел, почему Хоб выбрал именно нас, понятия не имел, кем на самом деле был мой отец. Я умолял его сделать что-нибудь – что угодно! Но он даже не попытался. Вместо этого он в отчаянии колотил кулаками по стенам, разбивая руки в кровь. Он говорил, что ничего не может поделать, иначе Хоб нас убьет. Поэтому, каким бы он ни был на арене, после он изменился. Вы говорите о моем отце как о герое, но я видел другую его сторону: он был трусом, который позволил маме умереть. После каждого возвращения она становилась еще бледнее и слабее – Хоб высасывал из нее все больше крови. А потом, однажды ночью, она вообще не вернулась. Сразу после рассвета я вслед за отцом

спустился с холма: ее туфли все еще валялись на нашем берегу ручья, а тело лежало в лесу.

У меня перехватило горло, и я всхлипнул, дрожа всем телом.

– Не торопись, Лейф, – сказал Тайрон. – Продолжишь, когда сможешь.

Прошло некоторое время, прежде чем я смог заговорить снова.

– Отец долго плакал, но потом пришел в такую ярость, в какой я никогда еще его не видел. Раньше он и пальцем меня не трогал, а теперь начал бить, прогоняя с фермы. Позже я вернулся и, спрятавшись, наблюдал издалека, как он сжег тело моей матери. Только когда он подпалил ферму, я понял, что он собирается сделать, и побежал по холму, но он был уже мертв. Я видел через дверной проем, как он лежит в доме, весь в крови, а потом пламя заставило меня отступить… Я ничего не мог сделать.

Я снова видел все, о чем говорил, и слезы текли по моим щекам. Когда я смущенно отвернулся, Тайрон на мгновение положил руку мне на плечо. В конце концов я смог закончить рассказ:

– Меня взял к себе сосед, Барроу – фермер, живший в той же долине. Я прожил у него три года, пока не получил голубой билет. Он заставлял меня работать изо всех сил, а в оплату я получал только еду и крышу над головой. Если не считать палок для боя, все, что у меня было, – это одежда. Но Барроу рассказал, что мой отец сражался на Арене 13 под именем Мэт, хотя никогда не говорил, насколько тот был хорош.

– Тебе выпали на долю испытания, с которыми редко сталкиваются мальчики твоего возраста, и ты справился. Тебя нужно поздравить с этим, Лейф, – сказал Тайрон. Выражение его лица смягчилось. – И вот ты здесь и надеешься стать бойцом Арены 13, пойдя по стопам отца. Или есть нечто такое, о чем ты умолчал? Ну же, мальчик, будь со мной честен. Я хочу услышать правду!

– Я был честен. Я не сказал ни слова лжи! – закричал я, не в силах совладать с собой. – Ни единого слова!

– Лгать можно и умалчивая о чем-то, – очень спокойно отозвался Тайрон. – Лгать, не договаривая. Ты был со мной не вполне откровенен. Поэтому скажи: почему ты здесь, в городе? Чего на самом деле ты хочешь добиться?

Несмотря на настойчивость, лицо его было добрым, и гнев мой угас. Я сделал глубокий вдох, а потом слова, которые я так долго сдерживал, хлынули потоком:

– Я хочу когда-нибудь сразиться на арене с Хобом. Я хочу

убить его – вот почему я здесь!

Тайрон вздохнул и осушил бокал:

– Так я и думал. Но разве ты не слышал ни слова из того, что я здесь говорил? Я потому и рассказал, что случилось с твоим отцом. Даже если ты победишь, Хоб вернется. Он может сражаться снова и снова, но тебе достаточно проиграть всего один раз – и с тобой будет покончено навеки!

– Думаете, я не знаю? Даже когда отец перестал биться на арене, Хоб преследовал его и избрал жертвой мою мать. Он мстительный и беспощадный, и я прекрасно понимаю, что со мной будет после того, как я проиграю. Но победа стоит того, чтобы рискнуть. Мне хочется убивать его снова и снова! Отец победил его пятнадцать раз, и я буду побеждать его раз за разом… Столько, сколько придется, пока у него не останется больше личностей! Я не буду заключать с ним сделок и никогда не буду драться, стоя всю схватку перед лаком, как это сделал мой отец, позволив Хобу прятаться позади триглада. Я уничтожу его раз и навсегда!

Тайрон устало покачал головой:

– Послушай, мальчик, я хочу, чтобы ты кое-что мне пообещал. Если лотерейный барабан когда-нибудь выберет тебя для сражения с Хобом, так тому и быть – значит, этому суждено случиться. Но то, что сделал с барабаном твой отец, сам вызвавшись в бойцы… Этого я никогда не одобрю. Понимаешь?

Я кивнул.

– Значит, обещаешь мне?

– Обещаю.

– Хорошо. И еще кое-что. Ты скрыл от меня, кто твой отец, поэтому скрывай это и от остальных – по крайней мере, пока. Я не сомневаюсь, что человек, которого я посылал в Майпосин, будет молчать, но рано или поздно правда всплывет и очень сильно все осложнит. На тебя будут крепко давить. Дело не только в том, что люди будут ждать, что ты станешь вторым Мэтом… У твоего отца были не только друзья, но и враги, как и у всех, кому улыбается удача. Ты можешь привлечь к себе нежелательное внимание, и, если станет известно, кто ты такой, это повлияет на ставки, которые устанавливают игорные дома. Видишь ли, если ты окажешься настолько хорош, насколько я ожидаю, мы сможем заработать кучу денег, – но только в том случае, если на нашей стороне будет эффект неожиданности. Понимаешь, о чем я?

Я рассказал Тайрону то, чего никогда и никому раньше не рассказывал, и теперь чувствовал себя усталым и взвинченным, но рад был исполнить его просьбу. Мое сердце колотилось от возбуждения: он верил в меня! А слова «настолько хорош,

насколько я ожидаю» наполняли ликованием.

Я снова кивнул, и Тайрон, с длинным вздохом подавшись вперед, снова положил руку мне на плечо:

– Напоследок вот тебе тема для размышлений. Еще мальчиками мы вместе с твоим отцом тренировались в команде Гунтера, и Мэт, которого я знал, был самым храбрым человеком на свете. Ты забываешь, что во всем этом был замешан ты, его единственный ребенок. Что, если твоя мать настояла, чтобы Мэт ничего не делал, потому что боялась за тебя – боялась, что Хоб тебя убьет? А после ее смерти Мэт прогнал тебя… и сейчас ты все еще жив. Рано или поздно Хобу становится известно обо всем. Он нашел бы способ с помощью тебя наказать Мэта еще сильнее, но твой отец покончил с собой и сжег ферму, чтобы разорвать между вами все связи. Он освободил тебя и дал тебе шанс выжить. Во всяком случае, я так думаю.

17
Деньги

Гунтер был моим учителем.

Я считал, что мне никогда не стать таким великим, как он.

Я был всего лишь танцующими ногами, которые служили его гибкому уму.

Но потом все изменилось.

В видении мне явилась Ним.

Свидетельства Мэта

С тех пор как я вернулся, Палм попритих, но на следующее утро после моего разговора с Тайроном стал таким же раздражающим хвастуном, каким был раньше. Каждый раз, когда я смотрел на него, он нравился мне все меньше; во мне медленно нарастал гнев.

– Тайрон пообещал, что еще до конца дня мой новый триглад будет готов, – объявил он, когда мы одевались. – У меня останется три полных месяца, чтобы приготовиться к Турниру Учеников – предостаточно времени!

Он самодовольно ухмыльнулся, ожидая нашего с Дейноном ответа, а не дождавшись его, неторопливо подошел ко мне. Я сидел на краю кровати, натягивая носки.

– Как насчет пари? – спросил Палм. – Клевого пари, только между тобой и мной?

Что он задумал?

– У меня нет денег, – ответил я.

– Не важно. Когда-нибудь ты их заработаешь, а пока останешься мне должен.

– Пари насчет чего? – спросил я.

Он ухмыльнулся еще шире:

– Да просто насчет того, что ты не выиграешь ни единого состязания ТУ.

Я встретился с ним взглядом. У меня и вправду оставалось не много времени на подготовку, и меня могли выставить против бойца «макс» вроде Палма, который тренировался гораздо дольше, чем я… Но ведь я мог очутиться и лицом к лицу с другим новичком. Мой лотерейный билет выиграл, – повезет ли мне еще раз? В конце концов, на первом этапе турнира только

накапливались очки, а уж потом начинались состязания на выбывание. Поэтому я обязательно приму участие в двух схватках и наверняка смогу победить в одной из них…

– Сколько? – спросил я.

– Тысяча деков!

Невообразимая сумма: столько зарабатывал торговец за год усердной работы. Добавить еще немного – и можно купить лака.

– Ставка слишком высока.

– Ну как хочешь, – сказал Палм, свысока посмотрев на меня.

– Принимаю пари! – огрызнулся я, отчаянно желая стереть высокомерное выражение с его лица.

Но теперь стало еще хуже: он смотрел так, будто знал то, чего не знаю я.

– Может, ты и проворный, – сказал Палм, – но на Арене 13 это не так уж важно: тамошнее состязание не похоже на палочный бой и совершенно не похоже на тренировки. Все решают лаки, а у меня будут лучшие, каких только можно купить за деньги. Мой отец богат, а у тебя вообще нет отца. Отцовские деньги оплатят моих лаков и время Тайрона: он будет заниматься только тем, чтобы как следует подготовить мой триглад, поэтому не сможет тренировать тебя. Ты проиграл еще до начала турнира.

Я взглянул на картину, изображавшую моего отца. У Палма богатый отец, а мой мертв. Но мой был величайшим бойцом, какого когда-либо видела арена, и я, похоже, унаследовал его быстроту и ловкость… Вот только помогут ли они выстоять против превосходных лаков Палма?

– Посмотрим, – парировал я. – Тебя может ожидать сюрприз!

Мои слова прозвучали бледно и неубедительно, и Палм продолжал скалить зубы. Я понял, что меня провели, заставив принять дурацкое пари, которое я, скорее всего, проиграю.

Мир делился на богатых и бедных. Но пусть я в незавидном положении, я сделаю все, что могу, чтобы доказать – Палм ошибается.

За завтраком обычно бывало тихо, но сегодня, вместо того чтобы по своему обыкновению коротко кивнуть ученикам, Тайрон подошел и дружески похлопал Палма по плечу.

– К полудню твой триглад будет готов, – сказал он. – Я спущусь и сам присмотрю за твоим первым занятием.

Вот что значит иметь богатого отца: вместо того чтобы предоставить это Керну, Тайрон собирался пренебречь своими обязанностями в Колесе и помочь Палму.

Сидя на скамье рядом с Дейноном, я наблюдал, как Тайрон показывает Палму его триглад, как начинает выковывать из них единое боевое целое. Лицо Палма излучало восхищение и

гордость, и я не мог по-настоящему его винить. Три лака производили внушительное впечатление не только потому, что были в новых доспехах, поблескивающих в свете факелов, но и потому, что двигались они так быстро и умело, как ни один из лаков, виденных мною на арене. Я с завистью смотрел на них.

Примерно через час Тайрон объявил передышку и погрузил триглад в сон, велев Палму присоединиться к нам на скамье. Потом вызвал Дейнона:

– Теперь давай разберемся с тобой, мальчик.

Подойдя к скамье в дальнем конце комнаты, Тайрон стащил покрывало с лака, плюнул на втулку и вставил ее в горловую щель.

– Очнись! – скомандовал он. – Встань!

Хотя отец Дейнона был не настолько богат, чтобы заплатить за нового лака, Тайрон щедро позволял ученику пользоваться своим. Лак выглядел отлично, но я заметил, что Дейнону выделили всего двадцать минут тренировочного времени. И все равно он был счастлив и к концу короткого занятия просто сиял. Один раз он повернулся ко мне с поднятыми вверх большими пальцами.

Потом наступила моя очередь. Тайрон снял покрывало с другого лака и дал обычные начальные команды: «очнись» и «встань». Лак слез со скамьи и вытянулся перед Тайроном по стойке «смирно».

– Самопроверка! – скомандовал механик и повернулся ко мне. – Что ж, мальчик, этот лак твой, пока я не отменю свое распоряжение. Пока сгодится и такой, будешь использовать его на турнире.

Я заметил царапины и вмятины на доспехах и глубокую брешь в шлеме прямо над глазами: это был тренировочный лак, которым пользовались все мы. Я пожал плечами, чтобы скрыть свое разочарование, услышал сзади насмешливое фырканье и обернулся. Палм старался сдержать смех. Под моим взглядом он овладел собой, но вид у него все равно был торжествующий: состояние моего лака доказывало, что он прав. Я снова повернулся к созданию и краешком глаза увидел, что Тайрон пристально смотрит на меня.

– Попытайся проявить чуть больше энтузиазма, – сказал он, качая головой. – Есть старая поговорка: дареному коню в зубы не смотрят.

Я кивнул.

– Хорошо. Если ты ее знаешь, то понимаешь, что я имею в виду. Ты же не платишь за него, верно? Тебе надо просто немного поработать ногами и приготовиться к арене.

– Но это тренировочный лак! – воскликнул я, не в силах скрыть свое разочарование. – Он слишком неповоротлив!

– Уже нет. Чтобы как следует посмотреть в зубы дареному коню, тебе нужно порыться в шаблонах. Если у тебя хватит умения это сделать и прочитать Ним, ты увидишь, что лак стал другим и готов к бою.

Я кивнул, но, наверное, на моем лице было написано сомнение, потому что Тайрон подошел к ближайшим ножнам, висящим на стене, вытащил меч «триг» и протянул мне:

– Дела говорят громче слов, поэтому я продемонстрирую тебе разницу.

Он поднял кожаный тренировочный мяч, с улыбкой повернулся к лаку и приказал:

– Доложи!

– Готов, – сипло отозвался лак.

– Боевая стойка!

Тайрон протянул лаку тяжелый кожаный шар:

– Когда будешь готов, мальчик.

С этими словами он отошел в сторону.

Я приблизился к лаку и начал танец. Два шага влево, два – вправо.

На сей раз я как можно быстрей вернулся по диагонали вправо. Теперь я ощущал себя гораздо лучше. Сейчас Палм увидит, какой я быстрый! Танцуя, я чувствовал, как тело мое начинает думать за меня, и, когда лак ринулся в атаку, пошел с мечом прямо на него, нацелившись на горловую втулку. Я был уверен, что не промахнусь!

В следующую секунду на мою голову обрушился ужасный удар, и я понял, что сижу на полу. Я попытался заговорить, но язык отказал мне, мысли спутались. Меч «триг» валялся на полу там, где я не мог до него дотянуться.

Я услышал, как Палм в голос смеется, оглянулся и увидел, что по его щекам текут слезы. Даже Дейнон улыбался.

Тайрон поднял меня на ноги.

– Удар был таким молниеносным, что ты даже не заметил, как его нанесли, – сказал он. – Может, это тебя подбодрит.

Я чувствовал себя скверно оттого, что меня опрокинули на пол, зато убедился, что мой лак достаточно быстр, чтобы справиться с боем на арене. «Поделом, что надо мной смеются!» – подумал я и сокрушенно кивнул.

– Простите, я вел себя глупо. Спасибо, что сделали моего лака таким быстрым!

Пускай себе Палм хохочет, – возможно, он все-таки проиграет пари.

К моему удивлению, Тайрон провел с нами все утро. Он дал нам урок шаблонирования на языке Ним, главным образом ради меня. Для Палма и Дейнона это будет повторением пройденного, сказал он и потребовал, чтобы они как следует сосредоточились.

Дейнона это вроде вполне устроило (он обожал шаблонирование), но по лицу Палма было видно, что тот совсем не рад, и не только потому, что ему скучно: он явно считал себя выше всяких там языков и бесился, что из-за меня ему приходится такое терпеть.

В отличие от него, я наконец-то начал понимать многое из того, что говорит Тайрон. Никогда мне не стать хорошим шаблонщиком, но основы ухватить я смог, и чем больше скучал Палм, тем больше я наслаждался его раздражением и тем, как он влип.

– Каждый механик по-своему использует Ним, – говорил Тайрон, – но некоторые словы – общие для всех. Их можно произносить, чтобы задействовать введенную заранее последовательность шаблонов. Назовите один слов – и вы назовете несколько. Видите ли, Ним – это так называемый «расширяемый язык». Каждый шаблон можно расширять, создавая и добавляя к словарю новые словы, которые вводятся в больший слов. Поэтому внутри одних словов есть другие; назови один – и остальные передвинутся вперед, чтобы выполнить ваше приказание. Некоторые из этих словов – инструменты. Один из важных инструментов называется «Тритон» (разновидность слова под названием «Саламандра»), им пользуются, чтобы исследовать разум лака. Тритон ныряет глубоко в темные тайники памяти лака и докладывает о том, что там находит. Разум лака – это запутанный лабиринт, способный запутаться еще больше, но, узнав его повороты и изгибы, вы сможете добавить к ним новые повороты и изгибы, созданные вами.

На следующий день после полудня мне впервые позволили в одиночку позаниматься час в тренировочном зале.

Было важно, чтобы я остался один: мне полагалось постепенно начать пользоваться Улумом, добиваясь взаимопонимания со своим лаком. Я буду говорить ему, что делать, топая ногами. У меня все еще не было ботинок «триг», поэтому хватит пока шлепанья подошвами босых ног.

Тайрон велел мне придерживаться простых сигналов: я буду работать над этим годами, и искусство со временем придет.

Мой лак спал, лежа навзничь на скамье на краю тренировочного зала. Я подошел к нему и дал первую команду:

– Очнись!

Его глаза, мерцая, открылись, и он уставился на меня

немигающим взглядом. На мгновение меня охватил трепет: лаки все еще заставляли меня нервничать.

– Самопроверка! – приказал я.

Не прошло и секунды, как создание ответило грубым гортанным голосом:

– Готов.

Тайрон подготовил этого лака, и доспехи, в том числе горловая втулка, были уже на месте. От меня требовалось только поднять лака на ноги и начать тренировку.

– Встань!

Он тут же повиновался, слез со скамьи и встал передо мной; красные глаза свирепо смотрели на меня сверху вниз. Он так странно на меня глядел, что я забеспокоился. Считалось, что лаки ничего не осознают, но этот явно осознавал. Он думает обо мне? А если да, что происходит у него в голове?

Теперь мне полагалось дать понять, что мы собираемся упражняться в звуковом коде и развивать его, чтобы создать собственный язык, не понятный никому, кроме нас. Это получится не сразу, ведь Улум, составленный новичком, был настолько простым, что большинство зрителей могли разобраться в нем за несколько минут. Только годы тренировок дадут гарантию, что мои указания будут по-настоящему скрыты от остальных.

– Войди в режим Улум! – приказал я.

– Вошел.

Мне велели начать с базового маневра под названием «бейсикл», состоявшего из двух шагов влево, двух вправо, отступления и возвращения вправо по диагонали.

– Бейсикл равно первый сигнал, – сказал я.

Я уже решил, каким будет этот первый сигнал, поэтому дважды топнул по полу левой босой ногой, а потом резко и коротко – правой.

– Понял, – отозвался лак.

– Режим отступления! – сказал я. Надеюсь, теперь он будет реагировать так, как реагировал бы во время сражения. – Боевая стойка!

Лак шагнул вперед, словно становясь лицом к лицу с противником, а я занял позицию за его спиной, после чего потопал ногами по полу, давая сигнал к этому базовому маневру.

Лак отозвался, шагая так, как я указал. К сожалению, я слишком сосредоточился на том, чтобы топать, и он двинулся так быстро, что я за ним не успел. На секунду я оказался без прикрытия; на арене меня бы изрубили на куски. Следовало держаться сразу за своим лаком.

Итак, я повторил инструкции и попытался снова. После пяти

попыток мне удалось дать сигнал, а потом не отстать, и я решил добавить еще один сигнал. Два тяжелых удара правой ногой и легкий удар левой означали «наоборот», после чего я заканчивал маневр, возвращаясь по диагонали в другую сторону.

Я упражнялся около получаса, танцуя позади своего лака, пока не вспотел. Это была трудная, медленная, доводящая до отчаяния работа, но потихоньку я начал добиваться успеха.

И тут раздались три громких стука в дверь. Они меня удивили: личное время в тренировочном зале было строго ограниченным, и ученику обычно не мешали.

Открыв дверь, я увидел за ней Квин. Мог бы и догадаться по трем стукам, что это она.

– Помощь нужна? – спросила девочка.

– С Улумом? Я думал, мне положено заниматься одному…

– Да, – с теплой улыбкой ответила она, – но в начале тренировок это не так уж важно. Ты просто пытаешься добиться координации со своим лаком… И будем смотреть правде в глаза – ты не встретишься со мной на арене. Я могла бы помочь, но решать тебе.

Я ответил улыбкой на улыбку.

– Тогда входи. Мне пригодится любая помощь.

18
Община

Берегись того, что таится внизу:
Потому что ты пожнешь то, что посеял.

«Амабрамдата»,

книга пророчеств гентхаев

Спустя пять недель я начал по-настоящему сживаться с рутиной и получать удовольствие от тренировок.

К тому времени между мной и Палмом установились напряженные отношения молчаливой враждебности. Мы никогда не разговаривали друг с другом, если того не требовала тренировка. Но с Дейноном я отлично ладил и предвкушал наши субботние вылазки в город. Эта дружба раздражала Палма, и теперь он редко говорил с Дейноном.

Тренировки были выматывающими – я обычно засыпал, едва опустив голову на подушку, – но на шестую неделю, вечером пятницы, я не успел даже раздеться, как раздались три громких стука в стену.

Я поколебался. В прошлый раз меня вышибли за то, что я ответил на этот стук… Хотя поболтать с Квин было бы приятно. Она дважды в неделю помогала мне отрабатывать с лаком звуковой код, и мне очень нравилось проводить с ней время, но участвовать в очередной ее прогулке в город после наступления темноты я не хотел. И все-таки я не смог заставить себя проигнорировать стук, поэтому решил с ней объясниться.

Палм сердито посмотрел на меня, но Дейнон улыбнулся. Я кивнул ему, открыл дверь, шагнул в комнату Квин и закрыл дверь за собой. Квин была в ботинках «триг», с накрашенными красным и черным губами, как будто собиралась посетить балкон Арены 13. У меня упало сердце.

– Сегодня ночью, – объявила она, – я собираюсь показать тебе кое-что, о чем мой отец никогда даже не упоминает.

Мне не понравились ее слова. Если Тайрон никогда об этом не упоминает, значит, у него есть на это веские причины и речь идет о том, из-за чего я могу снова угодить в беду.

– То есть я опять буду рабочим на бойне? – спросил я с

усталой улыбкой и приготовился сказать, что никуда не пойду. Квин это не понравится, поэтому я собирался сообщить ей новость поаккуратней.

Она покачала головой:

– Если отец узнает, где ты был, он не обрадуется, но серьезных проблем у тебя не будет.

– То же самое ты говорила в прошлый раз – что он всегда делает, как ты скажешь. И посмотри, чем все обернулось!

– Послушай, доверься мне! Речь идет совсем о другом, о том, что откроет тебе глаза. Мы снова пойдем в Колесо, но теперь посетим Общину под ним, место, где держат своих лаков люди, которые не могут себе позволить снимать частные помещения.

– Прости, Квин, но я боюсь рисковать. Твой отец дал мне еще один шанс, и я не хочу его подводить.

– Не глупи, Лейф! Тебе известны его правила – никаких палочных боев и выпивки. Сегодня ночью мы эти правила не нарушим. Я хочу только показать тебе то, чего никто больше не покажет; то, что поможет тебе понять здешние порядки. Ну как?

Я уже собирался сказать «нет» и вернуться в свою комнату, как вдруг Квин сделала нечто совершенно неожиданное. Она схватила меня за руку и сжала, а потом, не выпуская моей руки, подалась ко мне и поцеловала в щеку. Наши тела почти соприкоснулись, я задышал чаще.

Это был не поцелуй в губы, но явно нечто большее, чем быстрый материнский поцелуй. Когда губы Квин коснулись моей щеки, она ласково погладила большим пальцем мою ладонь, и я ощутил, что от нее пахнет лавандой.

Она сильнее сжала мою руку и потащила за собой. Я не сопротивлялся.

Пока мы шагали через город, Квин держала меня за руку и отпустила ее только у гаревой дороги возле Колеса. На сей раз людей тут было немного. Одна женщина расхаживала перед входом взад-вперед, обхватив себя руками, словно защищаясь от прохладного воздуха. Мы вошли в коридор, ведущий вниз, под арены, и вскоре уже спускались по каменным ступеням; наши шаги эхом отдавались в полутьме. Мы шли по тугой спирали – вниз, вниз, и вокруг становилось все темнее, а факелы на стене попадались все реже.

– Я думал, там, внизу, опасно, – сказал я. – Я думал, туда можно соваться только в большой компании…

Внезапно я осознал, что совершил большую ошибку. Поцелуй Квин и то, что она держала меня за руку, лишило меня здравого смысла.

– Что за жизнь без толики опасности? – отозвалась она через плечо.

Ступеньки кончились, и Квин быстро зашагала по тоннелю. Я пошел было за ней, но вдруг заметил над головой нечто странное: из свода тоннеля прорастал пучок грибов, с толстых ножек свисали шаровидные шляпки.

– Эй, Квин, что это? – спросил я.

Она обернулась и взглянула туда, куда я показал.

– Они съедобные? – поинтересовался я. – Смахивают на деликатесные грибы, которые растут на высоком утесе к северу от Майпосина… Хотя у тех шляпки красные, а не белые. Скалолазы рискуют жизнью, чтобы их сорвать, зато на рынке получают за них кучу денег.

– Съешь его – и через минуту будешь мертвее мертвого, – ответила Квин. – Эти грибы называются «скейп», и они очень ядовиты. Раньше их можно было найти на самых нижних уровнях Общины, но теперь они разрастаются вверх. Некоторые говорят, что они питаются кровью, которая просачивается в пещеры с Арены 13. Конечно, это суеверная чушь, но здесь, внизу, суеверия плодятся быстрее, чем паршивые серые крысы. Я знаю одно: нельзя стоять прямо под этими грибами – когда они созревают, иногда с них капает яд.

Квин мрачно улыбнулась и пошла дальше. Наконец мы добрались до пещеры, за которой виднелись входы в три тоннеля.

– Не так уж важно, по которому мы пойдем, – сказала Квин. – Все они ведут в одно и то же место. Община – это лабиринт пещер и тоннелей, который тянется далеко за пределы Колеса, уходя прямо в недра скалы. Когда будешь внизу, всегда держись тоннелей, освещенных факелами. Раз там факелы – значит, за ними все время присматривают и, если заблудишься, тебя вскоре кто-нибудь найдет. Ладно, пошли по этому тоннелю. Так будет длиннее, но я хочу показать тебе место, где держат лаков.

Хотя тоннель освещался, факелы висели с большими промежутками, и кое-где было почти темно. «Потеряться здесь, во мраке, и вправду будет ужасно», – подумал я.

Квин шла быстро, и я все больше от нее отставал. К чему такая спешка?

Мы добрались до очень темной части тоннеля, и вдруг Квин совсем скрылась из глаз.

Я остановился. Где-то рядом капала вода, но я не слышал шагов впереди. Неужели Квин свернула в боковой тоннель, а я ушел вперед? На меня накатил приступ паники, и я сделал глубокий вдох, чтобы успокоиться.

А потом меня похлопали по плечу, и сердце мое прыгнуло в

глотку. Я круто развернулся, почувствовав, что кто-то – или что-то – стоит совсем рядом со мной. На мгновение меня пронзил ужас, но тут я почуял запах лавандовых духов и услышал хихиканье Квин.

Я рассердился: это было совершенно не смешно!

– Испугался, да? – негромко спросила она. – Может, мне снова взять тебя за руку, чтобы ты не потерялся?

И она повела меня в темноту. Мы снова шли, держась за руки, и мой гнев прошел, как будто его и не было.

Вскоре тоннель начал сужаться. Квин сжала мою руку и улыбнулась.

– Мы приближаемся к одной из спален, – сказала она.

Мы прошли через невысокий сводчатый каменный проем, я посмотрел вверх – и мысли мои понеслись вскачь. Слева и справа виднелись одинаковые каменные ложа, едва прикрытые соломой: ряд за рядом, одно спальное место над другим, от пола до высокого сводчатого потолка… Тут можно было держать сотни лаков.

Я много работал со своим лаком и почти преодолел страх, который испытал, впервые попав в небольшую спальню лаков в Колесе, но это зрелище ошеломило меня.

Большинство мест были заняты, и я видел лысые головы, желтоватые подошвы огрубелых ног, блестящие от пота груди и приоткрытые рты, не говоря уж о горловых щелях с розовыми краями и тревожным намеком на более яркий багровый цвет внутри. Затхлый воздух вонял мочой и мокрой псиной.

Сколько здесь было лаков! Слишком много, и слишком близко от нас. Сейчас они не двигались, введенные в глубокий транс.

– Не очень красивое зрелище, да? – спросила Квин.

– Когда их сразу столько, есть в этом что-то жутковатое, – отозвался я.

Она кивнула.

– Большинство зрителей никогда этого не видят. Та же ситуация, что и с бойней: все с наслаждением уминают стейк, но не хотят думать о животных, которых забили и расчленили, чтобы люди могли набить животы. У лаков почти такая же доля – они сражаются и тренируются, но большую часть времени спят.

Тревога не покидала меня до тех пор, пока мы не оставили спальню позади и не зашагали дальше по тоннелю.

– И сколько тут спален? – спросил я.

– Кроме этой есть еще три, – ответила Квин. – Самые успешные механики, такие как мой отец, имеют собственные хранилища под аренами, но большинство держат своих лаков

здесь. Почти все лаки сражаются на аренах с первой по двенадцатую. Но, конечно, есть и дикие лаки…

– Дикие?

– Я имею в виду, неприрученные… Те, у кого нет хозяев.

– Ты шутишь!

Лаков, которые сражались на Арене 13, приобретали у Торговца именно для этой цели. Диких лаков, лишенных человеческого контроля, я никогда и представить себе не мог.

– Сам увидишь. Уже недалеко.

Квин играла на моих нервах. Впереди и вправду неприрученные лаки или это очередная ее шуточка?

К моему облегчению, мы просто подошли к железной решетке, которая преграждала вход в темный боковой тоннель, уходивший круто вниз.

– Посмотри, – Квин показала на недавно починенную часть решетки (остальные прутья были ржавыми и более старыми). – Этот тоннель перекрыли, и не зря. Там, внизу, лаки – никто не знает сколько, – которых никто не контролирует и которые выживают как могут: наверное, пожирают крыс и друг друга. Большинство опасных тоннелей перекрыли так же, как этот. Но дело в том, что даже Киро не знает всех ходов и переходов. Я уже предупреждала, чтобы ты всегда держался тех, которые хорошо освещены.

– Кто такой Киро? – спросил я.

– Он официально отвечает за Общину, за всю подземную зону, где есть кухни, тренировочные залы и даже незаконные арены. Всем этим заправляет Киро. Через несколько минут я покажу его тебе.

Повернувшись, Квин повела меня по другому тоннелю, и вскоре мы оказались на уступе над высоким обрывом, глядя сверху вниз на естественный амфитеатр, освещенный кольцом факелов. До сих пор нам не встретилось ни души, и меня удивило, сколько тут собралось людей. Вокруг арены расселись несколько сотен человек, и негромкий гул разговоров напоминал гудение сонного улья в жаркий летний полдень. Горячий, влажный и совершенно неподвижный воздух пропах старым потом.

Чем дальше от арены, тем выше поднимались сиденья, – значит, самый лучший обзор открывался с задних рядов. Тут не было огромного канделябра Арены 13, лишь факелы по периметру, поэтому многие сиденья оставались в тени. Сама арена освещалась парами перекрещенных факелов, укрепленных высоко на колоннах в каждом углу. Границы арены отмечались еле видными бороздами в полу, и мне подумалось, что вместо

того, чтобы отталкиваться от стен, как случалось на Арене 13, противники здесь то и дело будут оказываться за пределами поля боя.

– Посмотри на пол, – сказала Квин, словно поняв, о чем я думаю. – Посмотри на песок.

Место сражений было посыпано толстым слоем песка, и рядом с каждой колонной высились песчаные кучи.

– Песок нужен, чтобы впитывать кровь, – сказала Квин. – Здесь лаки сражаются друг с другом без оружия и доспехов, только с горловыми втулками. Теоретически победу дает «обрыв» противника, как и в бою на Арене 13, но обычно проигравший погибает. Это очень кровавый бизнес.

– А что мешает им выходить за пределы арены? – спросил я.

– Просто подожди и увидишь. Ты будешь поражен.

Внезапно гул беседы сделался громче, отдавшись эхом от свода и стен пещеры. На арену шагнул крупный человек с животом, нависающим над кожаным поясом, и поднял руки, призывая к молчанию.

– Киро, – прошептала Квин. – Что ж, давай останемся и посмотрим первое состязание. Меня тошнит от этого бизнеса, но я думаю, ты должен увидеть бой – тогда поймешь, насколько отвратительные вещи происходят в городе. Одно хорошее можно сказать про отца: несмотря на свою страсть к деньгам, он не имеет никакого отношения к тому, что здесь творится.

– Если бои незаконные, почему их никто не прекратит? – спросил я.

– Потому что здесь все завязано на деньгах, – с отвращением скривив губы, ответила Квин. – Лаки умирают тут каждую ночь, но никто ничего не делает, потому что для всех причастных это прибыльное дело, особенно для игорных домов. И Киро тоже получает куш жирнее своего брюха. Только лаки страдают, – а кого здесь, внизу, они заботят?

Я удивленно уставился на Квин: ее явно глубоко задевали здешние порядки.

– Но я думал, в отличие от нас лаки ничего не осознают.

– Так говорят все, но я ни на миг в это не верю. А ты?

Я вспомнил, как глядел на меня мой лак – можно было подумать, что он оценивает меня.

– Возможно, они не думают так, как мы, – продолжала Квин, – но все, что движется и дышит, наверняка имеет сознание, так? И не пытайся сказать, будто лаки не чувствуют боли. На Арене 13 они защищены доспехами, но здесь страдают от тяжелых ран.

Киро шагнул на арену, и несколько мгновений спустя туда же ступили два лака и встали друг напротив друга; каждый держал

по два длинных меча. Металлические ошейники удерживали на месте горловые втулки, но, если не считать ошейников и набедренных повязок (у одного – голубой, у другого – зеленой), лаки были голыми и даже босыми. Я впервые увидел, как выглядят их тела. У лаков и правда совершенно отсутствовали волосы – не только на голове, и их натертая маслом кожа блестела в свете факелов. Спина, плечи и руки были переплетением мускулов, причем без доспехов руки выглядели еще длиннее. А вот ноги меня удивили: они казались слишком тонкими, чтобы выдержать вес массивного тела. Я не сразу понял, что такие ноги созданы для скорости.

Внезапно раздался резкий дребезжащий звук, и из пола выскочил круг длинных клинков с направленными внутрь острыми краями. Круг обозначал границы арены.

Квин оказалась права – я был потрясен. Я понял, чем грозят эти клинки ничем не защищенным телам.

Появление клинков послужило сигналом к началу состязания, и два лака стали осторожно огибать друг друга.

Внезапно они ринулись в атаку, крутя и полосуя своими мечами. Меня удивила скорость их движений: на Арене 13 я ни разу такого не видел. Возможно, там они двигались медленнее из-за правил Трига и необходимости защищать бойцов-людей.

Я почти пропустил тот миг, когда клинок полоснул по плечу лака в голубой набедренной повязке. Брызнула кровь, раздались возбужденные возгласы и приветствия зрителей. В следующую секунду раненый лак нанес ответный удар, рубанув по груди своего противника в зеленой повязке; тот пошатнулся и чуть не упал.

Бойцы попятились и снова начали кружить; кровь капала на песок.

И вновь они сошлись в вихре колющих и рубящих мечей. Клинки снова и снова находили цель, кровь брызгала и текла, блестя в свете факелов как красный дождь.

Ужасно было наблюдать за этим. Они кромсали друг друга на куски, и я хотел только одного: чтобы это закончилось!

Но конец был еще хуже боя.

Лака в голубом оттолкнули к краю арены. Там не было стены, которая остановила бы его, рядом не оказалось ни одной из четырех колонн, и ему пришлось шагнуть прямо на лезвия. Он дернулся, напоровшись на них – его ноги были искромсаны в клочья, – выронил мечи, а другой лак все рубил и рубил.

Теперь зрители стояли, крича и топая в знак одобрения, оглушительный рев отдавался в пещере эхом. Но сквозь рев был слышен ужасный звук – пронзительные, полные муки вопли лака,

погибавшего на клинках.

Квин отвернулась, согнулась, и я услышал, как она давится. Меня самого тошнило от этого зрелища, и как только я учуял ее рвоту, меня тоже вырвало – по животу пробегали быстрые болезненные спазмы.

Когда меня отпустило, мы молча посмотрели друг на друга и так же молча вернулись в тоннель.

Теперь Квин шагала еще быстрее.

– Это надо прекратить! – сердито сказал я.

Она не отозвалась.

– Куда мы теперь? – спросил я.

– Туда, где дерутся на палках, – ответила Квин. – О, не беспокойся. Отец запретил тебе принимать участие в таких боях, а не смотреть на них.

Минут через десять мы спустились в небольшую пещеру, где уже шло состязание. Зрителей собралось немного, человек пятьдесят – и к счастью, потому что в маленькой пещере с низким потолком было жарко и тесно.

Я увидел лишь одного игорного агента с голубым кушаком, со скучающим видом прислонившегося к стене. Правила боя здесь как будто не отличались от правил у меня дома, в Майпосине. Границы арены никак не обозначались, и бойцы кидались то туда, то сюда, напирая на толпу, которая то расступалась, то снова смыкалась вокруг них. Но здесь дрались один на один, что в Майпосине случалось редко: там обычно один боец сражался против трех.

Стоя рядом с Квин в задних рядах толпы, я рассматривал бойцов и вскоре понял, что победитель известен заранее. Может, поэтому у букмекера был такой скучающий вид. Один боец явно играл с противником, пользуясь состязанием как поводом, чтобы продемонстрировать свое искусство. Он был высоким, мускулистым, темноволосым, и я уже явно где-то видел его.

– Кто это? – спросил я.

– Джон, – ответила Квин. – Боец Арены 13, сражается в позиции «мин» за команду Воуда. Это третий его сезон, и он отлично справляется, хотя никогда не сравнится с Керном. Но в чем он по-настоящему хорош – так это в палочном бою. Он лучший палочный боец города.

Последняя фраза Квин невольно что-то всколыхнула в моей душе – ее слова прозвучали как вызов. Неужели Джон и вправду так хорош? А может, я еще лучше? Но, конечно, я не мог даже мечтать о том, чтобы с ним сразиться.

– Ему разрешается драться и на арене, и здесь?

– Конечно. Только мой отец запрещает палочные бои, а Воуд

не возражает. Множество младших бойцов спускаются сюда, чтобы подраться. Палочный бой – это здорово, и дирекция Колеса не вмешивается. Это лучше, чем поножовщина. Перед тем как ее запретили, дрались на ножах, и здесь погибло много молодых парней.

Состязание внезапно завершилось тем, что Джон пробился сквозь защиту соперника и ударил его по левому виску. Удар был легким, даже не выступила кровь – в Майпосине так сдержанно никогда не били.

Джон поклонился противнику, и все закончилось. Зрители ринулись к победителю и стали хлопать его по спине: он явно был очень популярен. Но, пока его поздравляли, Джон все время обшаривал глазами толпу, словно кого-то высматривая, и вдруг с улыбкой двинулся прямиком к нам.

Я удивился, подумав, что он улыбается мне, но вскоре понял, что он смотрит на Квин… А потом я его узнал. Я уже видел его дважды – второй раз тогда, когда на него показал Дейнон в кафе на плазе. Это был бойфренд Квин.

Они обнялись, а, когда Джон слегка отодвинулся, его правая рука осталась лежать на плечах Квин, и я заметил, что она прислонилась к нему. Они не сводили друг с друга глаз, как будто вокруг никого больше не было, и я почувствовал внезапный укол ревности.

«Почему же она держала меня за руку? – спросил я себя. – Она что, играла со мной? Квин просто любительница подразнить? А может, это ее способ проявить дружбу – в конце концов, она поцеловала меня в щеку, а не в губы…»

– Джон, это Лейф, – сказала Квин. – Он новенький в команде моего отца.

Как самый последний член команды Тайрона я и вправду официально считался «новеньким», но мне не нравилось это слово.

– Каждый друг Квин – и мой друг, – сказал Джон низким голосом, запомнившимся мне по первому посещению Колеса. В ту ночь Джон выглядел грустным и обиженным, теперь же сиял, как будто в мире все было в порядке и он был самым счастливым человеком в нем.

Я кивнул и попытался улыбнуться, но это было нелегко.

– Жаль, что ты работаешь на отца Квин, – сказал Джон. – Она много о тебе рассказывала и считает, что ты смог бы показать мне, что такое настоящий бой.

– Согласен, – ответил я. – Но Тайрон уже вышвырнул меня однажды, поэтому я не хочу рисковать.

– Об этом я тоже знаю, – с ухмылкой сказал Джон. – Лейф, не

извинишь нас на минутку? Мне нужно сказать Квин несколько слов наедине. Мы быстро.

Мне стало обидно, хотя я знал, что с моей стороны глупо обижаться: я вообразил о поцелуе Квин невесть что. Я хотел отойти, но Джон, продолжая обнимать Квин за плечи, повел ее мимо толпы в боковой тоннель.

В ожидании их возвращения я посмотрел еще два состязания, но не мог сосредоточиться на происходящем. Мне не нравилось, что Квин с Джоном. Против него лично я ничего не имел, мне просто не нравилось, что Квин с другим.

Она вернулась одна, с не самым счастливым видом, бросила: – «Пошли, уходим», – и повела меня обратно наружу коротким путем.

Вскоре мы уже шли по извилистым темным улицам города, причем Квин шагала быстро и яростно.

– Что случилось? – спросил я.

– Ничего! Не спрашивай, это личное, – отрывисто отозвалась она.

Меня разозлил ее тон. Ясное дело – опять поссорилась с бойфрендом.

– Послушай, я не хочу лезть в твои личные дела, – сердито сказал я, – но если у тебя проблемы, нечего отыгрываться на мне!

Квин ничего не ответила, и, добравшись до ее спальни, мы даже не пожелали друг другу доброй ночи.

А потом я вернулся в свою комнату и понял, что заснуть никак не удается.

19
Кисточки

Кисточки – словно бахрома на подоле плаща Хоба.

Каждую обмакнули в яд.

Мы скормим кисточек их хозяину.

«Амабрамдата»,

книга пророчеств гентхаев

Я постучал в дверь офиса Тайрона в административном здании – в этой комнате состоялось наше знакомство. Сейчас я попросил о встрече, и он меня ожидал. Мой испытательный месяц закончился пару недель назад, а Тайрон все еще не сказал, справился я или нет, оставит ли он меня в учениках.

Тайрон кивнул на кожаное кресло, и я уселся напротив него у большого стола. Во рту у меня пересохло. Я сделал все, что мог, – но достаточно ли этого?

– Ты попросил тебя принять. Итак, чем могу помочь? – с улыбкой поинтересовался Тайрон.

– Во-первых, я хочу спросить, выдержал ли я испытательный срок. А во-вторых, хочу дать ответ на вопрос, который задал в первый день тренировок. Помните, я спросил, почему на Арене 13 люди не сражаются против людей, зачем нам нужны лаки? Вы велели найти свой ответ…

– Ну так давай, Лейф, выкладывай, к чему ты пришел.

– Четкого ответа у меня нет. Я придумал несколько причин, но в основном это просто предположения.

– Что ж, предполагай. Излагай свои мысли.

Я заранее старательно обдумал то, что скажу Тайрону, и после глубокого вдоха начал:

– Я думаю, мы сражаемся так в основном потому, что это традиция и способ заработать деньги. Если люди делают что-то достаточно долго и это срабатывает, они просто продолжают так поступать. Бой на Арене 13 – целая индустрия, дающая работу механикам, бойцам и тем, кто их обслуживает. Игорные дома тоже создают рабочие места и помогают разбогатеть. Но я думаю, что бой Тригладиус – три меча – берет начало в куда более отдаленном прошлом, в том, что случилось еще до поражения

человека и возведения Барьера. Тогда что-то произошло, возможно, какая-то битва или зрелищное событие, и именно это отмечается на Арене 13. Наверное, то, что мы делаем теперь, лишь бледная тень того, что случилось тогда.

Я посмотрел на Тайрона – лицо его ничего не выражало.

– Сведения об этом событии могут быть в гентхайских преданиях, о которых рассказывал отец. Когда представится случай, я собираюсь посетить гентхаев – может, мне удастся разузнать побольше об их ритуалах.

Тайрон пожал плечами.

– Ты явно долго думал над ответом, Лейф, – сказал он с улыбкой. – Большинство людей не придумали бы ничего лучшего. Я сам много об этом размышлял… И когда-нибудь надеюсь узнать побольше, поэтому с интересом выслушаю, что тебе удастся выяснить у гентхаев. – Он помолчал. – Если не считать того палочного боя, ты очень хорошо начал и справился с месячным испытательным сроком. Молодец!

С этими словами Тайрон вынул из стола сверток и бросил его мне.

– Открой! – велел он.

В свертке оказались ботинки «триг», отлично сделанные, приятно пахнущие новой кожей. Теперь у меня появилась собственная обувь, конец тренировкам босиком! Я стану танцевать лучше и сделаю еще один шаг к осуществлению своей мечты.

– Лучших ботинок не купишь, – сказал Тайрон, – но разносишь ты их не сразу, поэтому сперва жди волдырей. Впереди у тебя много тяжелой работы, но я знаю – ты меня не разочаруешь.

Это был субботний вечер, и мы с Дейноном сидели за столиком у нашего обычного кафе на плазе. Минувшая неделя была неделей внезапных ливней, и флаги намокли. На горизонте зловеще громоздились тучи, деревья содрогались от сильного ветра, и людей вокруг было меньше обычного.

Мы прихлебывали сок и болтали. Была моя очередь платить; в кармане у меня лежали деньги, и я начал понемногу откладывать их.

Вдруг я увидел Квин, которая шла к нам через площадь со своим бойфрендом Джоном.

С тех пор как мы с ней побывали в Общине, она не встречалась со мной глазами ни за завтраком, ни даже тогда, когда мы сталкивались в доме. Я не понимал, почему она так себя ведет – в конце концов, я ни в чем не провинился. Гордость не

позволяла мне сделать первый шаг к примирению; я чувствовал себя оскорбленным и считал, что Квин должна извиниться, хотя и знал, что она этого не сделает.

Парочка прошла очень близко от нашего стола, Квин наверняка должна была нас увидеть, но не удостоила и взглядом. Однако Джон улыбнулся и кивнул, и я помахал ему. Они уселись через несколько столиков от нас.

– Вы с Квин поругались? – спросил Дейнон. – Ты уж извини, что я спрашиваю. Гляжу, она не обращает на тебя внимания, а я-то думал, вы с ней друзья.

Я пожал плечами:

– Похоже, она поругалась со своим бойфрендом, а потом начала странно себя вести. Огрызнулась на меня, а я – на нее. Ей это не понравилось, и с тех пор она со мной не разговаривает. Раньше Квин помогала мне в тренировочном зале со звуковым кодом, но теперь этому конец.

– Девчонки иногда бывают такими странными, – покачал головой Дейнон. – Кто их поймет?

– Уж точно не я.

– А может, тебе сделать первый шаг? – предложил он.

– Какой? – не понял я.

– Да просто извинись.

– Но я не считаю, что сделал что-то не так.

– «Извини» – всего-навсего слово. Тебе что, трудно его сказать? Извинись – и все будет в порядке.

– Послушать тебя, – так это проще простого, Дейнон.

– Это и вправду проще простого. Квин, наверное, тоже хочет извиниться, но ей мешает гордость. Будь выше этого! Знаешь, на ферме моего отца есть двое работников. Так вот, раньше они были закадычными друзьями, но уже больше тридцати лет не разговаривают. Они в ссоре тридцать лет, подумай только! Держу пари, они уже и не помнят, из-за чего поругались. А ведь если бы один из них извинился, они и сейчас продолжили бы дружить.

По дороге домой мы с Дейном прошли мимо магазина, где продавались принадлежности «триг», и я улыбнулся, заметив, что красные ботинки все еще выставлены на витрине.

У меня не было шанса извиниться первым: затянувшееся между мной и Квин молчание в ту же ночь прервали три громких стука в стену. Обычно стук раздавался поздно вечером, но теперь он меня разбудил.

Я не отозвался на зов, зная, что Квин приглашает меня, чтобы я извинился. Ей всегда было что-то от меня нужно. В первый раз она хотела выяснить, каков из себя новый ученик. Во второй – ей

хотелось подраться и победить. В третий… Что там было в третий? Ей просто требовался предлог, чтобы отправиться на палочный бой и повидаться с Джоном?

Снова раздались три стука, но я не шевельнулся. Я услышал, как зашипел Палм, наверняка, злясь, что ему мешают спать и что Квин меня вызывает.

Она постучала снова. Трижды и очень громко.

– Помнишь, о чем мы говорили сегодня днем? – окликнул из темноты Дейнон. – Это твой шанс, Лейф.

Тогда я вылез из постели и сердито натянул рубашку, брюки, носки и ботинки. С тех пор как мы поговорили с Дейноном, мое настроение изменилось и я не собирался извиняться. Посмотрю в последний раз, что там нужно Квин, а после попрошу ее никогда больше не стучать. Я буду холоден. Холоден как лед.

Но, как только я ее увидел, моя решимость начала таять. Глаза Квин покраснели и опухли от слез; на ней были брюки и ботинки «триг», губы накрашены как обычно, но она куталась в одеяло, и я заметил, что она дрожит с головы до ног.

С чего бы это? Я заподозрил какой-то трюк – уловку, чтобы добиться от меня того, что ей нужно, – но тут у нее из глаз потекли слезы. Нет, она не притворялась.

– Лейф, ты должен мне помочь, – произнесла Квин. – Ты единственный, кто может это сделать!

– Что случилось? – спросил я, заранее боясь ответа. Я понял: стряслось что-то по-настоящему скверное.

– Джон… Его забрали кисточки. Скоро будет слишком поздно, еще до рассвета его отведут к Хобу.

Я попытался уложить услышанное в голове. Как такое вообще возможно?!

– Не понимаю. Как Джон связался с кисточками? Они что, пришли в город?

Я вспомнил, как кисточки вприпрыжку бежали по поросшему травой склону, чтобы утащить тело погибшей девушки. Значит, после заката они явились в Общину? Но почему они забрали Джона?

– Он сам отправился к ним и бросил вызов, – объяснила Квин. – Это связано с крупным пари – на кону стояло много, много денег. Если бы Джон победил, он стал бы обеспеченным человеком, смог бы купить любого приглянувшегося лака. Но он проиграл чемпиону кисточек. Даже в этом случае ему ничего не должно было грозить, потому что в пари участвовали и некоторые игроки из города… Но теперь они отказываются платить, – значит, в уплату должна пойти жизнь Джона и кисточки заберут его к Хобу.

Я не понимал, чего от меня хочет Квин. Похоже, о случившемся следовало сообщить дирекции Колеса или еще кому-нибудь из властей. Кисточки были не лучше грабителей, а эта история даже хуже той, что произошла возле озера. Неужели такое сойдет им с рук?!

– Ты рассказала отцу? – спросил я Квин.

Он покачала головой, слезы заструились по ее лицу.

– Расскажи. Он наверняка сможет что-нибудь предпринять…

– Ничего он не сможет сделать, и никто не сможет. Кисточки – слуги Хоба, и люди боятся вмешиваться в его дела. Если я расскажу отцу, он не позволит нам даже попытаться помочь Джону. А помочь ему может только одно…

Квин запнулась, и я нетерпеливо спросил:

– И что я могу поделать? У меня есть только те деньги, которые дал твой отец.

– Кто-то другой должен сразиться с чемпионом кисточек. Это отчасти похоже на палочный бой, только здесь дерутся на мечах. Вот почему помочь можешь только ты – ты еще не давал клятву и у тебя хватит проворства, чтобы победить.

– Ты хочешь, чтобы я дрался? – спросил я, едва веря своим ушам.

Квин кивнула.

– А если я проиграю?

– Не беспокойся, я уже договорилась об условиях… Только схватка обязательно должна состояться этой ночью. Если ты выиграешь, Джона освободят, а если проиграешь, расплачиваться придется мне, а не тебе.

Мне показалось, я ослышался:

– Это же глупо! Если с тобой что-нибудь случится, меня не просто вышибут – твой отец меня убьет!

– Уже случилось, Лейф. Я заключила сделку. Если я не вернусь вместе с тобой, я все равно погибну…

О чем она? Во что меня пытаются втянуть?!

Квин сняла с плеч одеяло и бросила на кровать. На ней была короткая куртка без рукавов, и я увидел на ее левом плече длинный свежий порез. Рана, хоть и неглубокая, выглядела опухшей и воспаленной, с желтовато-зелеными краями.

– Чемпион кисточек бьется отравленными клинками, которые окунают в яд грибов скейп. От него есть противоядие, но мне его дадут, только если я немедленно вернусь. Без противоядия я умру до наступления утра.

У меня перехватило горло при одной мысли о том, что будет с Квин. Я-то думал, меня ничем не проймешь, но вид ее раны доказал обратное. Я словно онемел.

Но потом волна холодной ярости окатила меня с головы до ног. Никто не причинит Квин вред, пока я рядом! Я не могу просто взять и уйти, что бы мне ни грозило.

– Конечно, пришлось подсластить пари деньгами, – продолжала Квин.

На ее поясе висел небольшой холщовый мешочек – раньше его скрывало одеяло.

– Золото моего отца, – похлопав по мешочку, пояснила она. – Если мы вернемся до рассвета, отец даже не узнает, что оно пропадало. Ну что, ты мне поможешь?

В поисках выхода мои мысли метались туда-сюда. Конечно, ради Квин я бы сразился, – но вдруг есть другое решение проблемы?

– А ты не можешь просто попросить отца оплатить первое пари? Наверняка он предпочтет заплатить, лишь бы не подвергать дочь опасности…

– Отец богат, но даже у него нет таких денег. Те, кто отказались платить, – большие игроки, банкиры игорных домов. Предполагалось, что они заплатят вскладчину, если Джон проиграет, но они не станут этого делать. Тут замешана борьба между Хобом и некоторыми богачами из города: не все они пляшут под дудку Хоба, и на сей раз они не готовы покрыть проигрыш. То, ради чего сражался Джон – ничто в сравнении с тем, что выиграли бы они в случае его победы.

Я принялся расхаживать взад-вперед рядом с кроватью, пытаясь найти выход.

– Ты можешь победить, Лейф, поверь, – продолжала убеждать Квин. – Ты быстрее чемпиона кисточек, и я знаю – ты справишься!

– А как же Джон? Он проиграл, – значит, и я могу проиграть.

– Он был не в лучшей форме. Понимаешь, все дело в клятве: он поклялся не пускать в ход мечи за пределами арены и чувствовал вину из-за того, что нарушил слово. Его победили еще до начала боя, потому что мысленно он уже проиграл. Мы с ним спорили об этом много дней…

– Спорили? То есть ты хотела, чтобы он бился, а он не хотел?

Квин покачала головой:

– Нет, конечно, нет! Наоборот. Я была против того, чтобы он вообще впутывался в это дело. А узнав, как ему тошно из-за нарушенной клятвы, я сделала все, что могла, чтобы уговорить его отменить состязание, но он не слушал. Он никогда не слушает ни единого моего слова, вот почему мы вечно спорим. Но он не заслужил смерти из-за своей ошибки. Никто не заслуживает того, чтобы быть отданным Хобу. Поэтому, Лейф, пожалуйста, помоги ему!

Я нахмурился, но все-таки решился:

– Я буду драться.

Или драться – или наблюдать, как Квин умрет.

Мы миновали северное предместье города и, оставив позади последние дома, начали подниматься по грунтовой дороге, ведущей в лагерь кисточек.

Сквозь прореху в облаках светил полумесяц, и я едва различал в его слабом серебристом свете шпили цитадели Хоба, поднимающиеся над выступом холма. Я оглянулся на крыши Джиндина, на дома, где жили обычные семьи…

А потом впереди показалось печальное, обветшавшее здание с разбитыми окнами, с приоткрытой дверью, висящей под сумасшедшим углом. Некто в одежде с капюшоном шагнул в полосу лунного света, поманил нас, и мы сошли с тропы. Кочки поросли жесткой травой, и я то и дело о них спотыкался. Один раз я ударился пальцем ноги о камень и, зашипев от боли, услышал за спиной смех.

«Значит, их двое, – подумал я, – один впереди, другой сзади».

Двое? Какое там! Я просто обманывал себя. Нет, здесь было логово кисточек, поэтому они кишели повсюду. Вскоре я увидел две или три сотни кисточек в капюшонах – они молча ждали, собравшись в темноте на голом, открытом ветрам склоне холма.

Место для боя находилось на пологом и сухом участке склона, покрытом утрамбованной гаревой крошкой, которая похрустывала под ногами.

Я как раз гадал, не предстоит ли мне драться в темноте, когда справа внезапно вспыхнул факел, а спустя несколько мгновений в руках у кисточек появилась дюжина таких факелов.

Кисточки наблюдали за мной; некоторые из них были в низко опущенных капюшонах, но лица других я видел во всем их безобразии – искаженные злобой черты едва походили на человеческие.

Не все кисточки стояли выпрямившись. Некоторые из них, маленькие, со странными телами, как будто избегавшие света факелов, припали к земле на четвереньках.

Все кисточки расступились при нашем появлении и тут же сомкнулись за нами, так что мы оказались в кольце. В городе ходила поговорка: тот, кто ужинает с кисточками, должен иметь длинную ложку. Что ж, на сей раз последовать этому совету было невозможно.

В центре круга нас поджидал высокий кисточка: лицо его скрывалось в тени капюшона, голос звучал властно и презрительно.

– Этот? – спросил он Квин, мотнув головой в мою сторону.

Квин кивнула и ответила:

– Он был палочным бойцом в Майпосине, но у него нет своих мечей.

– Ты принесла деньги?

Квин протянула холщовый мешочек. Кисточка открыл его, высыпал монеты на ладонь и тщательно пересчитал. Потом кивнул, и вперед вышел его сородич с маленьким кувшином. Квин шагнула ему навстречу, и кисточка, окунув палец в содержимое кувшина, начал втирать в порез на ее плече темную мазь – противоядие от скейпа. Квин резко втянула ртом воздух и сморщилась от боли.

Я схватил ее за руку, и она сжала мою ладонь, на глаза ее навернулись слезы:

– Все в порядке, Лейф. Боль через минуту пройдет.

Высокий кисточка махнул двоим, стоявшим слева от него, и скомандовал:

– Приготовьте их.

С этими словами он ушел, а один из его собратьев подступил ко мне, опустился на колени и, к моему удивлению, начал привязывать к моей лодыжке короткую веревку.

– Это еще что? – спросил я Квин.

– Нас привяжут друг к другу, – ответила та. – Твою правую ногу к моей. Веревка такой длины, чтобы я могла быть у тебя за спиной. Ты мой лак. Я – мишень. Если меня ранят, мы проиграли. Так я и получила порез на плече.

20
По велению инстинкта

Всеми силами избегай падения.
Тот, кто упал, рискует быть раненым или погибнуть.

Руководство по бою на Тригладиусах

– Ты ничего об этом не говорила! – возмутился я, глядя на веревку. – Ты не сказала, что придется сражаться вот так!

Я был зол. О чем еще умолчала Квин?

Теперь кисточка привязывал другой конец веревки к ее лодыжке.

– Это моя проблема. Не беспокойся, я буду следовать за тобой шаг в шаг, – сказала Квин.

– Его кто-нибудь будет защищать? – спросил я, кивнув в сторону кисточки.

Квин покачала головой.

– И как же мы победим? – поинтересовался я.

– Сделай так, чтобы он не смог продолжать бой.

В голосе Квин слышалась холодная решимость; она явно пыталась не думать о том, чем все это может кончиться. Похоже, на моем лице она увидела ужас, потому что крепко сжала мою руку и прошипела мне в ухо:

– Дай ему хоть полшанса, – и тебе не поздоровится! Если он тебя одолеет, он рубанет меня… Все проще простого.

– Клинки будут отравлены?

– Его – да. Твои – нет. Но яд действует медленно, и пока об этом не стоит беспокоиться. Кисточки всегда используют яд, чтобы гарантировать, что противники в случае проигрыша не увильнут от оплаты. Если тебя ранят, все равно – победитель ты или проигравший, – ты получишь противоядие, если не нарушишь их условий игры.

На землю положили одеяло и развернули: там оказалась дюжина мечей, все разные. Я не торопился, тщательно взвешивая каждый и проверяя, как лежит в ладони рукоять. Все они были слишком тяжелыми.

– Тебе лучше будет драться мечами Джона, – сказала Квин.

Но когда она попросила их принести, ей ответили «нет».

Что ж, я сделал все, что мог, выбрав два меча полегче.

Рукоять самого легкого я стиснул в правой руке – он должен сгодиться.

Мой гнев на Квин внезапно сменился страхом. Я боялся. Это будет ничуть не похоже на палочный бой: меня стреножили веревкой. Мы можем упасть, рухнуть, перепутавшись руками и ногами, и тогда нас изрубят на куски.

Как только я вооружился, толпа кисточек отступила, обозначив границы овальной арены, и наш противник, спустившись по склону, встал напротив меня. Он был очень высоким, голым по пояс, и его тело блестело от жира. Именно этот кисточка недавно отдавал приказы.

Бой начался с катастрофы. Кисточка быстро атаковал, и, хотя Квин обещала следовать за мной шаг в шаг, мы запутались ногами в веревке и упали. Мы барахтались изо всех сил, снова и снова перекатывались по гаревой площадке, а кисточка свирепо махал мечами. Каким-то чудом он нас не достал, и мы вскочили.

Быстрота кисточки меня обескуражила. Мы могли только отчаянно отступать, а он скользил по утрамбованной гаревой крошке как насекомое. Но опаснее всего было его смазанное жиром блестящее тело: оно гнулось в талии так, будто у кисточки были мягкие и гибкие кости или двойные суставы, позволявшие длинным рукам наносить удары под необычным углом.

Нас постепенно оттесняли вниз по холму. Я уже тяжело дышал, у меня саднило в горле, пот катился по лицу, ладони стали влажными и не могли как следует держать мечи. Я сделал пару выпадов, но они получились медлительными и неуклюжими, и кисточка ни разу не прервал своего безжалостного наступления. Он лишь чуть заметно отклонялся назад, ровно настолько, чтобы его не задели острия моих клинков.

Я слышал, как позади нас глумливо кричат и улюлюкают другие кисточки. Я знал, что будет, если нас к ним прижмут, – то же самое случалось и в Майпосине. Тебя хватали в темноте за рукав, пытались сделать подножку или просто могли швырнуть в сторону противника. А здесь сражение шло не на палках, а на мечах…

Теперь я был перепуган насмерть. Сердце бешено колотилось, и какая-то часть меня уже была побеждена. Я боялся за Квин и Джона, зная, что они расплатятся жизнью за мое поражение, – но боялся и за себя тоже.

Я помнил слова Квин: «Сделай так, чтобы он не смог продолжать бой». Именно это кисточка и пытался проделать со мной. Клинки способны убивать, но способны и калечить, и, даже если я выживу, моя жизнь может никогда уже не стать прежней.

Вот тут это и случилось.

Я почему-то приостановился, перестав отступать, сделал глубокий вдох и принялся ждать, вытянув перед собой мечи. Кисточка тоже остановился. Он свирепо глядел мне в глаза, но не двигался.

Молчание поглотило все вокруг, а потом я услышал, как за моей спиной хрустят ноги Квин по гаревой крошке.

Два твердых похрустывающих удара левой ногой, а потом – быстрый и короткий, более легкий удар правой. Она сигналила о базовом маневре с помощью звукового кода, который мы с ней разработали вместе: два шага влево, два шага вправо и возврат по диагонали справа налево.

Квин была так близко, что я чувствовал на своей шее жар ее дыхания. Я послушался, как послушался бы лак, и мы медленно затанцевали по площадке назад: влево, потом вправо, выполняя шаблон «триг». Сигнал к этому приему дал Улум, в котором мы упражнялись вместе, кажется, целую вечность назад.

Кисточке все это не понравилось. Я увидел сомнение в его глазах, и, когда мы начали отступать, он остался стоять где стоял.

Не важно! Мы все равно атаковали, по диагонали справа налево, напав быстро и слаженно, впервые двигаясь как одно существо, делая шаги в унисон.

Кисточка отступил, и мы устремились за ним. Мы двигались быстро, очень быстро; не шагали, а скорее текли, скользили вперед, почти не касаясь площадки ногами.

Теперь руки мои послушно повиновались разуму, без усилий нанося удары, рубя стремительными арками, заставлявшими кисточку отшатываться. Мой третий удар почти его достал, его спасла только быстрота ног. Он все еще суетливо семенил по гаревой крошке, но теперь ноги несли его назад: мы гнали противника вверх по склону.

Квин не нужно было снова прибегать к Улуму – на наше счастье. Мы относительно недолго репетировали вместе звуковые шаблоны, и репертуар наш был ограничен. Однако он сослужил свою службу, выдернув меня из страха, дав время подумать и перевести дух.

С растущей уверенностью я перешел к следующему этапу: теперь я сражался, руководствуясь чутьем и не отвлекаясь на раздумья. Каждое мое движение было инстинктивным, я вновь стал палочным бойцом, доверяющим своему телу, быстроте и навыкам. Эти навыки правили моими руками и ногами, в то время как разум словно устранился от происходящего и хладнокровно наблюдал со стороны, взвешивая стратегию, подмечая слабости противника.

И я был не один: Квин повторяла все мои шаги. Даже в танце

она находилась так близко, что я все еще чувствовал на своей шее ее дыхание. Я почти слышал, как бьется ее сердце, колотясь в том же быстром ритме, что и мое, словно у нас была одна кровеносная система и ее артерии и вены объединились с моими.

Это опьяняло, и я начал по-настоящему наслаждаться боем. Но конец его уже приближался.

Первый шанс, подвернувшийся мне, был шатким, и Квин, наверное, даже не заметила его. Не заметила потому, что не знала, на что я способен. Когда мы дрались с ней на палках, она жестко испытывала меня, но я знал, что могу подняться до новых высот боевого искусства – такое случалось со мной во время сражений всего пару раз. И теперь, дерясь с кисточкой и понимая, какие ужасные последствия повлечет за собой поражение, я вновь достиг этих вершин.

Второй шанс был очевидным, и, когда я не воспользовался им, Квин тут же прошипела мне в ухо:

– Покончи с ним! Покончи, быстро!

Но я не мог этого сделать. Нынешнее сражение очень отличалось от боя на палках! Чтобы покончить с противником, я должен был рубануть его мечами – так, чтобы он уже не смог сражаться. Кисточка, наверное, ощутил, о чем я думаю, а может, понял, что я упустил свой шанс. Как бы то ни было, он внезапно набросился на меня с новой силой и яростью, и мы с Квин опять начали отступать, невольно пятясь вниз по склону.

И все-таки я победил. Я победил потому, что проигрыш был бы слишком ужасен, чтобы с ним смириться.

Кисточка сам вынес себе приговор, сделав лишний шаг и слишком сильно подавшись вперед, целя клинком мне в горло.

Он был быстрым, но я – быстрее. Я пробился сквозь его защиту, приблизился к нему вплотную и нанес удар правым мечом, чувствуя, как привязанная к моей лодыжке веревка туго натянулась, когда Квин на миг замешкалась. Но среагировала она как раз вовремя, не дав нам упасть на гаревое покрытие и позволив мне завершить удар.

Но я не рубанул кисточку. Я повернул меч плашмя и изо всех сил врезал противнику по губам, раскрошив зубы. Мечом в левой руке я ударил как короткой дубинкой, обрушив рукоять на правый висок врага, и кисточка потерял сознание прежде, чем рухнул на землю.

Я думал, что победа за мной, но я ошибся. Кисточки выжидали. Они начали подступать к нам, и овальное поле боя сделалось круглым.

– Ты еще не покончил с ним, – прошептала Квин. – Когда он встанет, то продолжит бой!

Я знал, чего от меня ждут. Кисточка лежал на спине, открыв горло моему клинку, и я мог лишить его жизни одним ударом или же искалечить, перерезав поджилки.

Я был не в силах сделать ни то, ни другое. Я не мог вот так хладнокровно его зарубить.

И все-таки я рубанул… Словно в ночном кошмаре, я сделал это не подумав и рассек веревку, связывавшую меня с Квин. В тот же миг она с криком отчаяния закрыла лицо руками.

И тут я осознал ужас своего поступка. Я перерезал связывавшую нас веревку до того, как прикончил или изувечил противника, и тем самым закончил состязание.

Закончил – лишив себя победы.

Я проиграл.

Теперь жизни Квин и Джона принадлежали Хобу.

21
Гентхаи

Мы – народ волка.
Нашего бога зовут Тхагандар,
И никто не выстоит против нас.

«Амабрамдата»,

книга пророчеств гентхаев

Кисточки столпились вокруг, я чувствовал, как напирает на нас этот живой барьер. Надежды на спасение не было… А спустя несколько мгновений в маленькое тесное пространство втолкнули Джона.

Квин тут же обняла его и снова заплакала. Он погладил ее по спине и что-то зашептал на ухо, но потом один из кисточек грубо подтолкнул их и нас погнали вверх по холму. Связать нас не потрудились: все вокруг сжимали в обеих руках копья и мечи.

Потом кисточки начали гасить факелы, и вскоре мы уже шагали во мраке. Я подозревал, что кисточки отлично видят в темноте, но я не видел ни зги, только чувствовал небрежные удары, которыми награждали нас конвоиры. Дважды меня сильно стукнули по левому плечу, меня тыкали оружием в спину и пинали сзади по ногам. Кисточки все время молчали, и это почему-то делало их еще более зловещими.

Мы шагали вверх, и было ясно, что нас ведут в цитадель Хоба. Я не знал, что там с нами сделают, но не сомневался, что нас ждет смерть, а может, и что-нибудь похуже. Иногда потерпевших поражение бойцов забирали живыми и они не возвращались – так что же с ними творили?

А может, джинны отнимают наш разум и возвращают только тела? Я вспомнил девушку, пожирающую требуху на бойне, низведенную до животного состояния. Неужели такая же участь уготована и нам?

Несмотря на все уверения Квин, я не сомневался: перерезав веревку, я обрек себя на ту же судьбу, которая ожидала ее и Джона.

Из-за туч выглянула луна, и я увидел, что Джон и Квин идут впереди обнявшись.

Я пошел на такой отчаянный риск, а Квин на меня даже не смотрела. «Она просто использовала меня, чтобы попытаться

спасти своего бойфренда, – сердито подумал я. – Они хотя бы могут утешить друг друга, а мне предстоит умереть одному!»

Я чувствовал себя оскорбленным и покинутым, но, сделав глубокий вдох, попытался перестать себя жалеть. Какое теперь все это имеет значение? Мы приговорены.

Я уставился в землю и перестал думать о Квин; я не думал вообще ни о чем.

Луну закрыли темные тучи, и мы еще минут десять поднимались в темноте, пока впереди не возникли массивные стены и изогнутые шпили цитадели Хоба, черневшие на фоне ночного неба.

Луна опять ненадолго появилась и осветила стены, сложенные из гигантских блоков неизвестного мне камня – он искрился, искажая лунный свет, словно проходивший сквозь призму и приобретавший слабый бронзовый оттенок.

Несколько мгновений спустя мы вновь нырнули в темноту, но я успел оглядеться по сторонам и заметить, что большинство кисточек рассеялись по склону, а нас остались сторожить около пары десятков.

Мы приблизились к цитадели, и я наконец разглядел массивные бронзовые ворота, а потом услышал то, от чего волоски у меня на загривке встали дыбом: фырканье и металлическое позвякивание. Между нами и воротами возникли три темных массивных силуэта. Сперва я подумал, что это посланцы Хоба, но тут полумесяц выглянул из-за облаков, и я увидел трех всадников, словно облитых сияющим серебром. Всадники были в кольчугах, у седла каждого висели два огромных меча. Я впервые в жизни видел таких коней, совершенно не похожих на громоздких приземистых тяжеловозов, таскавших баржи и повозки: передо мной гарцевали прекрасные гладкие чистокровки, с выгнутыми шеями, с ногами, словно созданными для стремительного бега.

К моему удивлению, всадники походили на гентхаев: смуглая кожа, орлиные носы, высокие скулы и длинные волосы, у одного – густые усы, скрывающие рот. Но таких гентхаев я никогда раньше не встречал. Передо мной были не лесники и не печальные грязные люди, торговавшие, а порой и просившие милостыню на окраинах Майпосина – нет, это были воины. И я заметил еще кое-что: нарисованные на их лицах длинные тонкие линии, сплетавшиеся в узор из дуг и завитков.

Человек в центре вытащил меч и послал коня вперед, и наши охранники тоже вскинули оружие. Некоторые кисточки держали короткие мечи, другие – копья, огромные изогнутые ятаганы или длинные шесты с прикрученными к ним проволокой ужасными с

виду клинками. Но едва гентхаи ринулись к нам, кисточки рассыпались. Меня сбили с ног, я упал на колени и вскинул глаза, когда копыта простучали мимо.

Последовала короткая неравная борьба: шесть мечей сверкали и рубили до тех пор, пока воздух не зазвенел от криков. Кисточки с воем и воплями бросились в темноту – некоторые побежали вниз по холму, другие сумели заползти в узкие тоннели слева и справа от больших бронзовых ворот.

Спустя несколько секунд кисточек и след простыл, лишь окровавленные тела остались валяться на склоне.

Я встал и подошел к Квин и Джону.

Гентхаи уже возвращались вверх по холму, и усатый показывал мечом на бронзовые ворота цитадели.

Они проехали совсем близко, но даже не посмотрели в нашу сторону, и их вожак, направив коня к громадным воротам, забарабанил в них рукоятью меча. Он снова и снова яростно стучал, а потом начал кричать в ночь, и слова его гремели и отдавались эхом от высоких стен:

– Выходи и сразись с гентхаями! Выходи и встань лицом к лицу с людьми!

Но ответа не было. Каменные стены возвышались над нами, поблескивая бронзовыми искрами в бледном свете луны, но никто не вышел из ворот, никто не ответил на вызов.

Вожак снова забарабанил в дверь.

– Мы здесь, Хоб! Выходи и встреться с нами лицом к лицу! Выходи и сразись с нами, если посмеешь!

И вновь никакого ответа.

– Хоб нас боится! – воскликнул один из гентхаев. – Надо выломать ворота.

Но усатый вожак не согласился.

– Не этой ночью, брат, – властно сказал он. – Будь терпелив, наше время скоро придет.

С этими словами он повернул коня, повел свой маленький отряд вниз по холму и остановился прямо передо мной.

– Ты хорошо сражался, брат, – негромко сказал он – его зубы едва виднелись под бахромой усов. – Мы за тобой наблюдали.

Я не ответил, но почувствовал, как губы мои растянулись в улыбке. Однако следующие слова гентхая стерли улыбку с моего лица:

– Но настоящий воин прикончил бы тварь. Тебе еще многому предстоит научиться.

Он повернул коня, жестом велев следовать за ним, и мы зашагали вниз по холму в сторону Джиндина. То, что делали гентхаи, не нуждалось в объяснении – они провожали нас,

охраняя от кисточек, все еще скрывавшихся в темноте.

Все шагали молча. Квин и Джон шли в обнимку; Квин все еще тихо плакала.

Когда мы добрались до первых домов, трое всадников остановили коней. Квин и Джон продолжали идти обнявшись, и я, подняв руку в благодарственном жесте, двинулся было за ними, но вожак окликнул меня:

– Подожди, брат.

Я повернулся, сделал несколько шагов вверх по склону и встал перед ним. Второй раз гентхай говорил мне «брат». В первый раз я не обратил на это внимания, приняв за обычное обращение, но теперь он сказал «брат» таким тоном, что я понял – он угадал, что во мне течет кровь гентхаев.

А потом до меня дошло, что на его лице вовсе не раскраска, а татуировка. Завитки и линии придавали ему свирепый и опасный вид.

– Как тебя зовут? – спросил гентхай, и я выпалил:

– Лейф, сын Мэтьюза.

Ответ вырвался у меня сам собой, а потом было слишком поздно прикусывать язык.

Я посмотрел в сторону Квин и Джона, боясь, что они меня услышали, но они уже отошли на порядочное расстояние и, похоже, не обращали внимания ни на кого, кроме друг на друга.

– Мэтьюз? – переспросил гентхай. – Ты имеешь в виду того Мэтьюза, который сражался с Хобом на городской арене? Того, чье настоящее, гентхайское, имя было Лазарь?

Я кивнул.

– Он был храбрым и искусным воином, – сказал всадник, – но пошел по неверной тропе. Не совершай той же ошибки. Отправляйся с нами и сразись за свой народ.

– С кем сразиться? – спросил я.

– Сперва мы должны отобрать эту землю у предателя, который называет себя Протектором, – ответил воин-гентхай, – и очистить Мидгард от такой мерзости, как Хоб. Когда с этим будет покончено, мы отправимся за Барьер, чтобы победить тех, кто запер нас здесь.

Я изумленно разинул рот. Он говорил о невозможном. Даже если у гентхаев хватит воинов, чтобы победить Протектора, какой у них шанс одолеть тех, кто ожидает за Великим Барьером? Но воин говорил спокойно и совершенно уверенно – он не хвастал, а просто сообщал о своих намерениях как о чем-то вполне осуществимом.

– Простите, но у меня остались дела в городе, – сказал я. – Я поклялся кое-что совершить.

Я надеялся, что больше он не будет задавать вопросов. Посмеялся бы гентхай, если бы я сказал, что собираюсь победить на арене Хоба и прикончить его? Я и так уже выложил больше, чем следовало.

– То, о чем я сказал, случится на твоем веку, – заявил всадник. – Хочешь присоединиться к нашему делу?

– Когда я выполню задуманное, я буду счастлив присоединиться к вам, – ответил я.

– Тогда делай что должен, а после отправляйся на юг, в дальние леса. Меня зовут Коннит, и, когда тебя окликнут дозорные, спроси меня. Вскоре я стану вождем моего народа, тогда и произойдет то, о чем я говорил.

С этими словами Коннит развернул коня и поехал вверх по холму, а за ним – двое других гентхаев. Я же зашагал вниз, вслед за Квин и Джоном.

Они уже исчезли из виду, поэтому я в одиночестве добрался до дома Тайрона. Голова у меня шла кругом. Я знал, что правитель гентхаев – женщина. Племя придерживалось матриархальных обычаев, им всегда правили женщины, – как же его может возглавить мужчина?

Квин – темная тень – притаилась на тропе рядом с домом. Джон уже ушел. Вынув ключ, Квин как можно тише отперла заднюю дверь. Я бы не удивился, если бы за ней нас поджидал Тайрон, но в доме было темно и тихо.

Очутившись в своей спальне, Квин, не теряя времени, открыла дверь между двумя комнатами.

– Выспись хорошенько, – прошептала она. – Завтра разразится большой скандал. У кисточек остались деньги отца, поэтому мне придется рассказать о случившемся. Он все равно бы скоро обо всем узнал, так что лучше я сама ему расскажу. Постараюсь как можно больше тебя выгораживать, и, что бы ни случилось, он не выгонит тебя снова, я обещаю.

Я кивнул, выдавив улыбку. Чего стоит ее обещание? В конце концов, в прошлый раз она не смогла спасти меня от гнева отца.

Вернувшись в спальню, я разделся и лег в постель. Несмотря на заверения Квин, я не питал иллюзий насчет завтрашнего дня: наверняка меня тоже обвинят в случившемся и мое обучение у Тайрона вполне может подойти к концу.

Меня одолевали горечь и гнев. Когда настанет полдень, я снова могу очутиться на дороге, ведущей на юг, – и конец всем мечтам. Но, по крайней мере, теперь мне было куда идти. Я отправляюсь во владения гентхаев.

Слуга явился за мной до рассвета с приказом быстро одеться

и спуститься вниз. Внизу меня ожидал мрачный Тайрон; он показал на заднюю дверь, и я вышел за ним в темноту, дрожа от ночной прохлады.

Вспомнив, во что меня втянули прошлой ночью, я снова вскипел. У меня все болело; наконец-то аукнулось напряжение, пережитое во время боя с кисточкой. Я не был ранен, но скрипел зубами при мысли о том, что могло бы случиться – меня могли изувечить или убить!

Я приготовился увидеть во дворе сверток с моими пожитками, но Тайрон быстро вышел на улицу, и я поспешил за ним. Небо начало светлеть, и вскоре я понял, что мы направляемся к зданию администрации Колеса. Там, у боковой двери, ожидал один из слуг Тайрона.

– Ну? – нетерпеливо спросил Тайрон.

– Он согласен, господин, но за то, что его потревожили в столь ранний час, требует двойную плату. Он ожидает вас.

Тайрон коротко кивнул, и мы вошли, оставив этого человека у дверей. Вскоре мы уже шагали по знакомому коридору, по которому я ходил в офис Тайрона. В это время суток здесь было пусто.

Мне хотелось выспросить у Тайрона, что ему рассказала Квин, но, чувствуя, в каком он настроении, я придержал язык. Сейчас лучше было быть тише воды, ниже травы.

Мы дошли до большой двери в конце коридора, табличка рядом с которой гласила, что здесь находится офис Главного распорядителя. Тайрон постучал, и изнутри нас пригласили войти.

Пинчеон стоял за своим столом – как ни странно, в официальном красном кушаке директора Колеса, надевавшемся для посещения Арены 13.

На столе перед ним лежала большая открытая книга, а рядом с ней – шар из матового стекла с отверстиями наверху. Я понял, что это лотерейный барабан, с помощью которого выбирали противника для поединка с Хобом. Наверное, мой отец выбил похожий барабан из рук Главного распорядителя, настояв на том, что драться будет именно он.

– Имя? – спросил Пинчеон, жестко уставившись на меня.

Не успел я открыть рот, как Тайрон ответил за меня:

– Лейф, сын Тайрона.

Главный распорядитель записал мое имя в большой книге, добавив его к Списку. Сперва я не понял, почему Тайрон назвал меня своим сыном, а потом вспомнил, что он хотел утаить мое настоящее имя, чтобы увеличить ставки, предлагаемые игорными домами.

– Положи руку на барабан и дай клятву, – велел Пинчеон. – Повторяй за мной.

Я так и сделал, внимательно вслушиваясь в то, что он говорил, прежде чем повторить:

– Я, Лейф, сын Тайрона, торжественно клянусь никогда не держать в руках меч там, куда не распространяется власть дирекции Колеса.

– Правильно, мальчик. Убери руку с барабана. Теперь ты связан клятвой, нарушишь ее – и никогда больше не будешь биться на Арене 13. Понятно?

Я кивнул. Деньги перешли из рук в руки, и вскоре мы уже шагали через город обратно, а по пятам за нами следовал слуга Тайрона.

– Значит, вы оставите меня в учениках? – тревожно спросил я.

Тайрон кивнул. Он как будто глубоко ушел в свои мысли.

– Вы знаете, что случилось это ночью? – снова спросил я.

Он искоса взглянул на меня, выругался себе под нос и резко ответил:

– Конечно, знаю! У меня ушел почти час на то, чтобы выудить всю историю у моей упрямой дочери. Почему, как ты думаешь, я привел тебя сюда в столь непотребный час? Почему только что расстался с деньгами, хотя минувшая ночь и без того дорого мне обошлась?

– Простите, – сказал я.

– Это моя глупая дочь должна просить прощения. Квин могли бы убить… Или сотворить с ней что-нибудь похуже. Что ж, что сделано, то сделано. Ты не без причины так срочно принес клятву. Вскоре весь город будет знать о событиях этой ночи и тебе будут поступать другие предложения драться на мечах – предложения, от которых трудно было бы отказаться. Но теперь ты сможешь с честью отвечать «нет», потому что связан клятвой. По крайней мере, люди до сих пор не знают твоего настоящего имени – вот почему ты дал клятву под моим. Та короткая церемония служит еще и регистрацией, и теперь ты официально значишься в Списках бойцов Арены 13. У многих механиков есть бойцы, которые сражаются под их именем, поэтому никто ничего не заподозрит, и это даст нам некоторую фору… Время на то, чтобы вернуть хотя бы часть потерянных мною денег.

За завтраком Квин не появилась, а Тайрон, к моему удивлению, вместо того чтобы приветствовать учеников обычным коротким кивком, подошел к нашему концу стола.

– Нынче утром обычное расписание тренировок меняется, – сказал он. – Палм и Дейнон, вы проведете день под руководством

Керна, улучшая свои навыки шаблонирования, потому что тренировочный зал будет занят. Я буду работать только с Лейфом.

Выражение лица Палма почти искупило все, через что я прошел минувшей ночью.

Сразу же после завтрака я спустился в тренировочный зал и присоединился к Тайрону.

– Что ж, мальчик, давай поработаем с твоим лаком, – сказал он. – Я не хочу, чтобы ты слишком рано выглядел искусным бойцом. Вообще-то мне нравится, когда мои ученики сперва терпят жестокое поражение. Первый урок, который ты должен усвоить: научись проигрывать – и побеждать станет намного легче. – Он мрачно улыбнулся.

– Но я знаю о пари, которое вы заключили с Палмом. Я поговорил со своей младшей – она беспокоится, что ты начнешь карьеру, повесив на себя крупный долг. Что ж, в оставшееся до турнира время я сделаю все, что смогу. Если тебе придется встретиться с Палмом в первой схватке, ты проиграешь – просто потому, что его триглад слишком хорош. Но давай поглядим, насколько ты и вправду удачлив. Поглядим, что лотерея подбросит тебе на сей раз.

В течение нескольких часов Тайрон перестроил все мои взаимоотношения с лаком. Я придумывал сигнал для определенной последовательности шагов, а Тайрон переводил его на Ним, запечатлевая ответ в мозгу лака. Потом мы снова и снова отрабатывали сигнал Улум и последующие слаженные движения, и к концу второго дневного занятия я двигался позади лака с небывалой уверенностью.

Время от времени я замечал, что лак пристально на меня смотрит; странно было видеть, что за тобой вот так наблюдают.

– Он все время таращится на меня, – сказал я Тайрону.

Тот ответил одной из своих скупых улыбок:

– Что ж, это хорошо, Лейф. У него больше разума, чем у множества его сородичей – в этом отношении лаки отличаются друг от друга. То, что он на тебя смотрит, означает, что он считает тебя интересным. Ты привлек его внимание, поэтому он будет лучше сражаться.

– Отлично. Надеюсь только, он глазеет на меня не потому, что голоден и думает, что из меня получится вкусный обед!

– Вряд ли тебе нужно беспокоиться на этот счет, – отозвался Тайрон. – Среди лаков встречались единичные случаи людоедства, но только из-за неумелого шаблонирования. Думаю, я достаточно хорошо знаю свое дело, чтобы исключить тебя из его меню!

Вернувшись тем вечером в спальню, я поразился, увидев, что в ней поработали плотники, заколотив досками дверь в спальню Квин.

С Квин я не виделся целый день, она не появилась даже за ужином. Тайрон наверняка все еще сердился на нее и не разрешал выходить из комнаты.

Кивнув в сторону двери Квин, Палм покачал головой и сказал:

– Теперь все будет по-другому.

Я изумленно уставился на него. Надо же, он со мной разговаривает!

– Все равно я здесь только до конца сезона, – продолжал он с лукавой улыбкой. – А потом перееду в свою новую квартиру. До переезда мне осталось только одно: победить на Турнире Учеников!

22
Турнир Учеников

Смерть меняет все.

«Амабрамсум»,

книга мудрости гентхаев

Лето в Джиндине было коротким, оно длилось всего пять месяцев – и столько же длился сезон Триг. Потом сезонные рабочие покидали город и возвращались в свои зимние дома в провинции. Но этот последний месяц был самым волнующим для учеников-первогодков, потому что начинался с состязания, в котором мы получали шанс сражаться на Арене 13.

ТУ открылся в полдень, когда нас собрали в зеленой комнате под Ареной 13 для участия в жеребьевке.

Я заглядывал в эту большую длинную комнату всего один раз, когда она была пуста. Тайрон показал мне ее, и меня удивил ее цвет. Обычно здесь у тускло-коричневых стен под тускло-коричневым потолком сидели бойцы, ожидая своей очереди сражаться. Большой стол в центре покрывала грубая коричневая скатерть, и потрепанный ковер тоже был коричневым.

– Почему же эту комнату называют зеленой? – спросил я.

– Никто не знает, мальчик. Причина затерялась в тумане времен. Но привыкай к этому, потому что так уж она называется.

Теперь народу в этой комнате было битком: на всех стульях сидели мальчики, явившиеся, чтобы сражаться на турнире. Я уже оделся для боя – в кожаную куртку без рукавов, одолженную мне Тайроном. Он была великовата, но отвечала требованиям Тригладиуса, и на ее спине красовался знак команды Тайрона с изображением волка. Я гордился тем, что ношу эту куртку.

Взглянув на свои голые руки, я осознал, что, хотя в турнире будут участвовать новички, все-таки меня ждет настоящее состязание. Большинство правил Арены 13 действовали и на турнире, и мои руки будут открыты клинкам.

Когда Пинчеон взял со стола лотерейный барабан, в воздухе повисло напряжение. В стеклянном шаре лежали соломинки, подписанные нашими именами: красные – для бойцов «макс», голубые – для бойцов «мин»; сквозь матовое стекло можно было разглядеть цвет соломинки, но не имя на ней.

Положив шар на край стола, Пинчеон приготовился вытащить

первую красную соломинку. Каждый раз после жребия бойца «макс» он должен был вынуть жребий его противника, бойца «мин».

Все шумно выдохнули, когда он прочитал имя на первой соломинке. Палм! Палм был явным фаворитом, претендующим на победу в турнире, и каждый боец «мин» в комнате затаил дыхание, отчаянно надеясь, что на следующей соломинке будет не его имя.

Когда назвали второе имя, я вздохнул с облегчением. Я избежал этой участи! Палму (он теперь широко улыбался) предстояло сражаться с Дейноном.

Повернувшись к Дейнону, я скорчил гримасу и прошептал:

– Не повезло!

Тот пожал плечами – похоже, его не очень расстроила перспектива участвовать в схватке, в которой не было надежды победить.

То, что противником Палма стал Дейнон, казалось маловероятным совпадением, но мне сказали, что бойцам одной команды нередко выпадало сражаться друг с другом. И все-таки Тайрону это не слишком понравится. Поскольку в жеребьевке участвовали больше тридцати учеников, каждый механик надеялся, что члены его команды займут как можно лучшие места. Соперничество начиналось уже с первого этапа, а после турнира игорные дома тщательно подведут итоги, дадут командам оценку и объявят ее всему Джиндину. Конечно, в этой системе были свои сложности и иногда приходилось жертвовать гордостью ради выгоды. Тайрон уже сказал, что для многообещающего ученика не так уж плохо начать с неудачи: тогда ставки против него возрастут и люди, располагающие о нем верной информацией, смогут заработать хорошие деньги.

Я слушал, как зачитывают имена, и сердце мое громко стучало от возбуждения. Наконец вынули мою соломинку, и Пинчеон прочитал:

– Лейф, сын Тайрона!

Моим противником оказался Марф, новичок, сражающийся за механика по имени Воуд – у того была одна из самых больших команд в Джиндине. Итак, наконец-то у меня появился маленький шанс. Кстати, я ведь раньше никогда не видел этого Марфа…

– Который из них Марф? – снова повернувшись к Дейнону, прошептал я.

Дейнон кивком показал на высокого рыжеволосого юношу на другом конце комнаты – тот откинулся на стуле к стене и сидел с закрытыми глазами. У него был совершенно безмятежный вид, а у меня от волнения уже крутило в животе.

– Он тренируется всего несколько месяцев, – негромко проговорил Дейнон. – Ферма его отца очень маленькая, и Воуд дал ему второсортный триглад, ничего особенного. Ты сумеешь победить.

– Мне жаль, что тебе выпал Палм, – сказал я.

Дейнон улыбнулся:

– Меня это не беспокоит, Лейф, – тем меньшего от меня будут ожидать. Я сделаю, что смогу, но победить не надеюсь. Если я проиграю Палму, меня не будут сильно винить.

– Я пойду на балкон, чтобы посмотреть, как ты сражаешься. Удачи, Дейнон!

Бойцы выходили в том порядке, в каком соломинки с их именами достали из лотерейного барабана, – значит, Дейнону предстояло биться первым. Мне выпало участвовать в восьмой схватке, и у меня будет предостаточно времени, чтобы понаблюдать за Дейноном и Палмом, а потом вернуться в зеленую комнату и настроиться перед боем.

Балкон оказался заполнен лишь наполовину. Само собой, ТУ жадно интересовались бойцы, их тренеры и игорные агенты, которые приходили, чтобы оценить возможности будущих бойцов Арены 13. Но, за исключением нескольких ярых фанатов, обычную публику не привлекало зрелище неуверенных новичков, сражающихся по правилам, измененным ради их безопасности. По правде говоря, зрителям нравился вид крови и то, что бойцы время от времени гибнут, – вот почему красные билеты пользовались такой популярностью. А правила ТУ делали маловероятными и кровопролитие, и смерть.

Первое важное изменение отменяло сигнал гонга, после которого бойцы должны были сражаться, стоя перед своими лаками. На турнире во всех схватках дрались только позади лаков, что, конечно, было куда безопаснее.

Второе изменение касалось ритуального пореза руки побежденного бойца. Во время настоящего боя на Арене 13 клинки мечей лаков смазывались веществом под названием «крансин», усиливающим боль от пореза. Я наблюдал, как несколько бойцов перенесли порез, даже не вздрогнув, и никогда бы не догадался, какие муки они терпят. Если верить Тайрону, именно поэтому зрители в этот миг затихали: они внимательно наблюдали за проигравшим, оценивая его отвагу. Иногда у бойца вырывался тихий крик или лицо его искажалось от боли.

Итак, никакого крансина на клинках, никаких красных билетов – поэтому и зрителей у нас было немного.

Но, несмотря на измененные правила, в тот день на арене все-таки погиб боец.

Передний ряд на балконе занимали механики и те ученики, которые не сражались в первых нескольких схватках. Я сел рядом с Тайроном как раз вовремя, чтобы увидеть, как Палм со своим тригладом выходит на арену из двери «макс». Он с самодовольной улыбкой посмотрел вверх, и какая-то девушка вдруг выкрикнула его имя. Ее поддержали одобрительные возгласы, и Палм разулыбался как идиот.

Я понял, что его красивая внешность привлечет множество поклонниц: с виду он был просто эталоном бойца. Его лаки в блестящих доспехах стоили дорого, лучших просто не купишь, и шаблоны им задавал Тайрон – лучший механик города.

Несколько мгновений спустя из двери «мин» показался Дейнон. Он нервничал, хмурился и предпочитал глядеть на свои ботинки, а не вверх, на нас.

Пинчеон шагнул между двумя бойцами и их лаками и произнес короткую речь, открывающую турнир. Я почти не слушал его, с жалостью наблюдая за беднягой Дейноном. В зеленой комнате он храбрился, говоря, что проигрыш не важен, потому что никто и не ожидает, что он победит. Но я знал: для него это важно. Если бы только он смог продемонстрировать какой-нибудь неожиданный трюк и победить!

Главный распорядитель закончил речь так:

– То, что мы увидим здесь в течение следующих трех дней, – будущее Арены 13. Некоторые из этих бойцов будут делать себе имена, овладевая искусством Тригладиуса, чтобы принести новую славу арене. Пожелаем им долгой и успешной карьеры. Пусть начнется турнир!

Как только Пинчеон вышел, воздух прорезал пронзительный звук трубы, две двери с грохотом захлопнулись, и началось состязание.

Лаки Палма и лак Дейнона сошлись – два мальчика танцевали за их спинами, мелькали клинки.

Я следил за этим, чувствуя, что сердце мое бьется где-то в горле, но Дейнон хорошо справлялся. Триглад Палма отступал!

Но потом клинок вошел в горловую втулку лака Дейнона, и над ареной разнесся металлический грохот его падения. Тут же послышались приветственные крики, восхищенный визг и аплодисменты девушек, поддерживающих Палма.

«Обрыв». Состязание не продлилось и тридцати секунд.

– Бедный Дейнон, – грустно сказал я, глядя, как он принимает ритуальный порез. Он вытерпел это с легкой улыбкой, не дрогнув.

– Он сделал все, что мог. У него не было ни малейшей надежды победить Палма, – отозвался Тайрон. – Завтра ему

предстоит еще одна схватка, в которой у него будет больше шансов. Но вообще-то не важно, станет Дейнон удачливым бойцом на арене или нет. Он очень умный парень и делает успехи в шаблонировании. Сперва он будет задавать шаблоны лакам для других арен, но не пройдет и пяти лет, как он, даже не ступая на Арену 13, начнет работать с теми, что сражаются здесь. Помяни мои слова, Лейф, – однажды Дейнон станет механиком с собственной командой бойцов, поэтому не жалей его, а сосредоточься на том, что тебе следует делать.

Я кивнул и начал было вставать, но Тайрон покачал головой:

– Ты вполне можешь посмотреть еще одну схватку. Лучше так, чем сидеть в зеленой комнате и грызть ногти.

Поэтому я снова уселся, довольный тем, что Тайрон такого высокого мнения о Дейноне. Надо будет передать его слова Дейнону, чтобы подбодрить после поражения.

– Вторую схватку точно стоит посмотреть, – сказал Тайрон. – Мальчика позади триглада зовут Скрипио, он из той же команды, что и парень, с которым тебя записали драться. Воуд говорит, это самый умелый ученик из всех, какие у него были. Он сражается с Кассио, другим многообещающим бойцом из набора нынешнего года, поэтому смотри внимательно – ты сможешь кое-чему научиться.

Участники состязания стоили друг друга, и бой продолжался около пятнадцати минут. Он был не слишком захватывающим, потому что оба бойца вели себя очень осторожно. Никто из них не рисковал, и зрители по большей части молчали, время от времени взрываясь аплодисментами при какой-нибудь демонстрации боевого искусства, которую я пока не мог оценить.

Тайрон пристально наблюдал за борьбой, но я с трудом заставлял себя сосредоточиться; под ложечкой у меня ныло в ожидании собственного первого выхода на Арену 13.

Поскольку мысли мои блуждали невесть где, я пропустил случившееся в конце боя. Мне следовало бы наблюдать внимательнее. Кажется, сперва единственный лак Кассио – бойца «мин» – ринулся вперед, впервые по-настоящему пойдя в атаку. Он яростно набросился на триглад Скрипио, лаки поспешно отступили, и один из них натолкнулся на Скрипио. Человек и лак рухнули, перепутавшись руками и ногами.

Я удивился: почему Кассио не ловит момент? Вместо того чтобы использовать свое преимущество, он с перепуганным лицом шагнул назад. Ни один клинок не вошел в горловую втулку упавшего лака, возвещая об «обрыве», и лак быстро поднялся.

На мгновение на арене воцарилась полная тишина, а потом

сзади и слева от нас кто-то разразился плачем, мучительными рыданиями. Я уставился на арену, пытаясь понять, что же произошло.

Упавший мальчик не встал. Его открытые глаза смотрели в никуда, голова была вывернута под неестественным углом. Он сломал шею.

Бедный Скрипио был мертв.

К тому времени, как Палм и Дейнон поднялись на балкон, мальчика уже унесли с арены, но они успели услышать новости и сели с потрясенным видом. Зрители не издавали ни звука, если не считать всхлипываний нескольких девушек. Многие девушки сидели, закрыв лицо руками.

Этот ужасный несчастный случай заставил меня осознать, насколько опасна Арена 13. Несмотря на измененные правила, боец погиб.

Никто не делал попыток уйти, и я недоумевал, сколько же мы тут просидим; мне очень хотелось на свежий воздух. Случившееся потрясло меня, и мысленно я продолжал видеть Скрипио, лежащего на арене с вывернутой шеей.

Наконец вышел Главный распорядитель и посмотрел вверх, на балкон.

– Наши соболезнования семье и друзьям бедного Скрипио, – сказал он тихим голосом, но его слова нетрудно было расслышать в напряженной тишине. – У нас отобрали мальчика, подававшего большие надежды. Турнир приостановлен на двадцать четыре часа.

Когда он покинул арену, люди начали вставать, и мы молча последовали за Тайроном домой.

Из-за угрозы нашествия кисточек тело Скрипио сожгли тем же утром, и в одной из маленьких церквушек Джиндина отслужили заупокойную службу. Семья пожелала, чтобы церемония была закрытой, поэтому на ней не смогли присутствовать ни друзья, ни соученики погибшего мальчика.

– Такое случается, – сказал дома Тайрон. – Каждый раз, ступая на Арену 13, вы ставите на кон свою жизнь, нужно просто помнить об этом. До ужина еще есть время, и вас ждут обычные уроки теории. Не сидите сложа руки, учеба – лучший способ отвлечься. Турнир возобновится завтра утром, а сегодня я предлагаю вам пораньше лечь спать.

Войдя в кабинет Керна, я, к своему удивлению, увидел, что он не один: у него на колене сидел его сын, энергично черкая листок

бумаги.

– Прощу прощения, – сказал Керн, потрепав мальчика по голове. – Тине нездоровится, поэтому я присматриваю за маленьким Робби.

Я с улыбкой сел, и ребенок большими глазами посмотрел на меня. Он был кудрявым и светловолосым, скорее похожим на мать, чем на черноволосого Керна, довольно крупным для своих двух лет.

– Робби, поздоровайся с Лейфом, – сказал Керн.

– Привет, – отозвался ребенок и снова принялся рисовать.

– Как ты себя чувствуешь? – спросил меня Керн.

– Я просто в шоке… Я-то думал, ТУ безопасен.

– На арене нет ничего безопасного, – ответил Керн. – Представляю, какой это ужас для семьи мальчика. Тина расстроилась – она всегда думает о нашем сыне, беспокоится о его будущем и после таких случаев иногда просто заболевает. Она говорит, что первым словом Робби было «мама», вторым – «папа», а третьим – «обрыв». Конечно, она шутит, но в ее словах что-то есть.

Керн улыбался, но по его глазам я видел, что ему не по себе. Никогда раньше он не рассказывал о своей семейной жизни; смерть на арене явно поразила и его.

– Беда в том, – продолжал Керн, – что это у нас в крови. Арена – наше семейное дело. Тайрон сражался на арене, и, будь у него сын, тот бы тоже сражался. Вместо этого дерусь я, его зять. Само собой, Робби суждено продолжить традицию. Ради Тины я надеюсь только, что он окажется таким же блистательным механиком, как и его дедушка, и в конце концов начнет зарабатывать на жизнь составлением шаблонов.

Маленький Робби все еще рисовал, сморщившись, с самым сосредоточенным видом. Потом помедлил миг и принялся сосать кончик карандаша.

– Что ж… Есть вопросы перед тем, как мы изу-чим несколько новых словов?

Керн всегда начинал так свои уроки, поэтому у меня наготове обязательно имелся вопрос:

– Я знаю, что «гладиус» означает «меч», но все еще не понимаю, почему сражения на Арене 13 называют Тригладиусом. Трех мечей там нет. У каждого лака по два меча, всего лаков четыре – итого восемь мечей… Не считая оружия бойцов-людей.

– Ты не первый новичок, который делает такое наблюдение, Лейф. Тригладиус называется так потому, что боец «мин» стоит лицом к лицу с тремя лаками, стремящимися его ранить, эти лаки и символизируют три меча.

– Наверное, в этом есть смысл…

– Что ты нарисовал? – спросил Керн, снова взглянув на сына. – Дай-ка посмотреть. Покажем Лейфу твой рисунок?

И, взяв рисунок, он продемонстрировал его мне.

– Возможно, он будет художником, – с улыбкой сказал Керн, целуя мальчика в макушку.

«Рисунок» был всего лишь карандашными каракулями – линиями, начерканными крест-накрест.

– А может, и нет! – добавил Керн.

23
Арена 13

Научись проигрывать так, чтобы
позже ты мог научиться побеждать.

«Амабрамсум»,

книга мудрости гентхаев

На следующий день я снова сидел в зеленой комнате, вместе с остальными учениками ожидая своей очереди сражаться. Мне показалось, что мы провели там в молчании целую вечность. Никогда я не представлял, каково это – делить комнату с другими бойцами перед тем, как отправиться на арену. Интересно, там, где ожидали старшие, было так же тихо, или они иногда перебрасывались резкими словами?

Я знал, что в Триге существует ожесточенная конкуренция и ножны у всех участников соревнования были пусты: никому не разрешалось приносить меч в раздевалки или в зеленую комнату.

Хотел бы я знать, как подействовал на соперников вчерашний несчастный случай… После гибели мальчика радостное возбуждение, которое я испытывал перед боем, улеглось. В свой первый визит в Колесо я уже видел смерть на арене во время боя насмерть, но лишь случайная гибель Скрипио заставила меня понять, насколько опасен может быть Триг.

Наконец подошла моя очередь, и я последовал за суровым распорядителем по коридору к двери «мин». Возле двери ожидал Тайрон, что меня удивило и обрадовало. Я был благодарен ему за то, что он потрудился прийти и пожелать мне удачи. Тайрон протянул мне мечи (он мне их одолжил), и я, быстро убрав оружие в ножны, занял позицию за своим лаком – его привели раньше и он стоял перед дверью на арену.

Тайрон похлопал меня по плечу:

– Просто старайся изо всех сил, мальчик. Если ты это сделаешь и проиграешь, никто не сможет винить тебя в поражении.

Дверь с грохотом открылась, и я последовал за своим лаком на Арену 13, где меня уже ожидали противник и его триглад. Как странно было здесь стоять! От нервного возбуждения меня била легкая дрожь. Пути назад не было.

Я посмотрел вверх, на балкон. Огромный канделябр

отбрасывал яркий круг света, а за этим кругом, в полутьме, неясно виднелись зрители. Я услышал, как они зааплодировали, сдержанно и вежливо. Никто не закричал и не затопал ногами в знак приветствия, как бывало во время выхода взрослых бойцов, которых я видел с балкона, и это напомнило мне, что мы всего лишь мальчишки и многого от нас не ждут.

Главный распорядитель ступил на арену, и мы поклонились ему. Потом он вышел, встал за дверью «макс», и помощник протянул ему трубу. Пинчеон выдул из нее пронзительный вопль, и обе двери с грохотом закрылись.

Триглад тут же начал наступать на моего лака, который стоял не двигаясь. Я не слышал, чтобы мой противник отдавал команды на языке Улум. Может, он успел это сделать, пока звучала труба?

Я машинально дал сигнал к обычному началу боя: два шага влево, два вправо, отступление и возвращение в исходную точку по диагонали. Это был всего лишь ответ на атаку противника, а не какой-то важный ход, но еще до выхода на арену я решил действовать именно так, как и рекомендовалось бойцу «мин», столкнувшемуся с соперником, чьи возможности ему неизвестны.

Триглад быстро наступал, угрожая шестью мечами; Марф танцевал сразу за спиной центрального лака с расслабленным и спокойным видом, тогда как у меня во рту пересохло от напряжения.

Меня и моего лака оттеснили в сторону стены с дверью «мин», и триглад ринулся вперед. Я среагировал недостаточно быстро, и мой лак, шагнув назад, наткнулся на меня, да так, что у меня перехватило дыхание. Я споткнулся, с резким уколом страха вспомнил гибель Скрипио и упал на одно колено. Мне стало страшно, что мой облаченный в доспехи лак обрушится на меня всем весом, но тот продержался достаточно долго, чтобы я успел встать.

Сделав глубокий вдох, я попытался успокоиться.

«Думай! Думай!» – велел я себе, когда нас прижали к стене, и дал несколько быстрых сигналов правой ногой. Мы быстро двинулись вправо – я то и дело отталкивался спиной от стены.

Это был один из любимых приемов Керна, которому он учил во время тренировок. Хотя я старательно отрабатывал маневр, до ловкости Керна мне все еще было далеко. И все-таки благодаря этому приему я ускользнул из-под грозной арки клинков и очутился в центре арены раньше, чем триглад успел развернуться в ту сторону.

Добравшись до середины арены, я вздохнул с облегчением; уверенность вернулась ко мне.

Потом дела пошли еще лучше. Мой лак шагнул к

ближайшему противнику, сделал выпад и, к моему удивлению, вогнал клинок по рукоять в горловую втулку.

Лак Марфа опрокинулся на спину, с металлическим грохотом рухнув на доски. Я сделал первый шаг к победе!

Конечно, мой вклад в успех был небольшим: я все еще демонстрировал самые обычные приемы, дело же решило искусное шаблонирование Тайрона. Теперь от меня требовалось сосредоточиться и не терять головы.

Безвольное тело лака останется на арене до конца состязания, и я собирался воспользоваться им как барьером.

Я задумал не очень красивый способ добиться победы. Такую тактику я уже видел на Арене 13, и толпа встречала ее свистом и неодобрительными криками, зато она была простой. Все, что от меня требовалось, – это все время двигаться по кругу, держась за лежащим лаком как за баррикадой. Тогда оставшиеся лаки триглада смогут атаковать нас только поодиночке: ведь если оба они отойдут от Марфа, чтобы взять нас в клещи, они оставят его без прикрытия.

Все случилось так, как я и ожидал. Я сигналил и правой, и левой ногой, играя в кошки-мышки. В состязании старших такая игра порой затягивалась; время от времени клинки со звоном сталкивались, но и только. Но в нашем бою это не могло длиться долго. Марф был новичком, как и я, и, когда неодобрительный ропот сверху перешел в насмешливые вопли, принял их на свой счет и бросил левого лака в отчаянную атаку.

К тому времени я совершенно успокоился, зная, что практически победил. Я уже видел своего лака в деле и был уверен, что Тайрон превосходно над ним потрудился. Лак был хорошо подготовлен, реагировал молниеносно, и вскоре второй лак Марфа тоже тяжело рухнул.

После этого мы с моим лаком превратились в охотников, и пришел черед Марфа давать сигнал к отступлению. Несколько мгновений спустя мы загнали его в угол, заставив прижаться спиной к стене. Вскоре упал его последний лак, а Марф остался стоять и ждать с глазами, полными страха.

Я смотрел, как мой лак подходит к нему, занеся левый меч. Я знал, каково сейчас Марфу: как побежденный боец он должен был пережить ритуальный порез. Все было проделано быстро, выступила тонкая полоска крови, и Марф облегченно улыбнулся. Сверху донеслись приглушенные аплодисменты: зрители приветствовали мою победу. Я победил в своем первом бою на Арене 13, а толпа скупилась на похвалу.

Но так ли уж это важно? Я выиграл не только бой, но и пари с Палмом. Я избавился от возможного крупного долга, и теперь,

наоборот, Палм будет должен мне. Я вдруг понял, что смогу позволить себе собственного первоклассного лака.

Игорные дома сделали Палма фаворитом благодаря сложным подсчетам, основанным на собранной информации. Им было известно, на что способен каждый шаблонщик, а значит, какого качества у него лаки. Игорные дома отлично предсказывали результат соревнований и, как объяснил на одном из уроков Керн, регулировали ставки, чтобы гарантировать свою прибыль и мешать профессиональным игрокам выигрывать крупные суммы. Не обязательно было быть математическим гением, чтобы догадаться, что чемпионом, скорее всего, станет Палм: он располагал самыми лучшими лаками, каких только смог купить его отец, и лучший механик задавал шаблоны его тригладу.

Турнир продолжался. Обычно после каждой схватки проигравший выбывал из дальнейших состязаний, но, поскольку чаще выигрывал боец «макс», система подсчета очков гарантировала, что в последнем бою для бойца «макс» найдется боец «мин». Не каждый победитель-«макс» проходил на следующий этап, все зависело от того, насколько быстро он выиграет схватку, поэтому бойцы «макс» стремились не просто победить, но и закончить бой как можно быстрей, заработав очки, необходимые для продолжения ТУ.

Это помогло мне выиграть второй бой: мой противник, отчаянно стремясь получить очки, слишком спешил со мной покончить, допускал оплошности, и победа вновь осталась за мной.

Однако в третьей схватке – первой в состязаниях на выбывание – я встретил противника более высокого класса, и он победил меня за три минуты. И все равно я был в восторге от своих результатов на ТУ: я победил дважды, хотя мне хватило бы и одной победы. К тому же я не только вывел команду Тайрона на более высокое место, но и заслужил репутацию скучного и неинтересного бойца, так что, можно сказать, Тайрон победил дважды. Когда я стану сражаться на арене, у нас появится шанс хорошо заработать.

А игорные дома продемонстрировали, что даже они порой ошибаются: в финальном состязании ТУ Палм проиграл. Это стоило игорным домам кучи денег, ведь им пришлось выплатить огромные суммы тем, кто крупно рискнул, поставив против Палма. Поражение Палма стало самой большой сенсацией турнира.

Мы с Дейноном шли через плазу. Был солнечный субботний день, но дул прохладный ветер – надвигалась осень, и солнце уже

не грело так, как раньше.

Дейнон выиграл вторую схватку и пребывал в прекрасном настроении, все еще радуясь своей победе.

– Что ты будешь делать, когда сезон закончится, Лейф? – спросил он.

– Отправлюсь на юг, только не в Майпосин, а дальше, – ответил я. – Хочу посетить земли гентхаев и увидеть родину отца.

– Похоже, тебя ждет увлекательная поездка. Это будет лучше того, что предстоит мне – работать на ферме всю холодную зиму.

Я рассказал Дейнону, что мой отец был гентхаем, но, конечно, не открыл, что его звали Мэт.

– Отец много рассказывал тебе о своем народе? – спросил Дейнон.

– Немного… Только кое-что об их верованиях. Гентхаи поклоняются новому богу по имени Тхангандар, волчьему божеству, но у них есть и прежние боги, которых зовут Маори – они якобы живут на длинном белом облаке.

– Как гентхаи зарабатывают на жизнь? – спросил Дейнон. – Я видел, что некоторые из них приходят в Джиндин торговать, продают резные поделки из дерева…

– Эти люди не из главного племени. Мне кажется, они похожи на бедняков, живущих в бараках на окраине Майпосина, которые пропивают и проигрывают заработанные медяки. Другое дело – племена в южных лесах, которые придерживаются старых обычаев. Они охотятся и рыбачат, а еще они воины.

– Воины? И с кем же они сражаются?

Я подумал о том, что сказал мне гентхай по имени Коннит после того, как прогнал кисточек и постучал в огромные ворота цитадели Хоба: «Мы должны отобрать эту землю у предателя, который называет себя Протектором, и очистить землю от такой мерзости, как Хоб. Когда с этим будет покончено, мы отправимся за Барьер, чтобы победить тех, кто запер нас здесь».

Они готовились к грядущим битвам, в которых вряд ли могли победить, о чем я, конечно, Дейнону не сказал.

– Наверное, друг с другом, – ответил я. – Это я тоже хочу выяснить.

Некоторое время мы шли молча, а после Дейнон сменил тему:

– Вижу, Квин снова с тобой разговаривает.

Я пожал плечами:

– Почти. Она кивает и улыбается при встрече, но длинных бесед от нее не дождешься.

– Могла бы быть более благодарной после того, как ты рискнул жизнью в бою с кисточкой. Но всегда трудно понять, что

происходит в голове Квин.

Мы дошли до длинного ряда магазинов и остановились перед тем, который торговал принадлежностями для Трига. Я увидел, что красные ботинки все еще на витрине.

– То, что Палм проиграл в финале, сбило с него спесь, – заметил Дейнон. – Он и не заслужил победы, верно? Первые успехи вскружили ему голову, и он все время смотрел вверх, на визжащих девушек. Он уже оплатил проигранное пари?

– Дал мне банковский чек прошлым вечером – потянул без единого слова. Я поблагодарил его, но он просто повернулся и ушел.

– Ему горько оттого, что он проиграл, – сказал Дейнон. – И не забудь – он проиграл даже дважды: во-первых, ему пришлось тебе заплатить, а во-вторых, раз он не стал чемпионом турнира, родители не дадут ему денег на ботинки для Квин.

Мы оба уставились на ботинки.

– Рано или поздно она их получит, – с улыбкой заверил Дейнон. – Уломает отца. В конце концов ей всегда удается настоять на своем.

24
Хоб

Все джинны – это слов, ставший плотью.

Руководство по языку Ним

Наступил последний вечер сезона. Трудно было поверить, как быстро пролетел Триг.

Я явился на балкон Арены 13 по особому поводу. Керн блестяще провел сезон, и, если сегодня ему удастся победить, он станет чемпионом. Поэтому в ожидании праздника Тайрон приобрел места в первом ряду для себя, Тины, Квин и своих учеников-первогодков, но сам пока не пришел.

Я надел свой лучший наряд, приобретенный специально ради такого случая, и повесил на пояс два меча «триг», которые дал мне Тайрон: теперь я значился в Списках и имел право их носить. Это были добрые клинки, но я не мог не заметить мечи на поясе Палма – с рукоятями, изукрашенными серебром, с большим рубином в каждой.

Я сидел рядом с Квин. Мы с ней почти не разговаривали с той ночи, когда я сразился с кисточкой. Не то что бы она игнорировала меня, но все время держала дистанцию, лишь изредка бегло мне улыбаясь, и я решил не пытаться сломать лед. Но, когда я ненароком к ней повернулся, она заговорила первой:

– Мои поздравления! Ты отлично сражался на турнире. Отец сказал, ты был «хитрым», а это с его стороны настоящая похвала. Что собираешься делать с выигранными у Палма деньгами?

– Отложу их на покупку по-настоящему хорошего лака, наверное.

– Это необязательно, – улыбнулась Квин. – Отец даст тебе все, что нужно. Я никогда еще не видела, чтобы он так восторгался новым учеником.

– Что-то я редко это замечаю, – нахмурившись, сказал я.

Так и было: обычно Тайрон скупился на похвалу и как будто больше интересовался, как идут дела у Палма.

– Он скрытный человек, но поверь – он высокого мнения о твоих способностях, – сказала Квин. – Я еще могла бы понять его похвалы, если бы у тебя, как у Палма, был богатый отец… Наверное, у него на тебя особые планы. Поверить не могу, что он даже зарегистрировал тебя под своим именем!

– Он сказал, механики часто так делают.

– Большинство – да, но ты первый, кого он зарегистрировал так.

Мне было очень приятно это слышать. Наверное, Тайрон все-таки верит в меня, несмотря на все неприятности, в которые я влипал. Может, он назвал меня своим именем не только для того, чтобы скрыть, кем был мой отец?

– Как поживает Джон? – спросил я.

– Нормально, но беспокоится, что может потерять лицензию. Пока никто не выдвигал против него обвинений, но все знают, что он сделал, и лицензию могут отозвать в любой момент. Если у него есть враги, он скоро об этом узнает.

– И что он будет делать, если лишится лицензии?

Квин пожала плечами:

– Мы об этом не говорили. Я в любом случае больше с ним не увижусь, мы разошлись. Отец почти всегда держит меня дома, если я не работаю в офисе, и не разрешает мне выходить после наступления темноты… Разве что по особым случаям вроде этого.

– Мне жаль.

Но в душе я вовсе не жалел. Да, я знал, что Квин тяжело сидеть под домашним арестом, ведь она обожала посещать Колесо после заката, но я возликовал при известии о том, что она порвала с Джоном. Можно ли надеяться, что теперь у меня есть шанс?

– Не жалей, – сказала Квин. – И твоей вины здесь нет; Джону не стоило впутываться в это дело. Насколько я знаю отца, все равно он скоро подобреет. Сперва он закручивает гайки, но позже всегда сдается. Вскоре я его уболтаю! – с улыбкой добавила она.

Я старался придумать, что бы такое жизнерадостное сказать, но в голову ничего не приходило. Внизу, на арене, две двери оставались закрытыми, но вот-вот должна была начаться схватка. Тайрон до сих пор не пришел, и я уже начал беспокоиться, что он пропустит бой Керна, который значился в Списках одним из первых.

Внезапно факелы замерцали, и в следующий миг мы оказались в кромешной тьме. Вокруг раздались расстроенные и испуганные возгласы. Потом огни – и на стенах, и в канделябре над ареной – как ни в чем не бывало загорелись снова. Я взглянул вверх: факелы теперь пылали ровно, но вот замерцали опять, словно под дуновением холодного ветра, хотя воздух был совершенно неподвижен. Происходило нечто необъяснимое.

Нас снова накрыла абсолютная тьма, и воздух разорвали вопли и причитания. Когда же свет опять загорелся, зрители начали вставать и пробираться к проходам, торопясь убраться

отсюда. Ощущение паники и ужаса разлилось по балкону, люди рвались к выходу.

– Что это? – спросил я Квин.

Она не ответила. В любом случае я задал глупый вопрос и почти сразу сам догадался, что происходит: самое худшее, что могло случиться.

Хоб явился в Колесо, чтобы бросить вызов.

– Керн! Что будет с Керном? – спросила Тина.

Она подалась к нам, распахнув глаза и испуганно приоткрыв рот.

– В Списках нынешнего вечера двадцать семь бойцов «мин», поэтому мало шансов, что выберут именно его, – ответила сестре Квин. – Вот увидишь, будет драться кто-нибудь другой…

Повернувшись, я оглядел зрительский балкон. Недавно он был забит до отказа – здесь сидело около двух тысяч человек, – но теперь тут осталось всего несколько десятков зрителей.

Я молчал с сильно бьющимся сердцем, зная, что сейчас бойцы «мин» собрались под ареной, в зеленой комнате, и Главный распорядитель приближается к ним с лотерейным барабаном. В эти минуты выбирали того, что должен сразиться с Хобом.

С гулким грохотом одновременно открылись обе двери, и на арену вошел триглад Хоба: три лака обычного роста в доспехах черных, как эбеновое дерево. За ними последовал четвертый боец, и я впервые в жизни увидел Хоба.

Меня затрясло от нахлынувшего гнева: вот тварь, убившая мою мать и ставшая причиной смерти моего отца! Я был от него так близко, но ничего не мог сделать, и это было невыносимо!

С виду Хоб не отличался от любого другого бойца Арены 13, если не считать шлема, о котором рассказывал Тайрон. Забрало не было выполнено в виде лица, но там, где полагалось находиться глазам, его пересекала широкая черная щель.

В следующий миг из двери под нами на арену вышел боец «мин», и я, потрясенный, увидел серебряную эмблему волка на спине его кожаной куртки.

Негромко вскрикнув, Тина закрыла лицо руками и стала медленно клониться вперед, пока не положила голову на перила.

Хоть на такое и было немного шансов, это все же произошло: из лотерейного барабана вытащили соломинку с именем Керна, и теперь ему предстояло сразиться с Хобом.

Я взглянул на Палма и Дейнона: оба они пораженно уставились вниз на арену. Потом Дейнон перевел взгляд на Тину, открыл было рот, словно собираясь что-то сказать, но, похоже, передумал и отвернулся.

Квин подалась вперед и положила руку Тине на плечо.

Старшая сестра содрогалась от глухих всхлипываний.

Сейчас на Арене 13 явно действовали другие правила: Главный распорядитель появился лишь для того, чтобы кивнуть двум бойцам, и не раздалось рева трубы, обычно дававшего сигнал к началу схватки.

Двери закрылись, содрогнувшись, и последовала пауза, во время которой бойцы готовились к сражению, выбирая позиции, маневрируя и как будто собираясь с духом для первой атаки.

Поединок вот-вот должен был начаться. Керн медленно приближался к противникам, танцуя за спиной своего лака с лицом скорее напряженно-сосредоточенным, чем испуганным. Он сделал шаркающий шаг влево, потом вправо и начал выбивать подошвами шаблон.

Я не мог уследить за каждым из сигналов в последовательности, но достаточно часто наблюдал за тренировками Керна, чтобы в общих чертах понять его замысел. Керн готовился к наступлению. Обычно он начинал свои схватки с того, что Тайрон называл «контролируемой агрессией», и в этом не было ничего безрассудного – именно такая тактика и позволила Керну занять первые места в Триге.

Невозможно было понять, что чувствует Хоб, потому что его голову полностью закрывал шлем. «Какое у него лицо? – гадал я. – Холодное и бесстрастное? Или он ухмыляется в предвкушении победы?»

Мне не нравилось, что он в шлеме, а Керн – нет. Отец носил волчий шлем, – почему же другие бойцы не бросят Хобу вызов, сделав то же самое? Разве теперь это запрещено?

Керн атаковал. Он сделал это искусно, меч его лака с металлическим скрежетом лишь чуть-чуть промахнулся мимо горловой втулки ближайшего лака Хоба; но потом Керна стали теснить и прижали спиной к стене арены. Его лак отчаянно старался защитить его от клинков, которые описывали дуги, целя в человека.

Керн использовал свой любимый прием, двигаясь вдоль деревянной стены и то и дело отталкиваясь от нее, а лак всячески пытался его прикрыть, сдерживая натиск врага.

Керн снова пошел в атаку и некоторое время держался в центре арены. Он был хорош, и той ночью сражался лучше, чем когда-либо, достигнув новых высот боевого искусства. Один раз он даже отогнал Хоба и его триглад в дальний угол – казалось, есть реальный шанс, что человек сможет победить.

Небольшая толпа на балконе начала кричать, подбадривая его, а потом одобрительно затопала. Керна очень любили, все ожидали, что он станет чемпионом этого сезона. Люди верили в

него. Он был для них лучшим, и все желали ему победы над ненавистным Хобом.

Схватка была яростной, но постепенно Хоб начал брать верх и Керна снова стали теснить.

А потом прозвучал гонг. С трудом верилось, что уже пролетело пять минут. Теперь оба бойца должны были сражаться, стоя перед своими лаками.

Они перестали биться и сменили позиции.

Люди утихли; я ощущал их тревогу. Хоб был быстрым, неумолимым, куда опаснее любого лака. Теперь меч Керна будет сражаться против его меча. Протянув длинные руки поверх плеч Керна, его лак попытался его защитить – но сумеет ли он?

Хоб неистово атаковал, и Керн отступил.

Тина закрыла лицо руками, не в силах больше смотреть. Дейнон кусал ногти.

– Прочь от стены, дурак! Прочь от стены! – крикнул Тайрон, опустившись на сиденье рядом с Тиной. Он тяжело дышал.

Эти слова могли показаться слишком грубыми: было ясно, что Керн и так отчаянно пытается отойти от стены, но ему мешает яростно атакующий Хоб. Керн прижался спиной к защищенной доспехами груди своего лака, и податься ему было некуда: прямо перед ним стоял Хоб, с двух сторон напирал триглад. Но я знал, что Тайрон любит зятя как родного сына и только страх за Керна заставил его выкрикнуть эти слова.

Тина подняла голову с перил, прислонилась к отцу, и тот взял ее руки в свои. Она смотрела на арену словно загипнотизированная.

И тут – внезапно, ужасно, ошеломляюще – все закончилось.

Лак Керна упал: клинок вошел в его горловую втулку.

Керн с потрясенным видом шатнулся вбок. Хоб уже ранил его – его лицо было в крови, темное пятно медленно расплывалось по правому боку, сочась из-под кожаной куртки. Я увидел, как Хоб снова вонзил в него меч.

Меня замутило. Этого просто не может быть, это слишком жестоко! Керна убивали на глазах у жены, и никто ничего не мог сделать, чтобы его спасти.

Керн покачнулся, но не упал, хотя было ясно, что он тяжело (может, даже смертельно) ранен. Если бы действовали обычные правила, победивший боец и его триглад подались бы назад сразу после того, как пролилась кровь. Так уж были устроены лаки, если шаблоны их не изменяли для участия в бою насмерть или для сражения по другим правилам, таким, какие властвовали на арене сейчас.

Триглад наконец-то отступил, но это не могло спасти Керна.

Он был побежден и, живой или мертвый, принадлежал Хобу.

Мы ошеломленно наблюдали, как он покидает Арену 13.

Зрители молчали.

Керн хромал впереди Хоба и его лаков, храбро стараясь не упасть и морщась от боли. За ним тянулся кровавый след, и возле двери «макс» он остановился и покачнулся.

Я думал, он сейчас рухнет, но он повернулся к балкону и посмотрел вверх, на Тину, видя далекое лицо жены в последний раз.

Тина пронзительно выкрикнула его имя; ужасно было слышать в тишине ее страдальческий голос. Керн шагнул за дверь и исчез из виду.

Мы тут же покинули балкон: Тайрон и Квин крепко стиснули руки Тины и наполовину провели, наполовину втащили ее вверх по ступенькам. Зрители остались на своих местах, давая нам выйти. Они молчали, и на их лицах отражался целый спектр чувств: сострадание, гнев, сожаление, горе и уныние.

Тина вся напряглась и дрожала с ног до головы.

Когда мы вернулись в дом Тайрона, слуги, как всегда умелые и проворные, бросились на помощь. Послали за доктором, Тину завернули в одеяло и усадили перед очагом. Она все еще дрожала, но первая волна истерии прошла, и она вела себя спокойно и здраво.

– Помоги ему, отец, – тихо взмолилась она. – Пожалуйста, помоги ему! Я знаю, ты можешь это сделать.

Тайрон покачал головой и принялся расхаживать по комнате, как зверь в клетке.

– Выкупи Керна, пожалуйста… Если ты дашь Хобу много денег…

Тайрон продолжал расхаживать, и пролетело еще несколько драгоценных безвозвратных минут.

– Позволь мне предложить себя вместо него, – сказала Тина. – Пожалуйста, отец…

Вошел доктор, и Тину пришлось держать, пока доктор вливал ей в рот принесенное лекарство. Когда она лишилась чувств, двое слуг отнесли ее наверх в спальню. Квин отправилась следом, и только тогда Тайрон перестал ходить туда-сюда.

Он сделался очень спокойным и решительным – я очень хорошо знал это выражение его лица.

– Ступайте в постель, живо! – рявкнул он, бросив сердитый взгляд туда, где у двери стояли в ожидании я, Палм и Дейнон.

Но когда я повернулся, чтобы уйти, он окликнул:

– Не ты, Лейф! Ты ступай за мной.

Я последовал за ним в заднюю часть дома, а оттуда в подвал.

В каменной стене подвала была маленькая металлическая дверь, которую я замечал и раньше, но никогда не задумывался, зачем она здесь. Теперь Тайрон ее открыл, и я понял, что за ней сейф.

Вынув из сейфа мешок, Тайрон протянул его мне. Мешок был тяжелым и гораздо больше того, который Квин отдала кисточкам.

– Золото, – сказал Тайрон. – Единственная монета, которую примет Хоб.

Мы вышли в холодную ночь, и Тайрон зашагал к высокой деревянной повозке, в которую уже была впряжена шестерка лошадей. Он собирался нанести визит Хобу и выбрал меня, чтобы я его сопровождал. Конечно, я был польщен, но в то же время волновался и гадал – почему именно я?

Забравшись в повозку, Тайрон взял вожжи, но прежде чем отправиться в путь, повернулся ко мне и спросил:

– Ты знаешь, куда мы отправляемся?

Я кивнул.

– Тебе не обязательно ехать. Если боишься, возвращайся в дом.

– Я не боюсь, – ответил я.

– Это потому, что ты не родился в нашем городе. Тебе было бы страшно, знай ты о Хобе больше. Тебе известно, что он сделал с твоей матерью, но это лишь малая толика того, на что он способен. Я беру тебя с собой для того, чтобы ты понял, против чего выступаешь, – это одна из причин, но есть и другая. Я доверяю тебе. Доверяю так же, как доверял твоему отцу. Никто не должен в одиночку входить в цитадель Хоба, поэтому я хочу, чтобы со мной был человек, на которого я могу положиться.

– Нас могут убить там? – спросил я, показывая на холм.

– Не этой ночью – если ты сохранишь спокойствие и будешь в точности выполнять указания.

– А он послушает? Он отдаст Керна?

– Он может, – мрачно ответил Тайрон. – Но я подозреваю, что бедный Керн уже умирал, когда покидал арену. Мы отправляемся туда не в надежде вернуть Тине тело Керна, хотя я отдал бы за это почти все на свете. Мы отправляемся туда за другим…

– За другим? – повторил я.

– Да, – сурово кивнул Тайрон. – Я надеюсь выкупить душу Керна.

25
Кого ты любишь?

Начать войну легко,
Но некоторые войны не имеют конца.

«Амабрамсум»,

книга мудрости гентхаев

Почти полная луна уже взошла, но сейчас ее скрывал холм, поэтому небо было черным, с холодными и очень далекими брызгами звезд.

Я вновь и вновь мысленно видел, как умирающий Керн поворачивается и в последний раз смотрит вверх, на Тину. Это воспоминание заставило меня сдавленно всхлипнуть, и Тайрон бросил на меня быстрый взгляд, но ничего не сказал. Я постарался выкинуть эту картину из головы и думать только о том, что вижу вокруг.

Постепенно дорога, которая тянулась между деревянными домами, пошла вверх, и лошади замедлили шаг. Я знал, что Тайрон предпочитает быкам лошадей: обычно они двигались быстрее, но, когда подъем становился круче, с трудом налегали на упряжь и по их бокам катился пот. Может, для такого подъема все же лучше подошли бы быки?

Когда мы выехали за пределы Джиндина, дома стали встречаться редко, а те немногие, мимо которых мы проезжали, имели заброшенный, ветхий вид. Зато сегодня ночью на голом темном склоне не было видно кисточек. Где-то впереди, за возвышенностью, поднимались в небо тринадцать шпилей; мы двигались к цитадели, чьи защитные сооружения выходили далеко за пределы ее серых каменных стен.

Думая о том, что ждет нас впереди, я чувствовал и тревогу, и любопытство. Мне хотелось расспросить Тайрона о Хобе, но одно останавливало меня – его странные слова о душе Керна. Я боялся задавать вопросы: вдруг ответы покажут мне другого Тайрона, не того человека, которого я уважал и которым восхищался, а суеверного незнакомца? Как можно выкупить чью-то душу?

Чем выше мы поднимались, тем становилось холодней, а потом откуда ни возьмись вокруг возникли завитки густого тумана, похожие на кольца змей; они стремились окружить нас

непроницаемым белым барьером. Мы словно очутились внутри низкого облака – хотя только что я не видел впереди никаких облаков и теплой ночью позднего лета густая белая преграда вряд ли возникла сама собой.

Потом, так же внезапно, туман оказался уже под нами, белым ошейником изгибаясь вокруг холма. Наверху все было омыто лунным светом, а впереди темным чудовищем маячили огромные стены и тринадцать изогнутых шпилей цитадели Хоба.

Тайрон остановил лошадей, отрывисто приказал: – «Принеси мешок!» – и спрыгнул на землю.

К завязанному шнурком мешку с деньгами была прикреплена длинная петля из прочной цепи, и, вынув его из повозки, я повесил мешок на шею. Он был тяжелым, я едва поспевал за Тайроном, который шагал вдоль того, что вскоре оказалось изгибом стены. Будь эта стена не каменной, а деревянной, ее можно было бы принять за внешнюю стену Колеса.

Кое-где в камне чернели небольшие дыры, как раз такого размера, чтобы в них мог протиснуться человек. Я заглянул в пару дыр: похоже, они вели в уходившие круто вниз тоннели, а трава возле лазов была истоптана и перемешана с землей, как будто кисточки часто пользовались этими ходами. В ту ночь, когда три воина-гентхая пришли нам на помощь, я видел, как некоторые кисточки спаслись, ускользнув в такие тоннели.

Мы миновали большие ворота, в которые тогда колотил гентхай, но Тайрон, даже не взглянув на них, продолжал шагать вдоль стены.

Наконец мы подошли к огромной сводчатой арке. В ней не было ворот, которые преградили бы нам путь, и Тайрон уверенно свернул в нее. Мы оставили позади небольшой мощеный двор и вошли в неосвещенный тоннель. Вокруг было темным-темно, и, если бы не звук шагов Тайрона, ступавшего по каменным плитам, я повернул бы назад.

Визит в эту темную цитадель в любом случае казался глупостью, – и каким же немыслимым безрассудством было явиться сюда посреди ночи! Но потом я подумал о причине, которая привела нас в это страшное место, – о Керне – и постарался побороть страх. Тайрон знал, что делает, а мне оставалось верить в него и в то, что его затея удастся. Одно было бесспорно: он шел не наобум, ему и раньше случалось бывать в цитадели Хоба.

Мы шагнули из темноты тоннеля в огромный зал, озаренный сотней мерцающих свечей, укрепленных на стенах и вставленных в стоящий на полу огромный железный канделябр. Несмотря на их яркий свет, потолок терялся во тьме – таким высоким был зал.

Справа и слева тянулся ряд колонн, за которыми таились зловещие тени, в глубине помещения смутно вырисовывались другие колонны. Мраморный пол украшал сложный узор из переплетенных фантастических созданий – замысловатая мозаика из блестящих ярко-красных, желтых и темно-фиолетовых камней.

Тайрон быстро пошел туда, где на возвышении с тремя ступенями стоял трон.

Я уставился на этот трон, и при виде того, кто на нем сидел, по моей спине побежали мурашки.

Сперва он показался мне гигантом, втрое или вчетверо выше обычного человека, но, подойдя ближе, я понял, что меня обманывает зрение из-за размеров зала и искусно размещенных колонн. Эффект явно был рассчитан на то, чтобы внушить приближавшимся к трону благоговейный трепет.

Идя через зал, я ощущал, что за мной наблюдают со всех сторон; это чувство усиливал тревожный звук, слабый, едва различимый – невнятный шепот и бормотание. Я быстро взглянул направо, потом налево, обшарил взглядом колоннаду, но не увидел в зале никого, кроме существа на троне.

Почему здесь нет слуг? И кто сидит на троне – Хоб, мой враг, или простой привратник, за которым скрывается нечто большее, невидимое глазу?

Я тут же получил ответ на свои вопросы, когда Тайрон, к моему смятению, вдруг упал на колени, а потом растянулся перед троном лицом вниз. Несколько секунд он лежал ничком, пока я пытался уложить в голове то, что увидел. Неужто это и впрямь Тайрон, величайший механик Джиндина?! Тайрон, которого уважает весь город?!

Хоб медленно повернул голову и встретился со мной взглядом.

Бронзового шлема на нем не было. И вправду ли это та тварь, которая убивала Керна на арене?

Он выглядел как обычный человек, если не считать длинных, как у лака, рук. На нем была добротная кожаная куртка, темная, с длинными рукавами, и такие же темные брюки, явно сшитые первоклассным портным. Я увидел наброшенный на спинку трона плащ с кисточками, – вот в честь чего получили свое название слуги Хоба.

Но потом я заметил его ботинки, сделанные для боя на Арене 13, легкие и элегантные, зашнурованные до лодыжек. Как-то раз Тайрон сказал, что лет десять назад среди фанатов Джиндина была мода на ботинки, которые люди носили в подражание своим любимым бойцам. Потом мода прошла, и, не считая Квин и некоторых палочных бойцов, только сражавшиеся в Триге носили

теперь такие ботинки за пределами арены. Ботинки Хоба казались новыми, но на них виднелись мелкие темные брызги, и я вздрогнул, поняв, что это кровь с Арены 13.

Кровь Керна.

Хоб продолжал пристально смотреть на меня, и у меня начали дрожать колени. Сперва слегка, а потом, когда я невольно шагнул назад, дрожь усилилась и мои ноги ослабели и подогнулись. Еще секунда – и я бы упал, если бы Хоб не перевел взгляд на поднявшегося Тайрона.

– Господин, – сказал Тайрон, – я здесь, чтобы молить вас об огромном одолжении.

Хоб чуть заметно кивнул, давая разрешение продолжить.

Теперь, когда на меня больше не действовал взгляд джинна, я продолжил разглядывать его.

Голова чуть больше обычного, совершенно безволосая, на лице ни намека на растительность. Нос большой и крючковатый, похожий на клюв хищного орла из тех, что парили весной над Южными горами.

– Господин, молодой человек, которого ты победил на арене сегодня вечером, – муж моей дочери, – продолжал Тайрон. – Разрешишь ли ты выкупить его останки?

При слове «останки» я похолодел. Он говорил о Керне, который недавно был так полон жизни и надежд, так счастлив с женой и ребенком, так горд своими успехами в Триге!

После долгой паузы Хоб заговорил, но, вместо того чтобы ответить на вопрос Тайрона, задал собственный:

– Твоя старшая дочь здорова?

– Да, господин, – ответил Тайрон. – Она в добром здравии. Но, боюсь, случившееся будет стоить ей рассудка, если ты не смилостивишься.

– Сколько ты принес? – спросил Хоб.

Тайрон повернулся и махнул мне рукой, приказывая выйти вперед. Я снял с шеи цепь и положил мешок на мраморный пол рядом с ним.

Тайрон тут же опустился на колени, развязал веревку, вытащил пригоршню золотых монет и слегка театральным жестом позволил золотому дождю просочиться сквозь пальцы обратно в мешок.

– Это лишь задаток, господин. Вдвое больше я дам за останки Керна.

– В том числе за его душу? – спросил Хоб.

Тайрон кивнул, уставившись в пол.

– Тогда договорились, – сказал джинн. – Вдвое больше того, что ты положил передо мной, – и останки твои, как условлено. Ты

можешь забрать их прямо сейчас, но полную стоимость должен выплатить до новой луны.

Из-за колонн слева появился кисточка в одежде с капюшоном, с большим деревянным ящиком в руках. Остановившись перед троном, он поклонился Хобу, поставил ящик перед Тайроном, еще раз поклонился хозяину и ретировался обратно в тень.

Хоб махнул рукой, и Тайрон тут же упал на колени рядом с ящиком. Я не заметил на ящике никаких петель или запоров, но Тайрон был явно знаком с его устройством: он быстро поднял крышку, опустил переднюю стенку… И я в немом ужасе уставился на то, что увидел внутри.

Это была голова Керна.

Желчь подступила к моему горлу, я с трудом сдержал рвоту.

Но самое худшее было впереди! Я вдруг понял, что голова живая. Ее поддерживала путаница волокон, похожая на грибницу, и лицо, ужасно подвижное, подергивалось словно в судорогах. Внезапно черты его разгладились, глаза открылись и посмотрели прямо на Тайрона. Спустя мгновение взгляд упал на меня, и я без тени сомнения понял, что голова все понимает, что Керн, даже в таком кошмарном состоянии, все еще жив, в сознании и знает, кто перед ним.

По моим щекам потекли слезы. Как такой ужас мог произойти с Керном? Я вспомнил терпеливого учителя, мысленно увидел, как он держит за руку жену, улыбается, глядя ей в глаза, целует ребенка, сидящего у него на колене…

Губы Керна зашевелились, но с них не сорвалось ни звука, и на них выступила розовая пена. Тайрон очень ласково положил руку на голову – так отец мог бы положить руку на макушку своего ребенка.

Я наблюдал за этим с ужасом и болью. Потом повернулся, посмотрел на Хоба – и вдруг снова увидел туфли матери, валяющиеся в высокой траве на берегу реки. Увидел ее мертвое обескровленное тело. Увидел гневные глаза отца, когда тот бил меня, прогоняя прочь. Увидел, как горит наш дом, почуял запах обугленных тел своих родителей.

Я отправился с Тайроном в том, в чем вернулся из Колеса, и у меня, как и у него, все еще висели на поясе мечи. Желание убить Хоба вспыхнуло во мне с такой силой, что, не успев осознать, что я делаю, я выхватил эти мечи и сделал три шага к трону.

Хоб не шевельнулся, но время как будто застыло, и медленно, очень медленно я начал осознавать всю чудовищность своего поступка.

Я обнажил мечи, повинуясь инстинкту и бушевавшей во мне буре чувств, из-за которых у меня перехватило дыхание. Я

отчаянно желал прикончить зловещее создание на троне, джинна-кровопийцу, совершившего столько невыразимо мерзких дел.

Но теперь не только ненависть лишила меня дара речи. Глаза Хоба изучали меня, и я никогда еще не видел таких глаз – с необычно большими белками, с маленькими темными радужками выше центра каждого глаза. Я слышал, как о свирепом взгляде говорят «пучеглазая ярость», и это выражение вспомнилось мне сейчас. Да, на меня взирали с гневом, но с таким, какого я никогда раньше не видел. Холодные глаза смотрели не мигая – так огромная хищная рыба, обитающая в темных глубинах океана, лишенная чувств и жалости, смотрела бы на крошечного малька, ненароком угодившего в ее владения. В этих глазах не было ни привычных эмоций, ни мыслей; они были окнами, через которые нечто совершенно чуждое вглядывалось в мир людей, и я силился сбросить груз, увлекавший меня в непостижимую темную бездну.

Краешком глаза я увидел, что Тайрон глядит на меня, и чувства на его лице так быстро сменяют друг друга, что невозможно их распознать. Я вновь угодил в беду. Мне следовало бы держать себя в руках – конечно же, он разозлился! Тайрон сказал, что может положиться на меня, а я его подвел.

Внезапно он вновь пал ниц перед троном и заговорил, ритмично колотясь головой о мраморный пол.

Было трудно уловить смысл его сбивчивых слов, но было ясно, что теперь он молит сохранить мне жизнь. Я стоял как дурак, не в силах заговорить или шевельнуться, а он наконец встал, подошел ко мне и, схватив меня за руки, заставил вложить мечи обратно в ножны.

Потом Тайрон по-отцовски обнял меня, и я был потрясен, увидев, что он плачет. В конце концов он овладел собой и снова заговорил – медленно и осмотрительно:

– Мальчик юный и горячий, господин. Я не должен был брать его с собой. Он не ведает, что творит, но я его научу, дай мне только время, господин. Ты увидишь, он изменится.

– Возможно, – обронил Хоб. – Но прежде чем принять решение, я задам ему вопрос.

Он снова холодно уставился на меня и медленно спросил:

– Кого ты любишь, мальчик?

Странный вопрос. Я не хотел на него отвечать, но знал: если откажусь, то никогда не выйду отсюда живым. А еще я знал, что в этих стенах меня ожидают вещи пострашнее смерти.

Я попытался ответить, но в моей душе и голове царил сумбур. Теперь у меня не было отца и матери, которых можно было бы любить, и в их смерти был виноват Хоб. Я подружился с Дейноном, но чувствовал, что в этом городе мне ближе всего

Квин. Я сильно к ней привязался, вот только мои чувства вряд ли можно было назвать любовью. К тому же раньше она любила Джона, и с тех пор, как я об этом узнал, я старался не слишком с ней сближаться. Я считал Тайрона своим другом и защитником, но не любил его так, как некогда любил отца.

Поэтому я смог дать только один ответ:

– Я никого не люблю.

Хоб впервые улыбнулся.

– Ты можешь забрать две души, Тайрон, – сказал он. – Но я удваиваю цену, и ее следует выплатить до того, как обновится луна.

Тайрон начал бормотать бессвязные слова благодарности, но Хоб жестом велел ему замолчать и снова посмотрел на меня.

– Ты осмелился угрожать мне, мальчик, и за это тебя ждет расплата. Тебя следует наказать. Придет время, и ты изменишься – помимо того, что человек называет любовью, ты научишься и другим чувствам. Чем старше ты будешь становиться, тем больше будет тех, кого ты любишь, и сила твоей любви тоже будет расти. И вот тогда я начну забирать любимых тобой людей, одного за другим. Мало-помалу я отниму у тебя все, что тебе дорого, пока наконец ты не останешься один. И лишь тогда я убью тебя. Лишь тогда я поглощу твою душу.

Мои руки вновь решили зажить собственной жизнью и дернулись к рукояткам мечей. Но Тайрон уже поднял деревянный ящик, второй рукой крепко-накрепко обхватил мои плечи, повернувшись, заставил меня зашагать по мраморному полу к двери в дальнем конце зала.

Едва добравшись до повозки, Тайрон схватил вожжи и направил лошадей вниз по холму.

Я сидел рядом с ним, растеряв все слова. Ужас того, что сделали с Керном, давил на мою душу, как крышка свинцового гроба.

Но наши испытания еще не закончились. Я понял, что Тайрон выбрал не тот путь, который вел прямиком в город, и вскоре мы очутились на поросшем лесом склоне, где слева и справа к дороге подступали молодые деревья. Тут Тайрон остановил повозку, схватил ящик и спрыгнул на траву.

Я последовал за ним, не зная, что теперь будет. Мы стояли на небольшой прогалине, и луна едва виднелась между деревьями, ее слабый свет отбрасывал на траву призрачные тени.

Я взглянул на Тайрона: наверное, он вне себя от ярости из-за того, что я натворил. Он сказал, что доверяет мне, а я позволил чувствам одержать надо мной верх и снова его подвел. Но он

выглядел таким печальным, как будто мог вот-вот заплакать.

Поставив ящик на землю между нами, Тайрон быстро его открыл. В полумраке трудно было ясно разглядеть лицо Керна, но я увидел, что глаза его закатились.

Я наблюдал, как Тайрон ласково положил руку на лоб Керна и пальцами закрыл ему глаза, пробормотав лишь: – «Покойся в мире…»

Сверкнул клинок: Тайрон двумя быстрыми ударами рассек волокна под головой.

Потом он крепко зажмурил глаза, вздохнул, пошел к повозке и несколько мгновений спустя вернулся с лопатой, которую протянул мне.

– Копай глубже, – велел он.

И я начал копать. Один раз я оглянулся на Тайрона; он сидел, скрестив ноги, рядом с ящиком. Вокруг царила полная тишина – если не считать всхлипов Тайрона.

Наконец, опершись на лопату, я спросил, достаточно ли глубока яма.

– Еще глубже, мальчик. Вдвое глубже, – ответил он.

Когда я закончил копать, Тайрон положил ящик в яму. По счастью, теперь лицо Керна было неподвижным, как будто жизнь наконец-то покинула голову. Тайрон снова сходил к повозке и через несколько мгновений принес жестянку густого смазочного масла, которым щедро полил ящик и поджег.

Шум огня, высокие языки пламени – и тошнотворный запах горящей плоти.

Еще дважды Тайрон лил из жестянки в яму, заставляя пламя взмывать в ночное небо.

– Мы не можем рисковать, – сказал он. – Ты не поверишь, на что способен Хоб.

Без дальнейших объяснений он взял лопату, засыпал яму и наконец, с сожалением покачав головой, крепко утоптал землю.

На пути домой мы молчали.

Мой разум словно оцепенел.

26
Достоинство

Наш господин – самодержец в шатре,
где расстелены карты.
Его глаза смотрят в никуда, рука под головой.
Как водомерка по ручью,
Его разум скользит по тишине.

Сборник старинных сказок и баллад

Очутившись в доме, я пробормотал «Спокойной ночи» и двинулся было в спальню, решив, что Тайрон хочет побыть с семьей. Но, к моему удивлению, он жестом велел следовать за ним.

Я послушно поднялся вверх по лестнице в его кабинет, ожидая, что получу нагоняй. В очаге пылал огонь, Тайрон молча показал на кресло перед ним и, когда я сел, оставил меня одного.

Примерно через полчаса он вернулся с графином темно-красного вина и двумя бокалами, поставил их на стол и, к моему удивлению, налил оба бокала до краев. Подойдя к огню, Тайрон сел и протянул один бокал мне.

– Тина крепко спит, – сказал он. – Доктор собирается держать ее на снотворном по крайней мере сутки.

– Что вы ей расскажете? – спросил я.

– Как можно меньше, – угрюмо ответил Тайрон. – Я расскажу, что получил останки и кремировал их. Расскажу, что Керн покоится в мире.

– Почему нам не отдали все его тело? – спросил я.

– Потому что кисточки каннибалы, – ответил Тайрон.

Содрогнувшись, я в ужасе опустил взгляд. Наверное, поэтому они и явились к озеру за телом девушки.

Мы с Тайроном долго сидели молча, прежде чем я заставил себя поднести бокал к губам и нерешительно отхлебнул вино. Оно показалось горьким, но легко скользнуло по пищеводу, и мне сразу стало тепло.

– Этот дом – одно из самых безопасных мест в городе, – сказал Тайрон. – У него прочные укрепленные двери, и несколько моих слуг способны в случае чего не растеряться и взять в руки

оружие. Кисточки редко появляются в богатых частях Джиндина, предпочитая темные улицы рядом с Колесом; то, что они нагрянули к озеру, – необычный случай. Но если Хоб и вправду решит расправиться с тобой, я ничего не смогу поделать.

– Разве мне грозит опасность уже сейчас? – спросил я. – Судя по его словам, я должен беспокоиться только о будущем.

– Верно, но Хобу ни в чем нельзя доверять, что бы он ни делал и ни говорил. Спустя некоторое время он может забыть о своих угрозах – но может и не забыть. Самыми опасными будут следующие несколько дней… Но, думаю, лучше отложить твой выход на Арену Т13 по крайней мере на год – на сезон или даже больше.

Эти слова поразили меня. Обычно ученики-второгодки участвовали в нескольких схватках друг с другом, а самых лучших порой выставляли и против бойцов более высокого ранга, имевших за плечами многолетний опыт. Такие сражения входили в процесс обучения. Я считал дни до своего первого сезона, предвкушая, как снова буду сражаться на Арене 13.

– Но почему? – спросил я.

– Поверь, тебе лучше не высовываться, – ответил Тайрон. – Стоит тебе впервые дать настоящий бой, и Хоб может явиться в Колесо, чтобы найти тебя. И тогда с лотерейным барабаном могут произойти странные вещи. Но, может быть, я сумею договориться, чтобы он на некоторое время тебя оставил в покое и ты смог усовершенствовать свои боевые навыки. Это будет немало стоить, но такое возможно.

– Неужели нам нельзя ничего сделать, не боясь Хоба? – горько спросил я. – И для нас не может быть ни мира, ни достоинства?

Я увидел, как Тайрон вздрогнул при слове «достоинство», как будто я ударил его. Взглянув на его лоб, я даже при неярком свете заметил синяк, оставшийся после того, как он бился головой о мраморный пол в тронном зале.

– Достоинство? Тебе нужно достоинство, мальчик? – сердито воскликнул он. – Что ж, в данный момент достоинства у нас кот наплакал. Пройдет очень много лет, прежде чем мы сможем позволить себе иметь достоинство. Насколько я понимаю, тебя не слишком впечатлило мое поведение нынче ночью. Так вот – мне пришлось платить за две души, а если бы ты сохранил спокойствие, я заплатил бы только за одну. Твоя несдержанность стоила мне прибыли целого сезона. Но я не в первый раз поднялся на тот холм, не в первый раз протянул заработанное тяжким трудом золото Хобу, не в первый раз сжег и похоронил останки, чтобы они ему не достались. И что значит золото, если

оно может спасти человеческую душу от мук?

Я был ошеломлен этим взрывом. Наверное, Тайрон о многом умолчал – о том, чего я еще не видел.

– Думаешь, мне нравится ползать перед этой тварью? Как по-твоему, почему я это сделал? Отвечай! – потребовал он.

– Ради Керна и меня, – запинаясь, ответил я.

– Да, ради бедного Керна и ради тебя, но не только. Ты не понимаешь, насколько Хоб могущественный и опасный. Без его молчаливого согласия я бы не достиг своего нынешнего положения, и даже сейчас он мог бы уничтожить меня, если б захотел. Поэтому я кланяюсь, расшаркиваюсь и прячу то, что ты называешь «достоинством». Я поступаю так потому, что здесь кое-что назревает. Кое-что, зависящее от этого дома и от того, чем я и другие занимаемся в Триге. Видишь ли, дела у нас идут лучше, мальчик. Медленно, но уверенно дела идут лучше. Мы карабкаемся по длинной лестнице, ведущей обратно к достоинству. Некогда люди правили всем миром, не было туманного Барьера и страха, заточившего нас в это проклятое место под названием Мидгард – так говорят старинные книги. – Тайрон показал на книжную полку и покачал головой.

– Как знать, годимся ли мы для того, чтобы управлять собой, не говоря уж об управлении миром? Но вот что я тебе скажу: если не будем править мы, будут править другие. Темные твари вроде Хоба и еще более темные твари за Барьером – существа, которые поддерживают нашего так называемого Протектора и удерживают нас в этом месте, заставляя запирать двери на ночь в страхе за безопасность наших жен и детей.

Теперь я глядел в пол. То, что случилось в логове Хоба, начинало представать предо мной в новом свете.

– Пей свое вино, мальчик, но не привыкай к нему – я позволю тебе, моему ученику, только один бокал. Я хочу, чтобы ты запомнил те минуты, когда сидел со старым Тайроном, прихлебывая вино, и он рассказывал тебе правду о том, что пытается сделать; правду, которую не знает даже его родная дочь. Квин считает меня стяжателем, и в некотором смысле она права. Деньги важны для меня, но по веской причине. Они нужны, чтобы покупать у Торговца лучших лаков. Они нужны, чтобы покупать словы, которые однажды превратят моих лучших лаков в нечто иное. Видишь ли, мальчик, несмотря на то, что случилось с беднягой Керном, мы все еще здесь. Мы все еще живы. И ты будешь драться на Арене 13. Тебе просто понадобится чуть больше терпения, вот и все. Как бы тебе понравилось сражаться позади лака, который все понимает?

Я уставился на Тайрона, едва веря своим ушам, и по его

глазам понял, что он говорит совершенно серьезно.

– Ты догадываешься, что это будет означать? – спросил он. – Больше не придется топать по половицам, отдавая команды лаку с убитым разумом. Он будет полностью все осознавать. Он будет знать шаблоны не хуже тебя, оценивать каждый шаг, сделанный на арене. Вы оба сможете пользоваться языком Улум. Такой лак сможет взять инициативу на себя и, в случае необходимости, подавать сигналы тебе! Ты сможешь с ним разговаривать, сможешь вслух руководить его тактикой; представь себе, что твоя быстрота и инстинкты бойца вступили в союз с таким лаком. Возможно, придет время, когда мы будем желать, чтобы Хоб нанес нам визит. Вспомни Гунтера и твоего отца – вспомни, чего они достигли… А теперь давай посмотрим, чего смогут достичь вместе Тайрон и Лейф!

– Вы и вправду сможете задать лаку такие шаблоны, что он станет полностью разумным? – спросил я.

– А снег тает весной? А волк воет на луну? – слегка улыбнувшись, отозвался Тайрон. – Я уже близок к этому, Лейф, очень близок. Может, это произойдет не в нынешнем году и не в следующем, но очень-очень скоро. Вот почему я бьюсь головой о пол – чтобы удержать ее на плечах. – Он показал на свой лоб. – Меня тренировал Гунтер – Гунтер Великий, а он был лучшим механиком, которого когда-либо видел Джиндин. Из учеников Гунтера твой отец стал самым лучшим бойцом Арены 13, а я – самым лучшим шаблонщиком. У меня умная голова, хоть и не годится говорить такое о себе. Хотел бы я, чтобы сейчас в нашем городе жил еще один такой же умный человек. С моей головой и твоими ногами мы однажды сможем кое-чего добиться, причем я имею в виду не только Арену 13.

Тайрон отхлебнул вина, и в наступившей тишине я попытался догадаться, что же он имеет в виду.

– Помнишь, что сказал Хоб? – продолжал Тайрон. – Одного за другим…

– Может быть, это были просто угрозы?

– О да, это были именно угрозы – и он достаточно мстителен, чтобы их осуществить. Но у него ограниченное число личностей. Да, он умеет восполнять их, но на это требуется время. Именно так можно его уничтожить, именно так мы с ним и поступим. Одна личность за другой – так мы ослабим его. Твой бедный отец, наверное, был очень близок к победе, так близок! Хоб пришел в отчаяние, поэтому и потребовал, чтобы Мэт сражался, стоя все состязание перед лаком.

– То есть, если бы отец продолжал биться, рано или поздно он встретился бы с Хобом в последний раз и смог бы уничтожить

последнюю из его личностей?

– Возможно… – медленно проговорил Тайрон. – Но не забывай, люди в ужасе бежали из города. Как знать, что мог сделать Хоб, припертый к стене? Существует древнее оружие, которое называется атомным, способное испепелить город и погубить тысячи человек. Как знать, что припрятал джинн-отщепенец вроде Хоба в подвалах своей цитадели? Нет, есть другой способ – застать его врасплох. Мы должны сперва ослабить его на арене, это и будет твоей работой. А потом, осуществив задуманное, атаковать Хоба в логове. Этого он не ожидает, и наш замысел может удасться, особенно если атаку возглавит обладающий сознанием лак.

Я удивленно разинул рот. Все это казалось неправдоподобным. Сделай такое заявление любой другой, я решил бы, что он просто фантазирует, мечтает, предлагая убежище от жестокой реальности, от того, что сейчас происходит в городе. Но Тайрон произносил каждое слово веско и убежденно, и я верил, что он может сделать все, о чем говорит.

– Итак, развивай свою ловкость и старайся сделать так, чтобы твой мозг догнал в проворстве твои ноги, – заключил Тайрон. – Торговец посещает Морские Ворота ранней весной. Я возьму тебя с собой – это поможет тебе лучше понять, что я пытаюсь сделать.

Я кивнул, допил остатки вина и поставил пустой бокал на стол.

Тайрон снова наполнил свой бокал, но не мой.

Пять минут спустя я был уже в постели, но спал плохо. Я не мог забыть события на арене и визит в цитадель Хоба и снова и снова видел, как Керн в последний раз встречается глазами с Тиной… А потом видел его голову, лежащую в ящике.

27
Заупокойная служба

Это время ожидания.

Это время, когда правят женщины.

Но вскоре оно закончится.

Луна затмится, а солнце воссияет.

Тогда Тхангандар вернется, чтобы вести нас к победе над проклятым джинном.

«Амабрамдата»,

книга пророчеств гентхаев

Джиндин был в основном безбожным городом, в нем имелось лишь несколько мест для богослужений, и ни одно из них не вместило бы больше двух десятков людей, поэтому заупокойную службу по Керну провели на Арене 13. Его очень любили и зрители, и товарищи-бойцы, и балкон был забит до отказа. Все сидели молча, ожидая, когда появится Пинчеон и начнет церемонию. В тот день носили только черные кушаки, и женщины с ненакрашенными губами оделись в багровое и серое – традиционные цвета траура.

Я сидел в первом ряду, слева от меня – Дейнон и Палм, справа – Тайрон, а Тина – между ним и Квин.

Перед тем как покинуть дом, Тайрон дал несколько суровых наставлений, по большей части обращаясь к Квин – хотя глаза его ненадолго остановились и на мне. На заупокойной службе может говорить любой, сказал он, но мы не должны использовать этот повод для нападок на Хоба. Обвинить его – значит навлечь несчастье на всю семью.

Сверху спустился огромный канделябр, залив арену мерцающим желтым светом, и дверь «макс», громыхнув, открылась. Пинчеон в черном кушаке, сжимая в руке официальный церемониальный посох, медленно вышел на середину арены и посмотрел вверх, на зрителей.

– Мы собрались здесь, чтобы восславить жизнь Керна и запомнить его смерть! – выкрикнул он, и слова его отдались эхом от стен. – Он умер храбро, так же, как и жил. И он был искусным

бойцом. Он продолжал бы сражаться, чтобы стать одним из величайших бойцов, каких когда-либо видела арена. Кто еще будет говорить о Керне?

В ответ на балконе поднялось несколько рук. Пинчеон трижды стукнул посохом в пол, потом показал им на молодого человека справа.

– Крассий будет говорить! – выкликнул он.

Крассий был одним из бойцов «мин» Тайрона; он только что закончил третий год тренировок, и я встречался с ним лишь один раз, потому что теперь он жил в «Колесе». Рыжеволосый веснушчатый юноша, поднявшись, сделался ярко-багровым из-за того, что приходилось выступать перед таким большим собранием.

– Керн был не только умелым бойцом, но и великим учителем, – начал он. – Он был добрым и терпеливым, и я многим ему обязан. Он помог мне почувствовать уверенность в себе, убедил, что я могу преуспеть. Я пришел в этот город один и без друзей, и Керн и его жена Тина стали моими друзьями. Тина, я скорблю о твоей потере. Мы все разделяем твое горе, но ты наверняка горюешь больше всех.

Когда он сел, слеза скатилась по щеке Тины, но она улыбнулась Крассию и подняла руку.

Поднявшись, Тина не сразу смогла заговорить. Я боялся, что ей не хватит сил, но она сделала глубокий вдох и начала:

– Я любила Керна, люблю и буду любить вечно. Я ужасно по нему скучаю. Но самую огромную потерю переживает наш ребенок, который никогда не узнает его. Я буду помнить мужа и расскажу сыну, что Керн был замечательным отцом.

После того как высказался Тайрон (очень формально), была еще дюжина выступающих, представителей самых крупных игорных домов – по большей части бойцов, если не считать механика Воуда, друга Тайрона. Но никто из собравшихся не сказал того, что следовало сказать. Никто не пришел в ярость из-за того, что сделали с Керном. С поражением можно было бы смириться, как с обычным для арены делом, и смерти тоже следовало ожидать – в конце концов, бой бойца Колеса и Хоба приравнивался к бою насмерть. Но меня ужасало то, что случилось после, и ярость прокатывалась по мне волнами. Хоб и его кисточки могли забрать побежденного противника с арены живым или мертвым и где-то в темных тайниках цитадели с тринадцатью шпилями отделить голову от тела. Тело пожирали кисточки, а голову сохраняли живой… Как с таким можно было мириться?! Как нечто настолько омерзительное могло сходить им с рук?!

– Кто-нибудь еще хочет что-нибудь добавить? – вопросил Пинчеон.

Воцарилось молчание, а потом я заметил движение справа – Квин подняла руку.

Женщинам не разрешалось ступать на арену, но они могли говорить с балкона. До сих пор из женщин слово брала только Тина, но теперь Квин захотела сказать речь. Я увидел тревогу на лице Тайрона.

Пинчеон постучал посохом, потом показал им на Квин и назвал ее имя.

Она начала вставать с искаженным от ярости лицом.

– Нет!

Тайрон потянулся через Тину, чтобы удержать младшую дочь, но та вырвалась и встала.

И тут за руку ее схватила Тина.

– Пожалуйста, – тихо сказала она. – Пожалуйста, не надо!

Две сестры мгновение пристально смотрели друг на друга, а потом Квин кивнула, соглашаясь. Я подумал, что только Тина, вдова Керна, в этот день могла остановить Квин: отца она ни за что бы не послушалась.

– Я любила Керна как родного брата, – сказала Квин четким и резким голосом. – Он был неистовым бойцом, но в личной жизни – человеком мягким. Воспоминания делают нас теми, кто мы есть, формируют наше сознание, определяют наш жизненный путь. Я буду бережно хранить воспоминания о Керне!

Квин села и добавила так тихо, что расслышали только мы, сидящие рядом:

– И я буду жить, чтобы отомстить за его смерть!

Потом Пинчеон произнес короткую заключительную речь, и заупокойная служба закончилась.

После ужина Тайрон попросил меня остаться в столовой.

– Просто хочу перекинуться с тобой парой слов, – сказал он.

Поэтому я подождал, пока Палм и Дейнон вернутся в нашу комнату, чтобы уложить вещи: они собирались на следующий день ехать домой.

– Тебе решать, чем ты будешь заниматься ближайшие три месяца, мальчик, – сказал Тайрон. – Большинство учеников возвращаются к семьям, но, поскольку для тебя это невозможно, ты можешь остаться здесь – тебе будут только рады.

– Спасибо за предложение, но я решил отправиться на юг, во владения гентхаев. Хочу посмотреть, как живет народ моего отца.

– Хорошая мысль, Лейф. Думаю, всем нам следует вернуться к своим корням. Я знаю кое-кого, кто собирается тоже двинуться

на юг, и, если ты подождешь пару дней, договорюсь, чтобы тебя подвезли – хотя бы до Майпосина. После этого все в твоих руках. Но ты должен вернуться не позже чем за три месяца до начала следующего сезона, чтобы начать тренировки, ясно? Наша работа продолжается.

Я кивнул, и Тайрон, пожав мне руку, без дальнейших слов вышел из столовой.

Когда я поднялся наверх, мои товарищи по комнате собирали свои пожитки, и картина с изображением Мэта исчезла со стены.

Дейнон с улыбкой повернулся ко мне.

– Я попрощаюсь сейчас, Лейф, – завтра еще до завтрака меня заберет отец.

– А я пробуду здесь еще пару дней, а потом вернусь в Майпосин, – сказал я. – Тайрон хочет договориться, чтобы меня подвезли. Увидимся, когда начнутся тренировки перед следующим сезоном, и желаю тебе хорошо отдохнуть!

Краешком глаза я заметил, что Палм наблюдает за нами. Я думал, он собирается отпустить какое-нибудь саркастическое замечание или спросить, зачем я собираюсь в Майпосин, раз у меня там нет семьи, но он придержал язык. Что ж, я тоже могу быть вежливым.

– И тебе хорошо отдохнуть, Палм, – повернувшись к нему, сказал я. – Ты в последний раз будешь ночевать в этой комнате, верно?

Он кивнул:

– Да, я начал тренироваться перед концом прошлого сезона, поэтому прожил здесь больше года. Пора переезжать. В следующем году я буду жить в Колесе. Но мы обязательно увидимся снова и однажды встретимся на арене!

В его голосе звучал вызов: он явно предвкушал, как победит меня на Арене 13. Я молча улыбнулся в ответ.

Да, я обязательно встречусь с ним на арене. И, несмотря на его грозный триглад, я был полон решимости победить. Но я был счастлив, что еще не скоро его увижу, хоть и скучал по картине, пусть художник и не сумел похоже изобразить лицо моего отца.

Следующие два дня в доме было слишком тихо – он как будто утратил свою деловитую целеустремленность.

Тина сидела в своей комнате, Тайрон и Квин проводили время в офисе Тайрона в административном здании, Палм и Дейнон уехали. Я не знал, чем заняться, и пытался работать над шаблонированием, но никак не мог сосредоточиться, поэтому часто бродил по городу.

На второй день, под вечер, я пришел на плазу, и мои ноги

будто сами собой свернули к магазину, торговавшему принадлежностями для Трига.

Тем же вечером я сумел перехватить Квин после ужина и с сильно бьющимся сердцем сказал:

– Это тебе.

Я понятия не имел, что она сейчас сделает и скажет.

– Что это? – спросила она, нерешительно взяла сверток и повертела в руках, не сводя с меня пристального взгляда.

– Просто подарок, – сказал я. – В благодарность за то, что ты показала мне город, когда я был здесь новичком.

– Тебе не за что меня благодарить. Сперва из-за меня тебя выгнали, а после чуть не убили.

Квин открыла сверток и уставилась на красные ботинки.

– Я не могу их принять! – с неподдельным гневом заявила она.

– Почему? – с упавшим сердцем спросил я. – Дейнон сказал, они тебе очень нравятся.

– Они слишком дорогие, Лейф! Ты слишком много за них заплатил.

Она широко раскрыла глаза, слеза скатилась по ее щеке, а потом Квин ушла, даже не поблагодарив.

Я был слегка обижен – но, по крайней мере, она не швырнула мне эти ботинки, а оставила себе.

На следующий день рано утром я ожидал у ворот повозку, которая должна была подвезти меня на юг до Майпосина. За завтраком я попрощался со всеми, поэтому удивился, когда Квин вынырнула из боковой двери и подошла ко мне.

– Желаю безопасного путешествия, Лейф, – сказала она с улыбкой. – Хотелось бы мне поехать с тобой и посетить земли гентхаев!

– Мне бы тоже хотелось, чтобы ты поехала, – ответил я. – Вместе путешествовать веселее.

– Я попросила об этом отца, но он так побагровел, что я уж думала, его хватит удар! – засмеялась она. – Может, когда-нибудь мы и вправду отправимся в путешествие вместе.

– Было бы здорово.

Раздался стук колес приближающейся повозки, и тут Квин вдруг шагнула ко мне и с серьезным видом поцеловала в щеку:

– Спасибо за ботинки, Лейф! Это был самый лучший подарок в моей жизни!

С этими словами она повернулась и вбежала в дом.

Я озадаченно глядел ей вслед. Она поцеловала меня как сестра или в ее поцелуе было нечто большее?

Размышляя об этом, я швырнул свой мешок в заднюю часть повозки, а сам забрался на место рядом с возницей.

Я буду скучать по Квин, и мне не терпелось вернуться в дом Тайрона, чтобы начать тренировки перед следующим сезоном, но меня переполняло ощущение приключения. Я загляну в Майпосин, чтобы повидаться с Питером и другими друзьями, а потом двинусь дальше на юг. Я предвкушал путешествие в земли гентхаев.

Мне хотелось увидеть, какой он – народ моего отца.